цвна 60 вон.

84(2=411.2)5

C89

AA KJACCHAA BUBJIOTEKA,

издаваемая подъ редакціею

А. Н. Чудинова.

ПОСОВІЕ ПРИ ИЗУЧЕНІМ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. ВЫЦУСКЪ ХІУ-й.

А. Л. Сумароковъ.

избранныя ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

Жоревъ, траг. — Синавъ и Труворъ, траг. — Опенунъ, ком. — Матеріалы для изученія его произведеній.

Изданіе 2-е, И. Глазунова.

(Исправленное и дополненное В. Костылевымъ).

Александръ Петровичъ Сумароковъ.

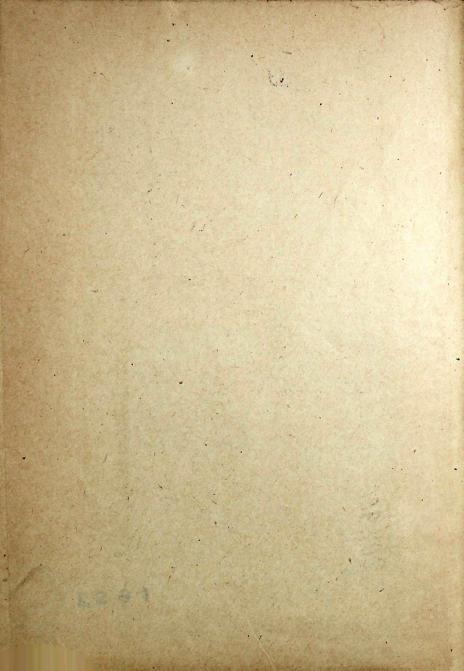
ПЕТРОГРАДЪ. .типографія глазунсва, казанская ул., № 8 1916.

204.306.

1 OF2 : AR. C- 89

1927

Федоръ Григорьевичъ Волковъ, первый русскій актеръ.

РУССКАЯ КЛАССНАЯ БИБЛІОТЕКА,

ИЗЛАВАЕМАЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

А. Н. Чудинова.

ПОСОБІЕ ПРИ ИЗУЧЕНІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

А. П. ОУМАРОКОВЪ.

Дар

ИЗБРАННЫЯ

ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

Коревъ, траг. — Синатъ и Труворъ, траг. — Опекунъ, ком. — Матеріалы для коуленія его произведеній.

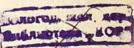
Изданіе 2-е, И. Глазунова.

(Испольденное и дополненное В. Костылевымъ).

10501

WALLOUTER

мук «ЦБС» г. Вологда

7442-9-1

Александръ Петровичъ Сумароковъ.

ПЕТРОГРАДЪ. типографи глазунова, казанская ул., № 8. 1916.

Учет 1935 г.

Центр писателя В.И. Белова 84(2-411,2)5-6 C89

Изъ многочисленныхъ сочиненій Сумарокова мы избрали двъ трагедіи: первую по времени написанную имъ и едва ли не лучшую ... "Хоревъ" ... и "Синавъ и Труворъ", которую самъ авторъ считалъ наиболъе зрълымъ своимъ произведеніемь; къ нимъ мы сочли ум'єстнымъ присоединить Комедію "Опекунъ", характеризующую нашего поэта, какъ изобразителя отринательныхъ сторонъ современной ему жизни. Текстъ всёхъ трехъ піесъ напечатанъ по Новиковскому изданію 1787 г. (Москва, 2 изд.), болве другихъ исправному, при чемъ ореографія принята современная. Чтобы выяснить действительное значение литературной діятельности Сумарокова, изученію послідней должно быть предпослано некоторое знакомство съ теоріей исевдо-классической трагедіи—съ этою цёлью мы пом'вщаемъ дв'в теоретическія статьи о значеніи трагедін и о трехъ единствахъ-Корнеля. Вследъ за симъ, мы рекомендовали бы прочесть съ учащимися трагедію Расина "Гоеолія" въ новомъ, прекрасномъ переводѣ Л. Поливанова, удостоенномъ Пушкинской преміи (М. 1892. 2 р.), и затъмъ уже приступить къ изученію Сумарокова. Отрывки изъ монографіи проф. Булича о трагедіяхъ п комедіяхъ С-ва облегчатъ учащимся болье върное пониманіе ихъ и дадуть ключь къ правильной критической оцѣнкѣ.

Къ выпуску, по обыкновенію, прилагается портретъ Сумарокова и современнаго ему Θ . Γ . Волкова, перваго русскаго актера (1729—1763).

Въ декабрьской книг'в журнала "Русская Мысль" за 1892 г., нъкто г. Каллашъ помъстилъ небольшую замътку, въ качествъ отвъта на тъ нъсколько словъ, которыя были сказаны мною въ предисловіи къ IX вып. Рус. Класс. Библ., по поводу рецензіи 1-го вып. нашего изданія, принадлежащей тому же автору.

Не могу и на этотъ разъ оставить безъ возраженія болье чъмъ страннаго отвъта рецензента Р. М.

Прошлый разъ я съ достаточной убъдительностью доказалъ ему, что конъектуры (мысь, вм. мысль и др.) совствит не "прекрасныя", какт онт утверждаль, укоряя меня за ихъ отсутствіе, и "почти никъмъ не приняты". Не будучи, конечно, въ состояніи опровергнуть последняго обстоятельства, г. Каллашъ требуетъ отъ меня доказательствъ, что онъ "не удачны". Весьма охотно исполняю его желаніе и привожу след. мненіе объ этой конъектурѣ А. Н. Веселовскаго: "Выраженія: (расте-"каться) мыслію по древу и (скакать) по мыслену древу, "очевидно, не могутъ быть отдълены другъ отъ друга, "и потому едва-ли представляется необходимость замъ-"нить въ первой фразъ мысль-мысію для того, чтобы "возстановить воображаемый параллелизмъ: мыши (соб-"ственно: летучая бълка), волка и орла. Собственно па-"раллелизма тутъ нътъ, выражение: растекаться мыслію "по древу (разумфется, опять-же мысленному)-общее, "которое далбе разрабатывается въ отдельныхъ конкрет-"ныхъ образахъ. Мысленное древо-такое-же фигурное "выраженіе, какъ и следующее далее: о десяти соко-"лахъ, напускаемыхъ на стадо лебедей. Дерево дало сю-"жеть для фигурныхъ толкованій, которымъ воспользо-"валась и народная загадка, и мистико-поэтическія "толкованія, отправлявшіяся отъ библейскаго древа по-"знанія: такъ говорили о древѣ любви, arbor memoriae "и т. п. Мысленное древо-это arbor cogitationis, раз-"работанный по пріемамъ пінтики, этотъ образъ вызы"ваетъ представленіе поэта соловьемъ, который порхаетъ "по мистическимъ вѣтвямъ, прообразующимъ различныя "способности человѣческой души, находящейся въ актѣ "творчества; затѣмъ образъ мѣняется: Боянъ носится "орломъ подъ облаками, волкомъ по землѣ.... 1)".

Этоть превосходный анализь почтеннаго академика долженъ-бы быть, впрочемъ, извъстенъ г. Каллашу, который далье обвиняеть меня въ томъ, что я "забыль или "не зналъ изследованій А. Н. Веселовскаго, В. Ө. Мил-"лера и др." Обвинение это обращено ко мнв за то, что я позволиль себ'в усомниться въ возможности "яснаго и опредъленнаго объясненія слова Троянь въ Словъ о Полку Игоря. Посмотримъ, что говорять объ этомъ названные имъ ученые, изследованія которыхъ критикъ "не забыль и твердо знаеть". Изъ многочисленныхъ (до 150-ти) изследованій и статей А. Н. Веселовскаго только одна (рецензія книги проф. В. О. Миллера) посвящена Слову: кром' того, въ двухъ другихъ рецензіяхъ и въ "Южно-русскихъ былинахъ", мимоходомъ, сказано нѣсколько словъ по поводу отдёльныхъ мёстъ этого памятника. Въ упомянутой рецензіи (стр. 296), А. Н. Веселовскій говорить: "Если гипотеза (г. Миллера) о зависи-"мости Слова отъ одного какого-нибудь болгарскаго ори-"гинала можеть вообще возбудить сомнинія, то исторія "эпитета "Троянь" должна возбудить ихъ наиболъе.... "Обосновать эту гипотезу болве въскими доказательствами "я не могу, но въ вопросахъ, поднимаемыхъ Словомъ. "многое еще остается во мракъ...."—В. О. Миллеръ, въ своей книгъ: "Взглядъ на Слово о Полку Игоря" (стр. 105),

Новый взглядь на Слово о Полку Игоревѣ. Журн. М. Н. Пр. 1877 г., № 8, стр. 278—279.

называя эпитеть "Троянь" загадочным, съ своей сторены, вотъ что говоритъ по поводу выраженія: "на седьмомъ въпъ Трояни": "Сколько-бы мы ни гадали, намъ не раз-"гадать этой загадки, и можно положительно сказать, "что авторъ Слова зналъ объ этомъ не болве нашего. "Онъ просто перенесъ въ свое произведение это выраже-"ніе своего источника, не понява его, и, быть можеть, "даже исказивъ". --- И такъ, если-бы нашъ критикъ дъйствительно помниль или зналь изслёдованія названныхъ имъ ученыхъ, то у него самого не возникло бы никакихъ сомнъній относительно отсутствія ясныхъ и опредъленныхъ объясненій эпитета "Троянь" и, во всякомъ случав, ему совершенно понятно-бы было, почему я не счелъ возможнымъ внести такого рода комментарій въ изданіе, предназначенное для школы. Въ концѣ концовъ, кто изъ насъ двухъ повиненъ въ гръхъ забоенія или незнанія ръшить теперь нетрудно.

Относительно второй конъектуры: полозы-змѣи, принадлежащей В. Ө. Миллеру, рецензенть говорить, что такъ какъ книга В. Ө. Миллера вышла въ 1877 г., "христоматія же Ө. И. Буслаева уже много лѣтъ пере"печатывается безъ исправленія, что значится и на "обложкѣ ея", то г. Буслаевъ, очевидно, не могъ принять новой конъектуры "за нѣсколько лѣтъ до ея появленія". Соображеніе это было-бы совершенно резонно, если бы оно не опиралось на чисто фантастическомъ основанія. Въ настоящую минуту, передъ моими глазами лежитъ "Русская христоматія" Ө. И. Буслаева, которою я пользовался при пзданіи "Слова"; на оберткѣ ея означень 1888 годъ и напечатано: "четвертое изданіе, исправленное и дополненное". Слѣдовательно...? Впрочемъ, авторъ вообще не стѣсняется подборомъ аргументовъ:

тамъ, гдъ онъ не можетъ, напр., опровергнуть ссылки, онъ развязно объявляеть, что "даже такіе почтенные ученые, какъ акад. Тихонравовъ, Буслаевъ, дълаютъ промахи" и что "можно-де было-бы не повторять ихъ"; или, расчитывая, должно быть, на разсвянность читателей библіографических зам'єтокъ, цитируеть, напр., указанное мною мъсто, яко-бы въ опровержение меня, тогда какъ на самомъ дълъ оно только подтверждаетъ мои слова (текътъ, крикъ дятла) и т. п. При такихъ условіяхъ, отв'вчать, на этотъ разъ, детально на каждое изъ замічаній рецензента, какъ мы поступили прежде, былобы дъломъ не только скучнымъ, но и безцъльнымъ. И приведеннаго мною вполнъ достаточно, чтобы убъдиться въ совершенной несостоятельности его критическихъ пріемовь, при несомнівномь и великомь желаніи, во что бы то ни стало, повредить изданію "Русской Классной Библіот. " въ глазахъ публики.

Относясь съ полнымъ вниманіемъ къ отзывамъ благожелательной критики и съ величайшей признательностью пользуясь ея указаніями, я считаю полемику съ критиками, подобными рецензенту Р. М., непроизводительной потерей времени. Предпринятое мною большое и сложное дѣло, конечно, неизбѣжно должно заключать немало и мелкихъ, и крупныхъ промаховъ, хорошо понятныхъ всякому, знакомому съ процессомъ подобнаго рода работы; съ каждымъ послѣдующимъ изданіемъ, надѣюсь, всѣ эти недостатки будутъ тщательно устраняемы. Но въ дѣлѣ устраненія ихъ, конечно, мнѣ не придется воспользоваться указаніями г. Каллаша.

Предисловіе ко 2-му изданію.

Во второмъ изданія настоящаго выпуска Русской Классной Библіотеки, редактированномъ мною, сдѣланы слѣдующія исправленія и дополненія: 1) исправлена ореографія словъ согласно съ Руководствомъ правописанія Я. Грота и 2) помѣщены новыя статьи: а) Французско-классическая трагедія. А. Д. Галахова и б) Чувство трагизма. Характеристика его. Составъ трагическаго чувствованія. Дѣйствіе трагизма на душу. М. И. Владиславлева.

В. Костылевъ.

Петроградъ. 1915 г.

I. X0РЕВЪ ¹).

ТРАГЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДЪЙСТВІЯХЪ.

дъйствующія лица:

Кій, князь Россійскій. Хоревь, брать и наслёдникь его.

Завлохъ, бывшій киязь Кіева града.

Оснельда, дочь Завлохова.

Сталверхъ, первый боярпнъ Кіева. вовъ. каперсникъ Хоре-

Астрада, мамка Оснельдина.

Два стража.

Три воина.

Плѣнникъ.

Дъйствіе въ Кіевь въ княжескомъ домь.

ДЪЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

явленіе і.

Оснельда и Астрада.

Астрада.

Княжна! сей день теб'в свободу об'вщаетъ, Въ посл'яднія тебя зд'ясь солнце осв'ящаетъ.

^{1) &}quot;Хоревъ" — первая трагедія, написанная Сумароковымъ въ 1747 г. и сыгранная на дворцовомъ театрѣ въ 1750 г. Въ ней авторъ сумѣлъ сохранить всѣ правила французской псевдо-классической теоріи и, вмѣстѣ, остаться вѣрнымъ тѣмъ нравственнымъ принципамъ, которые онъ считалъ важнымъ проводить въ жизнь. Изображая борьбу личной страсти съ общественнымъ долгомъ, при чемъ послѣдиій торжествуеть, а страсть сама себя побѣждаетъ изъ сознанія святости долга, авторъ влагаетъ въ уста своихъ героевъ мысли, которыя облагораживали человѣка и изъясняли ему понятія

Завлохъ, родитель твой, пришелъ ко граду днесь, И воружаются ко оборонѣ здѣсь. Ужъ носится молва по здѣшнему народу, Что Кій, страшася бѣдствъ, даетъ тебѣ свободу.

Оснельда.

О день! когда то такъ, день радости и слезъ! Щедрота поздняя разгиванныхъ небесъ, Смвшенна съ казнію и лютою напастью! Чрезъ пущую обду отверзся путь ко счастью. Астрада! мив уже свободы не видать, — Я здвсь осуждена подъ стражею страдать: Хотя я нвкую часть вольности имвю И отъ привычки злой претериввать умвю. А тамъ.... увы!.....

объ его истинныхъ обязаностяхъ. Хоревъ и Кій, съ разныхъ сторонъ, обрисовывають идеаль человька, къ которому было направлено стремленіе тоглашних лучших людей. Первый бояринь Кія, Сталверхь, оклеветавшій Хорева и Оснельду, въ страшномъ угрызеніи сов'єсти бросается въ Дивпръ. называя себя злодвемъ. Такимъ образомъ, мораль и проповедание добродетели были руководящимъ принципомъ Сумарокова, который выразилъ ихъ лишь въ формъ, заимствованной съ запада. Съ другой стороны. поэть задался мыслыю создать русскую трагедію, хотя и въ форм'в иноземной. Поэтому за содержаніемъ ел онъ обратился къ русской исторіи и, разумъется, къ древнимъ временамъ. По мнѣнію его, русскому не слъдуетъ совершенно отрываться отъ Россіи, а, напротивъ, необходимо обращаться къ предкамъ и у нихъ искать себь уроковь. Къ сожальнію, современное ему состояніе исторических знаній у насъ было настолько скудно, что онь могь воспользоваться для своей трагедін лишь нёсколькими чисто внъшними фактами: событіемъ, взятымъ частію изъ льтописи, и собственпыми именами. Наконецъ, въ этой трагедіи выразилось и патріотическое чувство Сумарокова въ описаніи, напр., сраженія, которое имфло прямое отношеніе къ современнымъ событіямъ и, конечно, во многихъ встрілтило сочувствіе. Главный педостатокъ трагедін Сумарокова заключается въ томъ, что действующія лица въ ней-не характеры и не живые люди, а олицетворенія какого-нибудь чувства или страсти, любви, ненависти, дружбы и т. п.

АСТРАДА.

А тамъ остаточный предѣлъ, Гдѣ множество еще во власти вашей селъ, Наслѣдіе твое: а ты воздвигнешь племя Безчадному отцу; уже приходитъ время Тебѣ достойнаго супруга получить, И падшій родъ опять отъ низкихъ отличить. Ты будешь мать....

Оснельда.

Молчи, не представляй мнѣ браковъ, Несчастной мнѣ къ тому ни малыхъ нѣтъ признаковъ; Довольно: я хочу нзъ сихъ противныхъ мѣстъ. О жалостна страна! о горестный отъѣздъ! Толкуй мон слова, толкуй мон напасти И сожалѣй о мнѣ въ такой суровой части.

Астрада.

Поняти не могу сей тайны твоея.

Оснельда.

Теперь откроется теб'в душа моя, Но ахъ! объемлетъ стыдъ, вс'в мысли днесь мятутся, И р'вчи во устахъ безгласны остаются.

Астрада.

Никакъ постигла я? любовь....

Оснельда.

Прилично ль мив

Ея заразы знать въ печальной сей странѣ? О томъ ли помышлять Оснельдѣ надлежало? Но ахъ! вошло во грудь сіе змѣино жало. Ты сказывала мнѣ отцово житіе И многажды при томъ плачевно бытіе, Какъ смерть голодная народы пожирала, И слава многихъ лѣтъ въ одну минуту пала.

Благополучный Кій побълу одержаль.— Родитель мой тогда въ пустыни убъжалъ: Въ отчаяные своемъ тревожась, унывая, Озеры на конъ и ръки преплывая, Съ оставшимъ воинствомъ лѣсъ, горы преходя, Разбитъ и побъжденъ, изъ степи въ степь блудя. Моя стеняща мать, сыновъ своихъ лишася, Въ послъдокъ и съ своимъ супругомъ разлучася, Услыша злую вёсть, что Кій, какъ вётеръ-прахъ, Народы разметавъ, во градскихъ ужъ вратахъ, Лицо горчайшими слезами омывала И кровь свою своей рукою проливала, И лобызаючи въ последнія меня, Скончала бѣдну жизнь, въ сонъ вѣчный пременя. А я въ плънение сие инзвергинсь году, Не помню ни отца, ни матери, ни роду; Однако кровь во мев во всв шестнадцать лвтъ, Какъ помнить я могу, отмщенье вопістъ. Я сказанное мнв плачевно время вижу, И рода моего убійцу ненавижу; Но ахъ! Хоревъ въ тв дин хотя младенецъ былъ, Онъ Кію брать, увы!... а мнъ, Астрада, милъ.

Астрада.

Искореняй сей ядъ, -- отецъ тебя желаетъ.

Оснельда.

Мит памятенъ мой долгъ; пускай сей огнь пылаетъ; Какія бъ надобно суровости имть, Когда бъ отца могла и не хотъла зръть? Оснельда только симъ единымъ нынъ льстится; Но духъ, мой слабый духъ, и рвется, и мутится.

Астрада.

Давно ль, съ которыхъ дней ты знаешь эту страсть, И непорочный духъ позналъ любови власть?

Оснельда.

Шесть мѣсяцевъ уже, Астрада, унываю И слезъ въ одрѣ моемъ потоки проливаю, Достоинства его и искрення любовь, Противъ желанія, зажгли внезапно кровь. Я стала на него охотнѣе смотрѣти, Не смысля, что иду въ неисходимы сѣти: Искала, чтобы мнѣ съ нимъ чаще купно быть И время горести скорѣе проводить. И стало безъ него вездѣ въ послѣдокъ скучно; Желала, чтобъ была съ Хоревомъ неразлучно, И въ то, то время я узнала страсть мою, Которую еще понынѣ я таю. Я злилась на себя за сей преступокъ грозно И каялась, но что! уже то было поздно.

Астрада.

А если Кій отдасть отцу тебя назадь, И будешь ты должна покинути сей градь, Возрадуешься ли, родителя увидя?

Оснельда.

Возрадуюсь, но жизнь мою возненавидя: И только веселъ сей единый будетъ часъ,— Онъ веселу меня одинъ увидитъ разъ. Но какъ то ужъ ни есть, мнѣ льститъ сія минута: Поди и извѣстись, уже ль судьбина люта Назначила сей день Завлоха облегчить. И вѣрь, котя она стремится приключить Жестоку мнѣ тоску и жалкую разлуку, Я бодро шествую на эту злую муку.

Я В ЛЕНІЕ II. Оснельда одна.

Къ чему ведетъ меня моя судьбина зла! Къ такимъ ли днямъ, любовь, во мнъ ты кровь зажгла! Несчастливымъ временъ жестоки всв премвны. О домъ отцевъ монхъ! о вы, противны стѣны, Которыми пришлецъ сей городъ оградилъ! Земля, въ которой Кій кровавы токи лиль! Мѣста, толь много разъ слезами орошенны, Возлюбленнымъ монмъ Хоревомъ украшенны, Печалей и утъхъ собрание и смъсь, Чфмъ слабая душа обремененна днесь? Огверзи мнв врата любезныя темницы И выпусти меня за Кіевы границы! О честь! о долгь! любовь! мой князь! родитель мой! Дълите сердце днесь и рушьте мой покой! А ты, о естество! терпи случаевъ ярость И бременемъ своимъ несчастливую старость Потшися оболрить, какъ бѣлной небеса Ладутъ на жительство дремучіе лѣса!

явление ии.

Оснельда и Хорэвъ.

Хоревъ.

Тотовься къ радостямъ, кияжна, въ сей день желаниый: Ужъ часъ приближился, тобой толь часто званный. Уже открылся путь тебъ изъ здъшнихъ стънъ,— Ступай и покидай мъста сіи и плънъ; Родитель твой въ сей день тебя къ себъ желаетъ, А Кій, мой братъ, на то уже соизволяетъ. Внимай изъ устъ моихъ желаемый отъйздъ; Но, отлучаяся изъ сихъ противныхъ мъстъ, Которыя тебя въ неволъ содержали, Когда дни счастливы Завлоха пробъжали, Хогя единою утробой я рожденъ Со княземъ, коимъ твой родитель побъжденъ, Не ставь меня врагомъ; мной, сколько можно было, Несчастіе тебя подъ стражею щадило;

Я тщился оное вседневно облегчать... Ты плачешь; но къ чему такъ сердце отягчать? Или воспомнила ты Кіеву досаду? Но я противнаго не подавалъ и взгляду.

Оснельда.

Я плачу, что тебѣ безсильна отслужить; Но вѣрь мнѣ, вѣрь, мой князь, гдѣ я ни буду жить, Я милостей твоихъ вовѣки не забуду И съ ними всиоминать тебя по гробъ мой буду. О солнце, кое здѣсь въ послѣдній разъ я зрю! О солнце! ты то зришь, отъ сердца ль говорю! Въ томъ ты свидѣтель будь, что имя милосердо, Доколѣ я жива, пребудетъ очень твердо.

Хоревъ.

Въ последнія уже любезный слыша гласъ И видя предъ собой тебя въ последній разъ, Прошу тебя, скажи, скажи, княжна драгая, Мон усердія въ умѣ располагая, Возмогъ ли сердце я твое когда тронуть? И чувствовала ли твоя хоть мало грудь Тобой въ моей крови произведенный пламень? Но можно дь воспадить огнемъ дюбовнымъ камень? Я многажды тебѣ горячность открываль, Которою меня твой сильно взоръ терзалъ: Открытіе сіе мя паче тяготило, Что слово на него ни разу не польстило; Но кая красота мнѣ язву подала И во отчаянномъ умѣ моемъ жила. Я чаяль, я рождень къ единой только брани,-Противниковъ карать и налагати дани; Но богъ любви тобой ту ярость умягчилъ, Твой взоръ меня вздыхать во славъ научилъ, Когда твои глаза надежду мив давали, А безпристрастныя слова мив сердце рвали:

СОДЕРЖАНІЕ.

	CTP.
Предисловіе кь І-му пзданію	I
Предисловіе ко II-му изданію	VII
І. Хоревъ, трагедія въ 5 дійствіяхъ	1
II. Спнавъ и Труворъ, трагедія въ 5 дѣйствіяхъ	49
III. Опекунъ, комедія въ 1 дъйствів	102
объяснительныя статьи.	
1) Разсужденіе о трагедін, ст. 1—2. П. Корнеля	132
2) Расинъ. Э. Фаге	151
3) Французско-классическая трагедія. А. Д. Галахова	
4) Трагедін Сумарокова. Н. Н. Булича	162
5) Комедін Сумарокова. Н. Н. Булича	174
6) Чувство трагизма. Характеристика его. Составъ трагическаго	
чувствованія. Действіе трагизма на душу. М. И. Влади-	
славлева	177

Я слабости своей стыдился и стеналь, И въ горести моей, что дёлати, не зналь! Противъ тебя, противъ себя вооружался, И пламень мой тобой вседневно умножался. Я тщился много разъ, дабы тебя забыть, И мнился иногда уже свободенъ быть; Но вспомнивъ, я опять то чувствовалъ, что страстенъ. Сей гордый духъ тебъ сталъ въчно быть подвластенъ.

Оснельда.

Ахъ! князь, къ чему ужъ то, что я тебъ мила? Къ чему тебъ желать, чтобъ я склонна была? Не мучь меня, не мучь, не извлекай слезъ ръки; Ужъ больше не видать тебъ меня вовъки. Когда тебъ судьба претитъ меня любить, Старайся ты меня изъ мысли истребить.

Хоревъ.

Коль любишь, такъ скажи, исполнь мое желанье; Пускай останется хотя воспоминанье.

Оснельда.

Люблю.... доволенъ ли? поди изъ глазъ моихъ, Оставь меня въ тоскѣ, останься въ мысляхъ сихъ. Я всѣ вздиханія твои напрасно трачу. Мнѣ время отъѣзжать, а я лишь только плачу. Ищи другой любви; довольно въ свѣтѣ дѣвъ, Которымъ будетъ милъ любезный мой Хоревъ. Люби, которая имѣть то счастье станетъ. А та теб по гробъ безъ слезъ не воспомянетъ, Которой эту часть хотѣло небо дать, Чтобъ ей тебя по смерть любить и не видать.

Хоревъ.

Ты любишь, а меня смертельно поражаешь? Ты плачешь, а сама отсель отъвзжаешь?

О боги! о княжна! имъйте жалость днесь! Пребудь надъ градомъ свътъ! княжна, останься здъсь!

Оснельда.

Мой рокъ—такой, чтобъ я Хорева покидала И чтобъ его во въкъ отнынъ не видала.

Хоревъ.

Вѣщаешь о любви ты только миѣ маня!

Оснельда.

Какъ я тебя люблю, люби ты такъ меня: Или не вѣрь, имѣй неправедныя мысли,— И мнѣ еще сію бѣду къ бѣдамъ причисли. Какихъ ты требуешь свидѣтелей глазамъ, Когда не вѣришь ты ни стону ни слезамъ!

Хоревъ.

Чего желается, и что намъ столь пріятно, То кажется всегда намъ быть невѣроятно, И зрится, какъ во снѣ; но о престрашный сонъ! Какое множество въ семъ счастіи препонъ! Пріятные часы! вы—щедры мнѣ и люты: Какими я могу назвать сіи минуты? Несчастными почесть? мнѣ—много счастья въ нихъ. За счастливы принять? что злѣй минутъ мнѣ сихъ! Оснельда, если бракъ любви не разрушаетъ, И должность пламени въ крови не угашаетъ, Почто творити намъ другъ другу стонъ? И что препятствуетъ взойти тебѣ на тронъ, Который ждетъ меня?... Ты мнѣ не отвѣчаешь: Иль скипетръ и въ моихъ рукахъ противнымъ чаешь?

Оснельда.

Престань себѣ, мой князь, надеждою сей льстить И ахъ! престань, престань мой разумъ симъ мутить. Судьба меня съ тобой на вѣки раздѣлила,

И тщетно насъ любовь съ тобой соединила. Какъ буду я имъть въ одръ моемъ того, Чей съ трона братъ отца низвергнулъ моего И трупы братіевъ моихъ влачилъ безстыдно, Взирая на престолъ Завлоховъ звъровидно: Гражданъ безъ жалости казнилъ и разорилъ, И кровью нашею весь городъ обагрилъ! Оснельду въ пеленахъ невольницей оставилъ. Перунъ! почто меня отъ смерти ты избавилъ: А жизнь оставя, далъ ты чувствовати честь? Или,—чтобъ было мит трудите пго несть! Мить бъ лучше умереть, какъ жити во неволъ И зръти хищника на отческомъ престолъ.

Хоревъ.

Сея ли рѣчи я изъ устъ любезныхъ ждалъ! Завлоха я еще, еще не побъждалъ; Но можетъ быть... Увы! ты плачъ усугубляешь.

Оснельда.

Какія ты слова со мной употребляещь? Довольствуйся моей ты слабостью и рви Во мнѣ печальный духъ, жестокой въ сей любви; Оставь невольницей Оснельду въ жизни слезной, Терзай меня, дерись съ отцемъ своей любезной: Оружье я сама противъ себя дала; Но вспомни ты, того ль я, чтя тебя, ждала. Твоя рука еще Оснельду не губила; Такъ сдѣлай, чтобъ она Хорева не любила. Разрушь враждой любовь, будь счастливъ, побѣждай, Взносись моей бѣдой; лишь только разсуждай: Противъ кого ты, князь, ко брани гнѣвъ сугубишь, — Идешь противъ тоя, которую ты любишь!

Хоревъ.

А если твой отецъ позволитъ на сіе?... Скончаешь ли, княжна, мученіе мое?

Оснельда.

Какую область ты имѣешь надо мною! Я злобъ не чувствую, мнъ сказанныхъ тобою.

Хоревъ.

Всесильны небеса! подайте помощь намъ, Оставьте духъ во мнѣ и свѣтъ монмъ очамъ! Завлоховъ будетъ родъ тобой опять возставленъ, И твой поносный плѣнъ монмъ вѣнцомъ прославленъ. А Кій препятствовать не будетъ намъ ни въ чемъ: И брань окончится любовью, не мечемъ.

Оснельда.

Изъ нашихъ подданныхъ, стенящихъ здѣсь во градѣ, Пошли съ сей вѣстію, къ Завлоховой досадѣ, Чтобъ вѣдалъ онъ, хоть я преступницей даюсь, Что я въ моей любви враговъ его таюсь И только лишь съ тобой единымъ согласилась. О небо! что за мысль въ мой слабый умъ вселилась!

Хоревъ.

Поди, дражайшая, и грамоту готовь, Пиши къ родителю, что вложитъ въ умъ любовь. Изобрази отцу, стоящу въ ратномъ полѣ, Что кровь его опять здѣсь будетъ на престолѣ, И плѣнники своихъ покинутъ тягость узъ, Когда совокупитъ желанный насъ союзъ. Посолъ тебѣ въ сей часъ, любезная, предстанетъ. Увы! когда моя надежда мя обманетъ!

> ДЪЙСТВІЕ ВТОРОЕ. ЯВЛЕНІЕ І. Кій и Сталверкъ.

Ужель къ отшествію?...

Сталверхъ.

Готово все теперь,
Но ты обманамъ симъ не върь, о князь! не върь.
Съ отшествіемъ ея бъда во градъ готова:
Завлохъ, принявшій дочь, не сдержить данна слова И съ тою жъ яростью пойдетъ противу стънъ.
Брегися, государь, нечаянныхъ измѣнъ.

Кій.

Любезну зрѣти дочь чрезъ таковое средство—
Преобратится лесть ему же въ пуще бѣдство.
Что можетъ, разсуди, измѣнникъ учинить?
Народъ безчисленный удобно ль возмутить,
Въ которомъ множество мнѣ сердцемъ покоренно?
Владычество мое любовью утвержденно;
Меня мон рабы непринужденно чтятъ,
Мнѣ вѣрности давно ихъ внутренну явятъ.
Хотя моя рука отъ старости слабѣетъ,
И хладна кровь во мнѣ силъ прежнихъ не имѣетъ,
Возлюбленный мой братъ, наслѣдникъ мой и сынъ,
Соизволеніе прещедрыхъ мнѣ судьбинъ
Своею силою исполнитъ,—и съ размаху
Противъ враговъ моихъ пойдетъ, какъ левъ, безъ страху.

Сталверхъ.

Великій государь! но мужество его Ты будеть ли имъть на мъсто своего?

Кій.

Сомивнія въ томъ нівть. Строптивые сосіды По сіверу гласять до волнь его побіды. Сармація дрожить руки его меча. Орда, какъ вівтра прахъ, біжить его плеча. Недавно отъ него безстрашные народы Текли черезъ лівса, чрезъ горы и чрезъ воды. Казалось имъ, что онъ всю землю могъ потрясть,

И всю вселенную Россіи дать подъ власть. Или,—что знають всѣ, Сталверху неизвѣстно? Дѣла Хоревовы гласятся повсемѣстно.

Сталверхъ.

Весь сѣверъ знаетъ то; но онъ великъ себѣ: Коль славенъ мужествомъ, толь вреденъ онъ тебѣ.

Кій.

Хоревъ?... мой братъ?... мой сынъ... Хоревъ меня обманетъ? Опомнися: Хоревъ противъ меня возстанетъ?

Сталверхъ.

А если будетъ такъ, что скажешь ты тогда? Раскаянье живетъ и поздно иногда. Питай водами лавръ, доколѣ не увянетъ, И скройся грозныхъ тучъ, доколѣ громъ не грянетъ.

Кій.

Чѣмъ можешь ты меня, Сталверхъ, увѣрить въ томъ? И предвъщаешь ты, скажи, какой мнѣ громъ?

- Сталверхъ.

Внемли, что я внималъ, и разсуждай безстрастно, Правдиво ли мое сомнѣнье, иль напрасно: Когда я шелъ сюда, Хоревъ отселѣ шелъ И изъ чертоговъ сихъ съ собой Оснельду велъ, Которая тебя убійцемъ называла, И, плача, вотъ какой совѣтъ она давала: Коль надобна, мой князь, любовь моя, Такъ будь Завлоху другъ, а я—по смерть твоя. Услыша странное, я тотчасъ утаился, Чтобъ ясно разговоръ начатый мнѣ открылся. Онъ ей отвѣтствовалъ—что злѣй сего сказать! Я кровь отцевъ твоихъ взнесу на тронъ опять! И воспріявъ съ тобой страны сея державу, Твой родъ возобновлю, воздвигну падшу славу.

Кій.

Сталверхъ! ты—въренъ мнѣ; но дѣло таково Восходитъ выше силъ понятья моего. Кому на свътъ семъ вдругъ върити возможно? Хочу равно и ложь, и истину внимать И слъпо никого не буду осуждать. Мятусь, и лютаго злодѣя видя въ горѣ. Князь—кормщикъ корабля, власть княжеская—море, Гдѣ вътры, камни, мель препятствуютъ судамъ, Желающимъ пристать къ покойнымъ берегамъ. Но часто кажутся и облаки горами, Летая вдалекъ по небу надъ водами, Которыхъ кормщику не должно объгать; Но горы ль то, иль нътъ—искусствомъ разбирать. Хоть всѣ бъ въщали мнѣ: тамъ горы, мели тамо, — Когда не вижу самъ, плыву безъ страха прямо.

явленіе п.

Кій и Хоревъ.

Кій.

Примай оружіе: се долгь тебя зоветь, И слава на поляхь тебя съ побѣдой ждеть, Котора много разъ вѣнцы тебѣ сплетала, Когда твоя рука въ народы смерть метала. Вели въ трубы гласить и на враговъ возстань, Кинь въ вѣтры знамена и исходи на брань. Ступай—и побѣди, и возвратися славно, Какъ съ Скиескія войны подъ лаврами недавно.

Хоревъ.

Наукъ бранной ты Хорева самъ училъ,— Я имя славное тобою получилъ. И ты пять лътъ мнъ самъ свидътель былъ вседневно, Страшился ль я когда враговъ во время гнъвно? Какъ сталъ ты немощенъ, я твой намъстникъ сталъ, И воинствомъ уже я самъ повелѣвалъ.
Въ трудахъ и подвигахъ возросъ и укрѣпился,
И безпокойствовать безскучно научился.
Но сколько воиновъ смерть алчна пожрала?
Возбудитъ ли вдовамъ супруговъ ихъ хвала,
Что въ мужествѣ своемъ съ мечьми въ рукахъ заснули,
И трубы ихъ въ крови противничей тонули?
Колико въ снѣдъ звѣрямъ отцевъ, супруговъ, чадъ
Повержено мечемъ? колико душъ взялъ адъ?
Когда на жертву насъ злой смерти долгъ приноситъ,
Помремъ; но жертвы сей она теперь не проситъ.
Когда народъ спасти не можно безъ нея,
Мы въ пропасть снидемъ всѣ, и первый сниду я:
Но нынѣ страха нѣтъ народу и коронѣ;
А мечъ дается намъ лишь только къ оборонѣ.

Кій.

Когда Завлохъ дерзнулъ сей городъ осадить, Такъ должно воинство ко брани учредить.

Хоревъ.

Онъ дочери своей одной отъ насъ желаетъ, А прочее намъ все безбранно оставляетъ. Ты самъ предъ симъ часомъ людей своихъ щадилъ: Что сталося, что вдругъ ты мысли премѣнилъ?

Кій.

Нѣтъ, князь, нейти на брань—не ту вину имѣешь, Что ты о воинствѣ печешься и жалѣешь; Твою я вижу мысль, и что въ умѣ твоемъ, О чемъ ты сѣтуешь въ смятеніи своемъ: Ты хочешь, чтобъ княжна свободу воспріяла.

Хоревъ.

Хотя бы и того душа моя желала, Чтобъ намъ во тишинѣ, а ей по волѣ жить,— Желаньемъ симъ тебя могу ли прогнѣвить? Щедрота похвалы въ побъдахъ умножаетъ И человъчество въ душахъ изображаетъ. Или подобиться во бранныхъ дъйствахъ намъ Въ пустыняхъ ужасно воюющимъ звърямъ, Которы никакой пощады не имъютъ? Не ихъ примъры намъ во браняхъ быть довльютъ. Довольно въ варварствъ мы кровь свою піемъ, Когда по должности другъ друга мы біемъ И защищеніе съ отмщеніемъ мѣшаемъ. Подъ видомъ мужества мы звърство возвышаемъ. Какое имя ты, лесть груба, злу дала? Убійство и грабежъ геройствомъ назвала!

Кій.

Но если мщенія Оснельда не забудеть, И ежели супругь ея таковь мнѣ будеть, Какъ прежде быль Хоревъ трепещущимъ ордамъ, Текущимъ отъ него по блатамъ и водамъ?

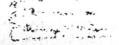
Хоревъ.

Привыкшіе давно народы поб'єждати
Не могутъ надъ собой поб'єды ожидати.
А ты, о государь! не жди монхъ изм'єнъ:
Въ сей часъ, въ сей зл'єйшій часъ, иду изъ градскихъ ст'єнъ,
И ежели рука не дрогнетъ среди бою,
Я буду подъ ст'єной съ Завлоховой главою.

явленіе ііі.

Кій одинъ.

Нельзя повърити, чтобъ онъ измѣнникъ былъ И чтобы милости родительски забылъ; Противу честности всегда любовь безмочна: Хоревова душа чиста и непорочна.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Кій и Астрада.

АСТРАЛА.

Гласъ трубный съ градскихъ ствнъ полки на брань зоветь, Или Оснельдъ, князь, уже свободы нътъ, Котору ты хотвлъ освободити съ честью? Она обманута надежды гнѣвной лестью, Надеждой усладясь, горчайши слезы льеть, И, очи возводя на небо, вопістъ, Чтобъ небо сжалилось, чтобъ боги смерть послали И данную бъ ей жизнь къ себъ возвратно взяли. Оставь отмщеніе, не буди въ немъ толь твердъ, И сколько счастливъ ты, будь столько милосердъ. Отри отъ глазъ ея ліющіяся рѣки И вспомни, что и мы такіе жъ человъки, Хотя насъ брани богъ тебъ и покорилъ, И, счастье наше взявъ, имъ Кія одарилъ. И если ты его понудишь прогнъвиться, Такъ можетъ и тебъ подобное явиться. Благая смертнымъ часть хвалы не принесетъ, И счастье и бъды всъмъ небо подаетъ, Однимъ лишь тъмъ тебъ прославиться удобно, Что добродвтеленъ и царствуешь незлобно.

Кій.

Я ею огорченъ, довольно и того Блаженства нынъ ей отъ гнъва моего, Что вольности ея оставшей не отъемлю: Я больше жалобы Оснельдиной не внемлю.

(Отходитъ)

Астрада.

Пошлите казни всё на мя, о боги, вдругъ Й выньте изъ меня стёсненный въ тёлё духъ

BUSTUSTANO ... KOP

1-8-8-44

явление у.

Оснельда и Астрада.

Астрада.

Нѣтъ помощи нигдѣ, спасенія не видно, Кій уши отвратилъ отъ жалобы безстыдно, Надежды больше нѣтъ: любезный твой Хоревъ Сбираетъ воинство, рыкая такъ, какъ левъ.

Оснельда.

Хоревъ въ ружъв! о льстецъ! и ты встаешь безчинно На сердце, кое, ахъ! ни въ чемъ тебѣ не винно; Но винно предъ отцемъ, что ты ему сталъ милъ Противу совѣсти, когда въ томъ долгъ претилъ. Пускай бы кѣмъ инымъ рвалась моя утроба, И отверзалась мнѣ рукой иной дверь гроба. А то тобой, тобой, кого я толь люблю, Послѣднюю мою надежду я гублю.

явленіе уі.

Хоревъ, Оснельда и Астрада.

Оснельда.

Смотри и веселись страданьями моими И буди восхищенъ заразами прямыми. Отдай ту власти часть, котору миъ сулилъ, Ругаясь надо мной, кто въ правду будетъ милъ.

Хоревъ.

Скажи и научи, что мнѣ сказать, драгая, Отъ повелѣнія мнѣ данна избѣгая? Безъ разсужденія я все сказать хощу—И мечъ въ влагалище предъ войскомъ обращу; Безчестье только я безсиленъ лишь носити: Сего, дрожайшая, мнѣ легче смерть вкусити. Безчестіемъ тебѣ кто станетъ угождать, Достоинъ ли, скажи, тобою обладать? Съ безславьемъ смѣшенна любовницѣ услуга, Помысли, какова сулишь ей дать супруга.

Оснельда.

Ступай и побъждай,—не буду я претить, И не стараюся твоихъ побъдъ затмить; Но взглянешь ли на лавръ веселыми глазами, Который орошенъ моими весь слезами?

Хоревъ.

Пошлите, боги, смерть скоръй мой духъ извлечь! И выньте изъ руки моей кровавый мечъ! Чтобъ слава многихъ лътъ мгновенно не упала, И честь моя къ стыду въ любви не утопала: Иль истребите вы во внутренней любовь И лишь къ одной войнъ воспламеняйте кровь.

Оснельда.

Почто богамъ, почто о помощи вѣщаешь? Уже и безъ того любви не ощущаешь; Когда бы рокъ тебѣ любить меня велѣлъ, Такъ ты бъ тогда меня и слезъ моихъ жалѣлъ, Которы предъ тобой въ отчаяніи трачу: Ты въ ярости своей не видишь, какъ я плачу.

Хоревъ.

Не вижу! ахъ, княжна! когда бъ ты зрѣть могла, Какимъ ты пламенемъ Хоревовъ духъ зажгла, Какъ я отъ сей любви теперь изнемогаю, И что къ отчаянью тобою прибѣгаю: Я вѣдаю, чтобъ ты престала гнѣвъ имѣть, И стала бъ обо мнѣ несчастномъ сожалѣть. Въ какой, въ которой день и коею звѣздою, Оснельда, восхищенъ сталъ слабый духъ тобою! И кое варварство мнѣ участь навела, Что ты въ такіе дни мнѣ стала быть мила!

Оснельда.

Довольствуйся однимъ ты мужественнымъ боемъ; И если славно быть такимъ тебъ героемъ,

Чтобъ ты, не умягченъ любезной токомъ слезъ, Оружіе свое на кровь ел вознесъ, Насыть свой алчный мечъ, напейся кровью жадно; И ежели еще оружье будетъ гладно, Вотъ грудь мол,—вонзи мечъ острый ты въ нее И въ гиѣвѣ извлеки дыханіе мое, То сердце умертвивъ, тебѣ которо мило, И умираючи еще тебя любило.

Хоревъ.

Когда я въ бѣдственныхъ лютѣйша дня часахъ, Какъ тигръ кажуся быть воспитанный въ лѣсахъ, Такъ вѣдай, что меня во градъ съ кровава бою Внесутъ и мертваго положатъ предъ тобою. Не извлеку меча, хотя иду на брань, И раздѣлю животъ тебѣ и долгу въ дань.

Оснельда.

Живи, не погибай воспоминальемъ вздоха, Лишь только пощади въ сраженіи Завлоха, И если милосердъ во брани будетъ рокъ, Какъ можно уменьшай ліющійся потокъ Кровей моихъ людей, когда прейдетъ ихъ сила, И вспомни, что о томъ съ слезами я просила.

Хоревъ.

Имъй надежду въ томъ и мысли тъ имъй, Что я иду на брань по должности своей, И что Хоревъ сію брань самъ уничтожаетъ. Не ярость, не вражда меня вооружаетъ... Но можетъ быти въсть пріятна посиъщитъ, Котора брани гнѣвъ въ народахъ утишитъ.... О время! ахъ! за что ты намъ толико строго!

Оснельда.

Или за то, что мы другь друга любимъ много!

дъйствіе третье.

явление і.

Оснельда одна.

Скрывай свою печаль, скрывай и утоляй, И воздыханіе, какъ можешь, удаляй. Се предсказаніе сердечно совершилось, И сердце своея надежды ужъ лишилось. Желающа любви стыжуся ужъ ея. Страдай теперь душа, страдай душа моя! Печальный мя отвѣтъ родительскою властью Терзаетъ съ стороны, съ другія-мучусь страстью. Съ объихъ странъ напасть, - нътъ помощи нигдъ. Гдв скрыться? что начать въ несносной сей быль? Подвержения теперь родительскому гивву, Какую въсть скажу любезному Хореву? Вотъ часть Оснельдина: о солнце! о луна! Къ чему, увы! къ чему родилася она! Оставленна въ стыдъ, оставленна во гнъвъ: О младость! о краса, дающа гордость дъвъ! Прельщающая тынь! вредный пій дывамь дарь! Мив ты, ахъ! ты дала жестокой сей ударъ. Порокъ и счастливымъ бываетъ въ жини вреденъ; А кто несчастливъ, тотъ и безъ пороковъ бъденъ. А я въ дни бранные на свътъ произошла, Позналася въ бъдахъ, въ неволъ возрасла, Стеню безпомощно, крушуся безнадежно, Ліется въ жилахъ кровь, тревожа духъ мятежно: Терилю и мучуся безъ всякихъ оборонъ-Ни людямъ, ни богамъ не жалостенъ мой стонъ.

> ЯВЛЕНІЕ II. Оснельда и Астрада. Оснельда.

Прочти сіе письмо, зри новыя напасти,

Что я не возмогла преодолѣти страсти. Какая это казпь!

Астрада.

Покорствуй временамъ.

Раскается потомъ родитель твой и самъ; Не сътуй,—все прейдетъ, когда душа въ чемъ права.

Оснельда.

Хотя душа чиста, но погибаетъ слава. И, можеть быть, ужь я действительно грешу, Что я въ девичестве симъ пламенемъ дышу. А свъть, превратный свъть, того не разсуждаеть: Не праведнымъ судомъ, но злобой осуждаетъ. О нравы грубые! о дни! о времена! Щедрота, истина суть праздны имена. Злодвиство въ жизни сей безпрестанно жаждетъ, А бъдная душа, живуща въ тълъ, страждетъ. О чемъ жалбемъ мы, что наша жизнь кратка, И чты намъ кажется она быть толь слапка? Приди, желанна смерть! закрой слезящи очи! И раствори врата Оснельдь въчной ночи! Но что сіе есть смерть? порогъ изъ свѣта вонъ; Животъ-мечтаніе и преходящій сонъ. А ты, о счастливыхъ дражайтая утъха, Любовь! прости; миж ижть, миж ижть въ тебж успаха. Возлюбленнъйшій зракъ! престань мечтаться мнь; Не пригвождай меня къ мучительной странф! Не пригвождай моихъ смущенныхъ мыслей къ свъту И тщетно не давай пріятнаго объту! Подите отъ меня вы, нъжны мысли, прочь, Не представляйте мнф бфдою тиху ночь! Не рушьте моего желаннаго покою! Ла нетрепещущей скончаю жизнь рукою. А ты родителю дай знать.... (Возносить руку съ приготовленнымъ кинжаломъ). Астрада отъемлеть кинжаль изъ рукъ ея.

Дай смерть себъ,

Коль хочешь, чтобъ Хоревъ последовалъ тебе.

Оснельда.

Какое имя ты, Астрада, вспоминаеть! Почто мои стези ко смерти препинаеть? Иль кажется тебъ, что мало въ жизни мукъ?

Астрада.

Но срамно умереть своихъ убійствомъ рукъ.

Оснельда.

Когда нѣтъ области надъ жизнію своею, Такъ что жъ осталося подъ властію моею?

Астрада.

Хоревъ, которому сей градъ и вся страна Отдастся въ власть, когда взойдетъ его луна, И придутъ дни его.

Оснельда.

Хоревъ моимъ не будетъ И, упованія лишась, меня забудетъ, А честь владычества съ нною раздѣлитъ. Но ахъ! не то, не то стонати мнѣ велитъ: Не скипетръ, не вѣнецъ мнѣ льститъ въ отцевомъ градѣ,—Я съ нимъ готова бъ жить въ убогомъ стадѣ, Питаться быліемъ, едину воду пить. Хотѣла одного, чтобъ только съ нимъ мнѣ быть. Но что я зрю? увы!

явленіе ІІІ.

Хоревъ, Оснельда и Астрада.

Оснельда.

Несчастлива я въ свътъ!

Астрада.

Взгляни на сей кинжаль, и мысли, что въ отвътъ Къ княжнъ написано.

Хоревъ.

Того ль я, боги, ждалъ! (Читаетъ письмо).

Астрада (во время чтенія).

Кого любовный жаръ толико повреждалъ! Надежду окончавъ въ минуты жизни слезной, Едва не скрылась ты въ отчаянін бездной. Владычица тоя во мракъ тебя звала. Къ сему ли варварству краса твоя цвѣла?

Оснельда (Хореву).

Мнѣ ты виною въ томъ и склонность запрещениа. А я—по самый гробъ, мой князь, тебя лишенна.

Хоревъ.

Лишенна? ахъ, княжна! представь себѣ: кому Ты это говоришь – Хореву своему. Вѣдь нѣтъ любовнику сего жесточе слова!

Оснельда.

Не свтуй, помогай.

Хоревъ.

О время рока злова!

Оснельда.

Коль любишь ты меня, такъ честь мою люби; Коль нѣтъ, отъемли честь, отъемли жизнь, люби Любезную свою; слезъ больше не имѣю И больше умолять Хорева не умѣю.

Хоревъ.

Какой ты помощи, княжна, желаешь мной?

Оснельда.

Тебя, любезный, зрёть мнё ставится виной. Отецъ мя, давъ мнё жизнь, утёхъ ея лишаетъ: Разстанься, князь, со мной, коль рокъ любви мёшаетъ.

Хоревъ.

Но конмъ образомъ разстаться ты велишь? Подай скорве смерть, котору ты сулишь.

Оснельда.

Ахъ! иѣтъ, живи; но днесь оставь надежду дальну И больше не смущай словами мысль печальну, Не говори тѣхъ словъ, которы слабятъ умъ, И больше не имѣй о мнѣ любовныхъ думъ; Оснельду ими ты лишь больше огорчаешь.

Хоревъ.

Въ которую страну несчастна отлучаешь?, Въ который свъта край мя хочешь отдалить? Въ какой пустынъ мнъ велишь ты слезы лить, Которыя мужамъ хотя и неприличны, Но если горести обымутъ необычны, Вздыханіе и стонъ удобно извлекутъ, И слезы изъ очей неволей потекутъ.

Оснельда.

Возлюбленный мой князь! я то ли предпріемлю, Чтобъ ты для пл'єнницы свою оставилъ землю! Прославленъ храбростью, гражданами любимъ, И въ младости своей врагамъ ужасенъ зримъ, Останься, гдѣ живешь, и защищай границы; Но подзрѣваему честь юныя дѣвицы, Любовницы своей, оправити ей дай: Пусти меня къ отцу.

Хоревъ.

Помысли, разсуждай, Могу ль я симъ тебъ свободу приносити?

Что будеть обо мив тогда весь градъ гласити? Что скажешь ты сама? какой примвръ я дамъ Державы своея подверженнымъ рабамъ? Тв люди, коими законы сотворенны, Закону своему и сами покоренны. Ты имя мив мое велишь теперь губить: Иль можешь ты потомъ измвиника любить?

Оснельда.

Инъ мучь безъ жалости любовницу несчастну И умерщвляй меня всъмъ сердцемъ страстну!

Хоревъ.

Я симъ величество твое изображу, И послѣ самъ тебя на тронѣ посажу. Потомки возгласятъ, что я владѣлъ страною И властвовалъ собой, ты властвовала мною.

Оснельца.

Престоль мой кажется бёжати отъ меня:
На что обманывать несчастную маня?
Потомки возгласять, что ты меня оставиль
Въ стыдѣ, которымъ ты, ты самъ меня безславилъ.
И такъ погибнетъ та мечтательная честь,
А я умру въ плѣну—возможно ли то снесть!
Въ стыдѣ влачити жизнь, по смерть порокъ терпѣти,
И при концѣ сію мысль лютую имѣти,
Что я съ безчестьемъ на свѣтѣ семъ жила
И съ нимъ кончаюся.

Хоревъ.

Вина стыда мала;

Къ чему природа насъ безвредно понуждаетъ, Тѣ страсти въ насъ одно злодъйство охуждаетъ.

Оснельда.

Сей страсти все претитъ. Когда родитель мой Для дщери своея разрушилъ свой покой:

Пришелъ изъ дальнихъ странъ къ потерянному граду Найти при старости послъднюю отраду, Ни блата, озера, ни степи, ни лъса, Ни горы каменны, ни мрачны небеса Остановить его не возмогли въ походъ; И таковую ль мзду воздамъ своей природъ? Такіе ли, увы! произростятъ плоды Желапію его подъятые труды? За то, что онъ родилъ, его врагомъ я стала, Когда онъ былъ въ трудахъ, я въ роскоши дерзала, Съ къмъ онъ вступаетъ въ брань, того теперь люблю. Колико бъдъ я вдругъ, возлюбленный, терплю?

Хоревъ.

О время! о часы!

ОСНЕЛЬПА.

О вы, случаи люты, Скончайте мнѣ скорѣй толь горькія минуты!

Хоревъ.

Се слышу гласъ трубы зовущія на брань.

Оснельда.

О небо! отврати свой громъ! иль праздно грянь!

явленіе IV.

Хоревъ, Оснельда и Велькаръ.

ВЕЛЬКАРЪ.

Полки всё собранны къ теченю изъ града, Завлохъ у самыхъ стёнъ, и зачалась осада. Скрежещущая смерть взмахнула ужъ косу: Оставь теперь, оставь возлюбленну красу. Во всемъ стремленьи смерть ко граду приближенна, И все являетъ то, на насъ вооруженна, Что только можетъ женъ ко трепету привлечь

И мужески сердца воздвигнуть и зажечь. Ступай, о государь! ступай на ратно поле: Или погибнетъ все! Ступай, не медли болъ.

Оснельда.

Возможно ли сіе смятеніе снести! Прости, любезный князь! вносліднія прости.

XOPEBT.

Надвйся, что сіе несчастье прекратится, И что къ тебв Хоревъ на радость возвратится. Жалвй сихъ слезъ, жалвй, которыя ты льешь! А ими изъ меня ствсненный духъ влечешь. Не илачь толь горестно, не свтуй безъ отрады; Ахъ! либо и прейдутъ часы сея досады.

Оснельда.

Могу ль не плакать я въ случаяхъ таковыхъ? И можешь ли жалёть ты больше слезъ моихъ, Когда твой правый гибвъ противъ меня пылаетъ, И ахъ! противъ меня ко брани посылаетъ?

Хоревъ.

Прости и умфряй тоску, животъ храня.

Оснельда.

Разверзися земля и поглоти меня!

ДЪЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ. ЯВЛЕНІЕ І.

Кій и Сталверхъ.

Кій.

Что войско дёлаеть?

Сталверхъ.

Хоревъ пошелъ изъ града, И вся россійскаго престола съ нимъ ограда.

Подъяло воинство граждански бремена, Уже распущены по вътрамъ знамена. Зовущіе на смерть по накрамъ громки бон Являють, каковы россійскіе герон, И что въ природѣ нѣтъ такого ничего, Что бъ въ ужасъ привести въ полкахъ могло кого. Вы сами скажете, державы сей сосыды, Колики одержалъ надъ вами Кій побъды. Которая земля прославилася такъ? Здёсь воинъ въ брань идетъ, подобно какъ на бракъ. Какъ быстрая рѣка, ліяся чрезъ полины, Что встрѣтитъ, все влечетъ съ собой въ морски пучины: И разліяніемъ валь къ устью горделивъ, Отъемлеть брегь, тоия илоды съ далекихъ нивъ. Таковъ есть нашъ народъ въ сраженін жестокомъ: Хоть смерть въ очахъ его, онъ зрить безстращимъ окомъ. Но ежели въ сей день иная будетъ въсть? О братство звърское! о нагубная лесть!

Кій.

Знать, рѣчь Оснельдина пришла тебѣ невнятно, И братне слово къ ней услышилось превратно. За малодушіе князь видѣлъ Кіевъ гиѣвъ, И, бывъ любовникомъ, сталъ паки быть Хоревъ.

Сталверхъ.

Почто, о государь, смягчилъ ты сердце гнѣвно? Ты будешь помнити прошедшій гнѣвъ вседневно.

Кій.

Такъ хочешь ты, чтобъ я въ враждѣ съ Хоревомъ былъ, Или бъ его на смерть во гиѣвѣ осудилъ, И всѣ дии сѣтовалъ оставшаго миѣ вѣка? Довольно слезъ лила миѣ смерть любезна Щека: Ты вѣдаешь, Сталверхъ, что средній сей пашъ братъ, Какъ сей въ осадѣ былъ непобѣдимый градъ, Во мужествѣ своемъ убитый подъ стѣною,

Мий лютой въ торжестви былъ ярости виною. Я башни разметалъ и храмы разорилъ, И мисто, гди онъ гибъ, я кровью обагрилъ.

Сталверхъ.

Теперь, о государь! еще есть нѣчто ново:

Имѣю донести тебѣ важнѣйше слово.

Темничный нѣкто стражъ передъ меня предсталъ—
И вотъ какое мнѣ извѣстіе сказалъ,
Съ великимъ говоря усердіемъ и жаромъ:
Единъ изъ плѣнныхъ былъ освобожденъ Велькаромъ,
Который выпускъ сей тобою объявилъ,
Что будто плѣнникъ сей передъ тебя званъ былъ;
Потомъ съ Велькаромъ онъ опять у нихъ явился
И въ узы прежнія въ темницѣ заключился.
Но стражи, кои градъ и стѣны стерегутъ,
Изобличеніе яснѣйшее даютъ:
Велькаръ имъ далъ приказъ врата отверсти спѣшно,—
Довольно ли сего ко обличенью дѣлъ,
Въ которыхъ ты, мой князь, мнѣ вѣрить не хотѣлъ?

Кій.

Представь свидѣтелей предъ княжескія очи, И будемъ ожидать сея ужасной ночи, Котора вознесетъ на небо свой покровъ Покрыть невольниковъ во градѣ безъ оковъ, Въ которой блескъ вѣнца главы моей затмится, И кровь невольничья съ геройской съединится. Съ какою кровію моя смѣсится кровь! Что дѣлаешь ты, что проклятая любовь! Представь.

явленіе іі.

Кій одинъ.

Когда Сталверхъ сказалъ сіе неложно, Такъ трона удержать ужъ больше невозможно.

Мечъ Росскій на себя я нынъ изострилъ, Врага и воинство изъ града испустилъ. Мечи, которые противъ враговъ блистали, И стрълы, кои въ нихъ въ сражени летали, Герой и братъ, о комъ толико я рачилъ И коего въ войнъ безстрастію училь, На мя на самого жестокость обращають И трону моему паденье возвѣщаютъ! Но чтобы предварить толико лютый громъ, Я не низвергнусь въ адъ Хоревовымъ рабомъ, Лишь только мечь его сверкиеть на ратномъ полъ, На Кія возвращенъ, скончаюсь на престолъ: А сей лютьйшій яль противныхъ мнь кровей-Оснельду-погублю и сниду купно съ ней Въ подземныя мъста, чрезъ мрачныя степени, Чрезъ непреходный путь, во тьму, гдв дремлють твии. Не такъ: свирвиая, коль толь твой вреденъ взглядъ, Не жди побъдъ, умри, предшествуй мнъ во адъ, Глаза твон, глаза прелестные, сомкнутся, Доколѣ на поляхъ побъды не зачнутся. Еще мнѣ время есть представить во тщету Надежду, молодость, любовь и красоту, Чтобъ счастья ты сего ликуя не видала, Какъ съ Кіевой главы корона ниспадала, И что Хоревъ...

явленіе ІІІ.

Кій, Сталверхъ и два стража.

Сталверхъ.

Они изустно возвъстятъ, Въ Хоревъ каковый танлся лютый ядъ. Свидътельствуючи нелицемърну службу И недостойную твою со братомъ дружбу, Я жизнь его и часъ рожденія кляну. Оставь, о государь, отъ ревности вину!

Кій.

Отъ истины сея дрожать мон всѣ члены. Какія сталися, рабы мон, нзмѣны?

Стражъ темницъ.

Великій государь, намъ сказано сіе, Что плѣнный предстаетъ передъ лице твое.

Стражъ градскихъ стенъ.

А я, какъ посланну съ письмомъ отсель тобою, Не удержавъ его ни мало предъ собою, Отверзъ ему врата и далъ свободный путь.

Кій.

Или, Сталверхъ, сіе-обманъ какой-нибудь Отъ стражей, въ пагубу невинному Хореву, Иль впрямь, безсмертные, привель я вась ко гивву! О върные рабы! вы, духъ мой весь томя, Коль правду донесли, не сътуйте на мя, Что я о истинъ, мнъ сказанной, сумнълся. Хоревъ! когда таковъ въ очахъ монхъ ты зръдся! Какую злую мысль ты тщился расплодить? Легко ль владателю съ престола нисходить, Оставить честь и санъ, съ главы сложить корону, Лишася области 1), подвергнуться закону, И, повелителю народовъ, быть рабомъ. Гдъ скрыть безчестіе? о градъ! о княжескъ домъ! Пустите убъжать мнв васъ, умрети 2) нывв, Въ лѣсахъ скончати жизнь и смерть принять въ пустынъ. Пусть кровію моей напьется врань въ лісахъ, И тело въ алчущихъ истлетъ тамо псахъ. Но гдв невольникъ сей, мнв должно извъститься.

Сталверкъ, немного отошедъ. Войди въ чертогъ сюда предъ княземъ обличиться.

¹⁾ Права.

²) Умереть.

явление и.

Тѣ же и невольникъ.

Невольникъ.

Окамененнымъ мя вина моя творитъ.

Кій.

Несчастный, говори; кто правду говорить, Того судъ праведный щедрѣе обвиняетъ: Кій гнѣвный казнь твою въ пощаду премѣняетъ. Зачѣмъ ты посланъ былъ во вражескій мнѣ станъ? Какой имѣлъ приказъ? и кѣмъ приказъ былъ данъ?

Невольникъ.

Велькаромъ свобожденъ нечаянно темници, Представленъ предъ глаза несчастныя дѣвицы, Котора и́ногда княжна моя была, Котора и въ плѣну своимъ рабамъ мила; Я грамоту отнесъ и возвращенъ съ отвѣтомъ: А что въ нихъ писано, клянусь предъ всѣмъ я свѣтомъ, Что мнѣ того никто, что въ ней, не показалъ. Клянуся жизнію, что правду я сказалъ.

Кій.

При отправленіи какія рѣчи были?

Невольникъ.

Я долженъ все сказать то, что ни говорили: Княжна при отпускъ велъла объявить, Что чаетъ симъ она на княжескъ тронъ взойтить; Но чтобы дъло то весьма сокрыто было, И чтобы воинство того не ощутило, Доколъ мъры всъ не возьмутся къ тому. А князь, отвътствуя по слову моему, Сказати ей велълъ, во гнъвъ то въщая,— Не знаю, на кого ту ярость ощущая,— Чтобъ дълала она то, что ей долгъ велитъ.

Сей илфиникъ предъ тобой всю правду говоритъ. А больше, государь, о дфлф семъ не знаю.

Кій.

Сталверхъ, я цѣнь съ него сложить повелѣваю. Сего довольно мнѣ,—токъ дѣйства виденъ весь. Изыдите отсель: а ты останься здѣсь.

явление у.

Кій и Сталверхъ.

Кій.

Что мы не въ строгости Оснельду содержали,-Вотъ съ милости плоды какіе мы пожали. А ты, о лютый звърь, съ главы того вънецъ Снимаешь дерзостно, кто былъ тебф отецъ. Льзя ль чаять было мнв, чтобъ сдвлаль ты измвны! Падите на меня, о вы, чертожны стѣны, Которы вилъли младенчество его, Что я его ростиль, какъ сына своего! Не сына, но зм'тю мн время днесь являетъ, Которая меня злымъ жаломъ уязвляетъ. Ни самый лютый тигръ толь жестокъ можетъ быть. Но ахъ! къ чему слова въ сей крайности плодить. Введи княжну сюда окованну съ собою, Ла мой умножить гнъвъ жестокою судьбою И милосердіе во злобу претворить, Которое о ней мнъ въ сердцъ говоритъ.

явленіе уі.

Кій одинъ.

Какую чувствую я въ сердцѣ жалость болѣ! Или ее хочу оставить на престолѣ, Чтобъ, область воспріявъ съ Хоревомъ въ сей странѣ, За милосердіе, она ругалась мнѣ!

явленіе уп.

Кій, Сталверхъ и Оснельда.

Оснельда.

Спѣши, желаемый, ко мнѣ, мракъ вѣчной ночи! Закройтеся скорѣй мои слезящи очи! Казни—я милости просити не хощу! Казни—я горькій духъ безстрашно испущу!

Кій.

Принудивъ власть мою на мщенье правосудно, Ты въ то меня ввела, что щедролюбцамъ трудно И гнусно естеству. Свирѣпая, твой взглядъ Оставитъ по тебѣ потомкамъ вѣчный смрадъ. Нѣтъ, ты не отъ людей на свѣтъ произведенна, Ты лютой львицею въ глухихъ лѣсахъ рожденна, Или воспитанна ты тигринымъ млекомъ...

Оснельда.

Престань, о государь, во гнѣвѣ быть такомъ, Или свершай свой гнѣвъ, оставя брани, дѣломъ, И разлучай мою несчастну душу съ тѣломъ! Когда противъ тебя содѣлала я что, Я вся въ твоихъ рукахъ, карай меня за то!

Кій.

Не умножай во мнѣ ты больше гнѣва люта! И такъ ¹) твоя пришла послѣдняя минута. Хотя въ Хоревѣ ты измѣнника нашла, Не думай, чтобы ты на Кіевъ тронъ взошла.

Оснельда.

Хоревъ измѣнникъ сталъ! Хоревъ тебѣ невѣренъ! Ахъ, князь! твой жаркой гнѣвъ напрасенъ, иль чрезмѣренъ.

Кій.

Ты хочеть оправдать изм'внника сего, Врага отечества и друга своего? Стратись!

¹) И безь того.

Оснельда.

Не мни, чтобъ я свирѣпствъ твоихъ боялась, Или бы съ жизнію скорбяща разставалась. Я—въ бѣдности, въ плѣну, я въ узахъ въ сей страиѣ; Но смертъ трепещуща приближится ко мнѣ И робко разлучитъ мое съ душею тѣло, Увидючи меня на гробъ мой зрящу смѣло. Стремися жизнь отнять, стремися, погубляй И всѣ свирѣпости свои на мнѣ являй: Ты можешь покарать, коль хочешь, мя безвинно; Но ахъ! противъ его вставать тебѣ—безчинно.

Кій.

Но сожальние толикое о немъ Родилось отчего въ ильнении твоемъ!

Оснельда.

Одна ль его чту я? онъ—милъ всему народу, А мив, содержанной въ плвну, давалъ свободу. Не самъ ли, государь, ты тако прогиввленъ, Что сей герой легчилъ несчастной дввы плвнъ? Но ты все съ нами былъ и все то прежде видвлъ; Что сдвлалось, что насъ ты вдругъ возненавидвлъ? Я—плвница, но въ чемъ виновенъ сей герой? Ахъ! развъ въ томъ, что шелъ противъ меня на бой?

Кій.

Хоревъ съ тобой меня съ престола свергнуть тщится. Но тщетно то ему къ твоей надеждѣ снится; Не буду я рабомъ....

Оснельда.

Далеко отъ того:

Обманываеться.

Кій.

Такъ для ради чего

Невольникъ посланъ былъ, Велькаромъ свобожденный, Къ бездъльству твоего Хорева учрежденный?

Оснельда.

Ты самъ себя бранишь, невиннаго браня: Довольно и того, что ты винишь меня! И я молчаніе невольно оставляю И таинство души предъ всёми объявляю: Твой братъ—мнё милъ, и я—мила ему равно, Любовь сія въ сердцахъ несчастливыхъ давно. И ежели она во гнёвъ тебя приводитъ, Пускай отмщеніе на мя одну исходитъ. Я—дщерь Завлохова,—такъ ты врагомъ мя числь, Не мни лишь ты, чтобъ онъ имёлъ толь злую мысль. За тёмъ къ родителю Оснельда посылала, Что брата твоего въ супружество желала; Но ахъ! родитель мя къ тому не допустилъ; Завлохъ Хорева мнё любити воспретилъ.

Kin.

Яви мнъ грамоту, — я прежде не повърю.

Оснельда.

Клянуся всімъ, что есть, что я не лицемірю: А грамота сія тогда же раздрана, Когда печальная мной вість получена, Чтобъ я въ продерзости, котору сділать сміла, Изобличенія передъ глазами не иміла. Казни меня, казни, и смертью затуши Воспламененіе несчастныя души; Лишь, ахъ! въ отміценіи имій ты міру гніва И сей возженный огнь оставь въ крови Хорева. Но, о дражайшій князь! В возможешь ли ты снесть, Услышавъ обо мні сію печальну вість! Уже тебя я зрю слезами окропленна, Въ тоскі, въ безнамятстві, въ напасти утопленна.

¹⁾ Хоревь.

Снеси, возлюбленный, снеси исчаль сію:
Останься живъ, прими изъ ада тѣнь мою,
Вмѣсти мой духъ въ себѣ, во знакъ любви нелестной,
И сопряги съ собой остатокъ сей безвѣстной.
Не дай мнѣ въ жалобахъ на Кія пребывать
И тѣни, ахъ! моей и тамо унывать!

Кій.

Но кое слово ты о Кій износила, Какъ ты любезнаго о чемъ-то тамъ просила? Мић все извистно то.

Оснельда.

Ахъ, развѣ томный умъ, Исполненъ множествомъ монхъ печальныхъ думъ, Прешедшія бѣды, рабовъ монхъ желѣзы, И настоящу брань, мои всегдашни слезы, Къ смятенію души стенящей, представлялъ— И нѣчто мой языкъ въ забвеніи являлъ.

Кій говоритъ Сталверху нѣчто на ухо, Сталверхъ выходитъ, и Кій потомъ.

Не жди, лукавая, въ обманахъ сихъ успѣха; Погибла вся твоя надежда и утѣха, И смерть твоя близка.

Оснельда.

Чего мнѣ больше ждать? Но нечего уже мнѣ смерти злой отдать; Родительскій престоль, владычество, держава, Величество мое и наша прежня слава— Давно въ твоихъ рукахъ; духъ встрѣтить смерть готовъ. И взять ужъ нечего ей, кромѣ сихъ оковъ. На что мнѣ больше жить? безстрашно умираю. Но, ахъ! когда о томъ я мысли простираю, Что въ подозрѣніи останется Хоревъ.... Смягчи, о государь, къ нему напрасный гнѣвъ!

Кій.

Ты хочешь мнъ еще предписывать уставы?

Оснельда.

Дѣла предъ свѣтомъ всѣмъ его явятся правы, И нѣтъ опасности мнѣ въ томъ, о чемъ прошу,—Ляшь симъ прошеніемъ невинность поношу. Когда придетъ во градъ подъ лавровой короной, Въ великолѣпіи, на колесницѣ оной, За коей плѣнниковъ несчастныхъ повлекутъ И между коими Завлоха нарекутъ,—
Тогда ты варварство содѣланно вспомянешь, Но тщетно обо мнѣ тогда жалѣти станешь.

Кій.

Умри, обманщица: вступите стражи къ ней. Возьмите.

явление упп.

Кій одинъ.

Вы хотя теперь душь моей, Въ глубокихъ пропастяхъ стенящіе тираны И моющіе слезъ потокомъ оны раны, Которы на земли пріяты суть отъ васъ, Подайте варварства на сей жестокой часъ, Чтобъ могъ свершити я намъреніе строго! О слава! тронъ! вънецъ! Вы стоите мнъ много!

явление іх.

Кій и Сталверхъ съ кубкомъ.

Kıń.

Подай сей кубокъ ей: скажи—се мзда ея, . Къ чему приведена теперь душа моя. О боги, можете ль сію вы злобу вид'ьть! И небо и земля мя должны ненавид'ьть. Но можно ли царю безчестіе снести! Никакъ нельзя тебя, Оснельда, мнѣ спасти. Между какими я уже въ числѣ князями! Я вашими иду, мучители, стезями. Но льзя ли требовать, чтобъ я ее жалѣлъ! Поди и исполняй, что я тебѣ велѣлъ.

ДЪЙСТВІЕ ПЯТОЕ. ЯВЛЕНІЕ І

Кій одинъ.

О время тяжкое порфиры и короны! Законодавцу всёхъ труднёй его законы. Во всей подсолнечной гремить монарша страсть, И превращается въ тиранство строга власть; А милость винному, преступнику прощенье Не редко и царю, и всемъ въ отягощенье. Но мфры правоты всегда ли льзя найти, По коей къ общему блаженству мочь итти; Потребно множество монарху проницанья: Коль хочеть онъ носить вънецъ безъ порицанья, И если хочеть онь во славъ быти твердъ, Быть долженъ праведенъ, и строгъ, и милосердъ, Уподоблятися правителямъ природы, Какъ должны подражать ему его народы. Но коей радости въ побъдъ нынъ жду? Почто въ желанный гробъ толь медленно иду?

явленіе ІІ.

Кій, Велькаръ съ Завлоховымъ мечомъ и несколько воиновъ съ нимъ.

Kıŭ.

Что вижу я!

ВЕЛЬКАРЪ.

Се мечъ Завлоха побѣжденна, Отдаться плѣнникомъ Хореву принужденна.

Кій единому изъ воиновъ.

Бѣги скорѣй къ княжнѣ, къ владычицѣ своей, Къ невѣстѣ княжеской: скажи свободу ей, И чтобъ Сталверхъ пришелъ!

ВЕЛЬКАРЪ.

Скончавши дня ненастье, Хоревъ сугубое въ сей день имѣетъ счастье!

Кій.

Дай небо, чтобъ его онъ подлинно имѣлъ!

ВЕЛЬКАРЪ.

О если бъ, государь, дъла его ты зрълъ! Еще полки на брань не двинулись изъ града, Завлохъ ужъ былъ у ствнъ, и началась осада. Тронулось воинство; но ужъ у каждыхъ вратъ Спиралися враги, бросая смерть во градъ. Что сила мужества собраніемъ поздала, Победа, ждуща насъ, насъ страхомъ обуздала. И какъ уже Завлохъ во градъ войти хотълъ, Хоревъ, зря бѣдство то, противъ него летѣлъ; Встръчается—разитъ со мужествомъ премногимъ: Такъ средь шумящихъ водъ, волнамъ противясь строгимъ, Корабль, отвсюду ждущъ погибелей своихъ, Дерзаетъ на валы и попираетъ ихъ. Ихъ стрелы такъ, какъ градъ, противу насъ неслися; Казалося, поля отъ ужаса тряслися. Воспоминаніемъ прешедшія войны, Гдв гибли чада ихъ, родители, жены, Они на грозну смерть съ безстрашіемъ бѣжали: Летвли помереть и смерть уничтожали,

Князь малое число людей съ собой имълъ И противъ съ ними онъ великой бури шелъ. Хорева действія безстрашны показали, Увидели враги-то онъ, то онъ, сказали: Метались на него; но смерть на мъстъ семъ Ужасна имъ была съ Хоревовымъ мечемъ. Хотя они его отвсюду окружали, Но руки налъ главой его съ мечьми дрожали. Когда ихъ дерзости сопротивлялся рокъ, И лился отъ меча остръйша кровный токъ. Несется страшный гласъ по воинству во градъ: Хоревъ сражается и у враговъ въ осадъ. Сей гласъ, стенящій гласъ, какъ нікій новый богь, Воинскія сердца еще жарчае жегъ. Приходить новая во всё ихъ сила члены, И, вмъсто вратъ, пути творятъ себъ чрезъ стъны. Стремятся времена продлити дней драгихъ, Текутъ во множествъ, гдъ гибнетъ счастье ихъ: На конья, на мечи свергаются съ размаху, Не чувстуя въ сердцахъ ни гибели, ни страху. На избавленіе къ нему весь градъ предсталь: Смятенный имъ народъ мечами заблисталъ, Геройско мужество въ отватъ войско мчало. По семъ порядокъ тутъ пріяль свое начало. На звъря яко, звърь стремится на тельца, --Такъ князь пошелъ противъ Оснельдина отца: Сугубо мужество ихъ воинству являетъ, И всв свои полки далеко оставляеть. И какъ копье свое въ щиты Хоревъ вонзалъ, Два раза конь подъ нимъ отъ стрелъ вонзенныхъ палъ, Отъ третьей онъ стрвлы упадъ, не могъ встать болж И всадника на смерть оставиль пета въ поле. Во опасеніи Хоревъ вторичномъ былъ, Но тьмой враговъ объятъ вокругъ себя рубилъ. Шеломъ съ главы упалъ, а онъ на смерть остался;

Однако на враговъ своихъ, какъ левъ, метался. Се воинство опять за нимъ на смерть спѣшитъ: Воинска жара смерть ни мала не тушитъ. Вѣгутъ разсѣянно враждебные народы: Бѣгутъ безъ памяти, падутъ съ коньми съ горъ въ воды. Имѣя при себѣ все войско и меня, Хоревъ вооруженъ восходитъ на коня. Враговъ, какъ вѣтеръ прахъ, онъ бурно возметаетъ И, яко молнія, въ поляхъ съ мечемъ блистаетъ. Симъ новую въ полкахъ онъ силу возбудилъ И храбраго врага преславно побѣдилъ.

явленіе ІІІ.

Тѣ же и посланный къ княжнѣ. Посланный.

Скрѣпися, государь!

Кій.

О злое рока жало!

ВЕЛЬКАРЪ.

Что сдълалося здъсь?

Посланный. Оснельды ахъ! не стало.

ВЕЛЬКАРЪ.

Какой увы! ударъ...

Кій.

Почто я въ свътъ рожденъ! Къ чему, несчастливый, я нынъ приведенъ!

Велькаръ.

Какія лютости душа твоя им'єла, Что въ горести ее хранити не ум'єла!

Кій.

Не въдаеть еще несчастій ты моихъ.

Велькаръ.

Что можетъ, государь, быть больше бѣдъ намъ сихъ? Оснельды нътъ, Хоревъ... Кій.

Хоревъ теперь въ покоћ: Ахъ, мнитъ ли онъ прійти на зрѣлище такое! Скажи, что видѣлъ ты?

Посланный.

Я съ въстію къ ней шель...

О боги! какову Оснельду я нашелъ! Смутился весь мой духъ, и сердце задрожало; То тъло на одръ безчувственно лежало, Увяли красоты, любви заразовъ нътъ...

Кій.

Сокройся отъ очей монхъ, противный свѣтъ!

Посланный.

Астрада во слезахъ, Астрада огорченна, Тоской, отчаяньемъ и стономъ отягченна, Рыдаетъ, мечется и рвется въ сей бѣдѣ: О боги, вопіетъ, иль нѣтъ суда нигдѣ, Когда такъ долго ждетъ сіе злодѣйство казни! Или оставленъ свѣтъ въ неправдѣ безъ боязни! Разите, небеса, бросайте огнь и громъ. Пади надъ тѣломъ симъ несчастливый сей домъ, Гдѣ праотцы ея такъ долго обитали, И гдѣ родители Оснельду воспитали.

Кій.

Несносныхъ лютостей исполненъ сей мић день, О жалующася во тьмѣ на Кія тѣнь! Не представляйся миѣ стеняща предо мною, Не мучь меня моей ты варварской виною!

явление иу.

Тѣ жъ, Хоревъ и Завлохъ.

Хоревъ.

Се часъ желаемый Хоревомъ совершенъ; Побъды чаямой Завлохъ уже лишенъ.

А мы, прославився, еще себя прославимъ И, покоривъ враговъ, друзьями ихъ оставимъ. А ты, о храбрый князь! покорствуя судьбамъ, Прими подобну мысль и будь союзникъ намъ.

Завлохъ.

Въ какомъ ты станешь мя, Оснельда, видѣ зрѣти! Почто претилъ тебѣ въ любови я горѣти! И, можетъ быть, я симъ толико согрѣшилъ. Ахъ! если бъ я союзъ твой съ княземъ разрѣшилъ?

Хоревъ.

Мит дщерь твоя мила и нынт такъ, какъ прежде.

Завлохъ.

Такъ буди, дочь моя, ты въ сей опять надеждѣ!

Кій.

Какой я слышу громъ!

явление послъднее.

Кій, Хоревъ, Завлохъ, Велькаръ и воины.

Единый воинъ вошедъ.

Сталверхъ скончалъ животъ, Низвергшись въ глубину Днѣпровскихъ быстрыхъ водъ, Отчаянъ, горестно терзаясь и стоная, И свергся со бреговъ, Оснельду вспоминая.

Хоревъ.

Оснельду при концѣ....

Кій.

Любезный брать, увы!

Мы въдали ужъ то, что съ ней любились вы; Но таинству сему давали толкъ мы ложно. О боги! вымолвить напасти невозможно! Посольство, грамоты во вражески станы Тобой, къ жестокому смятенію, даны. Любезнъйшій Хоревъ!....

Хоревъ.

Я вижу, всв мятутся.

Часы монхъ побъдъ часами бъдства чтутся.
Ты сътуешь, молчишь, ослабъвая весь:
Скажи, о государь! что сдълалося здъсь?
Скажи миъ ты, Велькаръ, скажи, мой другъ любезный.
Ты плачешь... ахъ! княжна!

ВЕЛЬКАРЪ.

Минуты злы! рокъ слезный! Хоревъ.

О небо!

Кій.

Ты, Велькаръ, не вѣдаешь того, Кто былъ причиною несчастія сего. Карай меня, Хоревъ! свергай съ высока трону; Я—твой лютѣйшія врагъ; снимай съ главы корону.

Хоревъ.

Я вижу, государь, что ты меня сразиль.

Кій.

Рази и ты!.... я.... ахъ!... Оснельду умертвилъ.

Хоревъ.

Что слышу я теперь!

Завлохъ.

О дщерь! о плодъ несчастный!

Велькаръ.

Къ чему такой ударъ тобою былъ ужасный.

Завлохъ.

О превышающа бѣда мои бѣды! Се дружество, мой князь, изъ прежнія вражды!

Хоревъ.

Не сонъ ли мя страшитъ нечаямой судьбою!... Оснельда!... въ истину разстался я съ тобою!...

Гдѣ я!... и что я сталъ!... день злобный! лютый часъ! О боги праведны! Хоревъ прогнѣвалъ васъ! Но кая темна ночь вдругъ небо покрываетъ! Какая фурія мнѣ сердце разрываетъ! Въ какія пропасти, дражайшая, падешь! Въ какія мрачныя пещеры ты идешь! Оснельда!... небеса! иль вы на мя падите! Или въ сей крайности любезну соблюдите! Велькаръ! лишаюся красотъ ея драгихъ; Уже скрывается она отъ глазъ моихъ. Влеките изъ меня мою вы душу страстну!... Бѣгите, бросьтеся спасти княжну несчастну!... Прости, любезная!... но ахъ! ея ужъ нѣтъ. Прости!... увы... совсѣмъ померкъ уже мой свѣтъ. О нестерпима казнь! о рокъ ожесточенный!

ВЕЛЬКАРЪ.

Сбери, о государь! свой разумъ расточенный: Ты чувствъ лишаешься.

Хоревъ.

Оснельда! гдв ты? гдв?... Ея пресъкся въкъ: а я въ сей живъ бъдъ! На что мнв лавры? санъ? наследственна держава? Погибни все теперь величество и слава. На что мнв ужъ и жить на свътв семъ стеня? Ужъ нътъ того, ужъ нътъ, что льстило въ немъ меня. Великодушствовать потребно неотложно; Но мысли горькія преодольть не можно: Оснельда во слезахъ предъ очи предстаетъ, Которыя она о мив при смерти льетъ. Воображаются мнв всв ея заразы: Воспоминаются последніе приказы, И представляются мнв всв утвхи тв, Искалъ которыхъ я въ любви и красотъ! Къ какой я радости съ побъдой возвратился! Гдё дёлися вы, дни, которыми я льстился!

Завлохъ.

Ты сдѣлала, о дщерь! хотя упалъ нашъ тронъ, И побѣдителямъ и побѣжденнымъ стонъ. И если въ адѣ гласъ Хоревовъ духъ твой тронетъ, Внемли, какъ сей тобой герой великій стонетъ; Плѣненной не почтетъ тебя, нисшедшу, адъ; Заплачетъ по тебѣ съ Хоревомъ весь сей градъ.

Хоревъ.

Какая польза въ томъ несчастному Хореву? Уже не возвратитъ сей плачъ несчастну дѣву: Не временно лишенъ ея, но навсегда, — И ужъ не буду зрѣть Оснельду никогда.

Кій.

Карай мя: я твое сокровище похитилъ.

Хоревъ.

Пускай сей кровію тебя твой гивьь насытиль, Который толь тебя на мя ожесточиль. Но если ты о мив когда-нибудь рачиль, Такъ сдвлай только то, о чемъ напоминаю. Сіе прошеніе исполнишь ты,—я знаю: Отдай Завлоху мечь, свободу возврати И воинство все съ нимъ изъ града испусти. (Кій отдаєть Завлоху мечь, а Хоревъ говорить Завлоху).

Хоревъ.

А ты, несчастный князь! возьми съ собой то тѣло, Съ которымъ сердце быть мое на вѣкъ хотѣло, И, плачемъ омочивъ лишенное души, Предай его землѣ; надъ гробомъ напиши: Дѣвица, коей прахъ въ семъ мѣстѣ почиваетъ, И въ адѣ со своимъ Хоревомъ пребываетъ, Котораго они любила въ жизни сей; Хоревъ, ея лишась, (закололся) послѣдовалъ за ней.

II. СИНАВЪ и ТРУВОРЪ¹).

ТРАГЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДЪЙСТВІЯХЪ.

дъйствующия лица:

Синавъ, князь Россійскій.
Труворъ, братъ его.
Вѣстн
Ростомыслъ, знатиѣйшій боярпиъ
Новогородскій.
Воинь

Рус. Кл. Библ.—Вып. XIV.

Вѣстникъ. Пажъ. Воины.

Ильмена, дочь его.

Дайствіе есть въ Новагорода, въ княжескомъ дома.

ДѣЙСТВІЕ ПЕРВОЕ. ЯВЛЕНІЕ І.

Гостомыслъ и Ильмена. Гостомыслъ.

Пришло желанное, Ильмена, мною время— Соединить тобой мое съ цесарскимъ племя.

¹⁾ Трагедія эта считалась любимымь дѣтвщемь Сумарокова по обилію въ ней нравственныхъ разсужденій, обрисовывавшихъ идеалы. Въ 1755 г. она была разобрана въ одномъ нарижскомъ журналѣ и поставлена на ряду съ лучшими французскими трагедіями. Авторъ самъ перевелъ на русскій языкъ этотъ разборъ, не мало ободрявшій его и придавшій энергію. "Должио благодарить автора", говоритъ критикъ, "что онъ при семъ случаѣ такъ храбро ополчается противъ пеправды и свирѣпости ненавистныхъ пороковъ, которымъ отечество его неоднократно въ жертву приносимо бывало. Проповѣдовать Россіи правосудіе и человѣколюбіе есть не что иное, какъ вспомоществовать всеавгустѣйшему примѣру, который она имѣеть отъ владѣющей нынѣ государыни, и для того нужно здѣсь слушать автора, а не

Весь градъ сего часа нетеривливо ждетъ, Въ который кровь моя въ порфирв процввтетъ. Ужъ къ браку олтари цввтами украшенны, И брачныя сввщи въ сввтильныя вонзенны: Готовься, дщерь моя, готовься внити въ храмъ.

Ильмена.

Еще довольно дней осталося судьбамъ, Которы погубить хотятъ меня, несчастну, И бъдную ввести въ супружество безстрастну. Смотри ты, отче мой, на мой печальный зракъ, И, если я мила, отсрочь, отсрочь сей бракъ.

Гостомыслъ.

Ты счастья своего поднесь не презирала, И князю никогда суровства не являла...

Ильмена.

Но было изъ всего удобно разсудить, Хочу ль съ Синавомъ я въ супружество вступить: Желаю ль я сего,—хотя уста молчали,— Глаза мои тебъ довольно отвъчали. Почто ты мною, князь, толь тщетно страстенъ сталъ! А ты почто рвать духъ толь твердо предпринялъ?

князя Трувора". Конечно, весь разборь сдёланъ по современной французской теоріи, и трагедія должна была оказаться прекрасною, хотя характеръ Гостомысла и найденъ холоднымъ и однообразнымъ. Вотъ общее заключеніе французскаго критика: "Благородство характеровъ, истина въ разсужденіяхъ и большое искусство въ выраженіи страстей, —все это принесетъ русскому писателю предъ всёмъ свётомъ похвалу, которой онъ по справедливости достоинъ; впрочемъ, кажется, что г. Сумароковъ, прежде чёмъ обогатилъ русскій театръ этою трагедіею, былъ уже знакомъ съ нёкоторыми иностранными театрами, за что Россія тёмъ больше должна благодарить его. Какъ онъ ни остроуменъ, какъ ни блистаютъ его природныя способности въ этомъ сочиненіи, по, можетъ быть, онъ изобразилъ бы не такъ сильно и не съ такою правдою любовь и ревность, если бы никогда не читалъ Расина и Шекспира".

Я лестнаго являть привътства не умъю, А истинной къ нему любови не имъю. И ежели уже сему союзу быть, Такъ, отче мой, хоть срокъ потщися преложить: Прибави времени еще на размышленье, Чтобъ я имъ какъ-нибудь умърила мученье, И чтобъ могла я слезъ потоки удержать, Когда ко браку мнъ предъ олтари предстать.

Гостомыслъ.

Несклонностію быть не можешъ оправданна,— Синаву ты женой во мзду обѣтованна. Во воздаянье онъ подъятыхъ имъ трудовъ И скипетръ и тебя имѣетъ отъ боговъ, Которы, утишивъ мятежъ его рукою, Намъ подали опять дни сладкаго покою. Не будь несмысленна, упрямство истреби, И, сердце обуздавъ, принудься и люби.

Ильмена.

Когда бы сердцемъ льзя повелѣвати было, По волѣ бы твоей, оно его любило; Но слабъ разсудокъ мой природу одолѣть,— И не могу себѣ толь много повелѣть.

Гостомыслъ.

Представь его труды любви своей въ посредство И мужествомъ его скончавшееся бъдство. Вообрази себъ тъ страшны времена, Когда мутился градъ и вся сія страна, Отечество твое, отечество теройско, И вооружалося бунтующее войско: Прибытокъ всъхъ вельможъ во градъ раздълилъ, Гражданъ и воинство на злобу устремилъ. Уставы древніе въ презръніе ниспали, Правленье и суды всю область потеряли.

Единъ остался я при истинъ святой И часть отечества върнъйшихъ чадъ со мной. Коликое число смерть Россовъ пожирала! Ихъ злоба на самихъ себя воспламеняла. Друзья противъ друзей, родня противъ родни Возстали разрушать благополучны дни. Всв домы были женъ слезами окропленны, И всв поля мужей ихъ кровью обагренны. Алкалъ изъ сильныхъ всякъ правительство принять. И не хотвлъ никто законы защищать. Воспомни, какъ твой братъ оплаканъ былъ друзьями. Мой сынъ, любезный сынъ, подъ градскими ствнами. Я самъ израненъ былъ и чаялъ умереть, -Сію ли бы по мив ты стала часть имвть. Къ намъ щедры небеса, къ скончанію печали, Съ полками трехъ князей для помощи послали! Не для владінія пришли они сюды: Но только отвратить несчастливыхъ бъды, Великодушіемъ геройскимъ восхищенны И славою одной къ Ильменю провожденны. Синавъ и братьями, и мной повелъвалъ И воинство свое съ моимъ соединялъ. Тотъ часъ познался мечъ его въ полкахъ противныхъ, Предвозвъщая миръ со тьмой побъдъ предивныхъ. Казалося, тряслась тогда надъ нами твердь. Непобъдимое оружіе и смерть Упрямство прежнее въ покорство пременили И, злобу утоливъ, сердца соединили. Настала тишина: и, въ воздаянье силъ, Которыми сей князь напасти прекратиль, Елиногласно всв на тронъ его желали, И, умоливъ его, вънцемъ его вънчали. Но духа скипетромъ Синавъ не веселилъ; Синавъ во торжествъ, вздыхая, говорилъ: На что мий то, что я владити удостоень?

Вашъ князь, о Гостомыслъ! не можетъ быть спокоенъ, Доколѣ отъ тебя того не получитъ, Что нынѣ все его веселіе мрачитъ. Я мысль его позналъ,—любовь явна мнѣ стала, Котора на него оковы налагала; Въ побѣдахъ, подъ вѣнцемъ, во славѣ, въ торжествѣ, Спастися отъ любви нѣтъ силы въ существѣ. Что было мнѣ сказать? Безумно прекословить, Когда стремится намъ рокъ счастіе готовить. И если бъ я ему въ семъ дарѣ отказалъ, Народъ бы, мя презрѣвъ, ему Ильмену далъ.

Ильмена.

Какіе правы то? и сей уставъ отколѣ? Народъ бы далъ меня! иль я живу въ неволѣ?

Гостомыслъ.

Не только для него корону воспринять, Для общества животъ намъ должно потерять.

Ильмена.

Супружество сіе народу безполезно, А мнѣ, ахъ! бѣдственно, увы! и смертно слезно.

Гостомыслъ.

Иолезно въ крайности защитника ласкать, И хвально милости заслугой воздавать: Кто страждетъ, отъ того почтеніе не дико, Когда б'єды прейдутъ, тогда оно велико.

Ильмена.

Но не довольно ли защитникъ нашъ почтенъ? Онъ нами царствовать надъ нами возведенъ. Послушна я тебѣ и сей достойной власти,— И быть хочу рабой, не ощущая страсти! Похвальнѣй мнѣ ему рабою върной быть, Какъ, ставъ супругою, супруга не любить.

Онъ—младъ, красенъ, герой: глаза мои то видятъ, Но въ немъ любовника противна ненавидятъ. Вини безуміе—что хочешь, ты вини,— Но лишь намъренье, коль можешь, отмъни.

Гостомыслъ.

Я слово далъ.

Ильмена.

Меня не вопросивъ, ахъ! прежде,— Почто ты въ таковой былъ суетной надеждѣ, Что будетъ съ княземъ симъ пріятенъ мнѣ союзъ?

Гостомыслъ.

Отврата отъ такихъ тебв преславныхъ узъ Ни мало во умв моемъ не представлялось,— Желаніе его мнв счастіемъ являлось. Когда жъ нечаянно я въ томъ обманутъ сталъ, Не обвиняй меня, что я то слово далъ, Не мучь вздыханіемъ своимъ меня напрасно.

Ильмена.

Супружество сіе мнѣ такъ, какъ смерть, ужасно.
Гостомыслъ.

Когда тебя любовь со княземъ симъ дёлитъ, Привычка съ нимъ тебя, Ильмена, съединитъ: Последуй моему родительску совету И не безчесть меня пременою обету. Привычка естества сильне иногда.

Ильмена.

Я буду воздыхать и сътовать всегда.

Гостомыслъ.

Что жъ князю я скажу, не премѣняя слова?

Ильмена.

Я для тебя уже пріяти смерть готова. Но, предпріявъ, никакъ того не прем'внить; Хоть три дни дай еще мн'в, отче мой, прожить.

Гостомыслъ.

Не представляй въ умѣ такой суровой страсти, Не воображай себѣ безъ бѣдствія напасти; Но въ трехъ желанныхъ дняхъ ты горесть утиши И бѣдственный сей боль скорбящія души.

явленіе ІІ.

Ильмена одна.

Исполнится сіе, мнѣ злое, приключенье, И окончается по трехъ дняхъ все мученье, Которымъ ты меня, мой отче! погубилъ. А ты, который мя несклонну полюбилъ, Увидишь не въ одрѣ меня по пѣсняхъ брачныхъ: Не въ одръ пойду, —во гробъ, — и тамъ, въ пещерахъ мрачныхъ, Я сердце, коль его принудить не могу, Любезну Трувору невинно собрегу! Но я, несчастная, не въдая, въщаю, Любовнику ль уже я сердце посвящаю. Не суетою ли я льщу себъ маня! Не облыгають ли глаза мон меня,-И представляють мив, на скорби и мученье, Признаками любви единое почтенье! Ахъ, нътъ! его мнъ взоръ вседневно говоритъ, Что сердце и его любовію горить. Когда ты, о любовь! съ судьбой не согласилась, Несчастная любовь! почто ты въ насъ вселилась? Пылай во мив любовы! не долго мив горвть,-О солице! скоро я тебя престану зрать.

явленіе ІІІ.

Синавъ, Труворъ и Ильмена.

Синавъ.

Ко угожденію теб'ь, нашъ бракъ отсроченъ, Передъ тобой и въ томъ я буду безпороченъ. Но отчего въ тебъ смятение сіе, Которо мив теперь явить лице твое? Стенящу зрю тебя, смущенну, торопливу: Или, въ плененье взявъ ты душу горделиву, Намфрена, во мзду любви, меня томить И бодрствующій духъ въ унылый прем'внить? Какою предъ тобой виновенъ я прослугой: Или-что делаю тебя своей супругой, И возвожу на тронъ съ собою обладать-Изъ устъ твоихъ хочу уставы я подать? Что ты, дражайшая, чась брака удалила, Ты симъ меня однимъ довольно огорчила. Почто супружество намъ далъ отлагать, И нѣжную мнѣ страсть еще превозмогать? Свидетельствуюсь (указывая на Трувора) имъ, размученъ мысльми злыми,

Какъ жестоко пронзенъ я взорами твоими! Онъ точно въдаетъ, какъ я тебя люблю, И знаетъ только ночь, спокойно ли я сплю. Что ты несклонна миъ, я видълъ то и прежде, Но, зря почтеніе, былъ въ страхъ и надеждъ. И ежели была несклонность отъ стыда, Такъ не былъ я тобой несчастливъ никогда. А ежели не стыдъ я вижу предъ собою... О коль несчастливъ я, дражайшая, тобою!

Ильмена.

Не спрашивай теперь смятенія вины; Изъ устъ ув'вдаешь ты то своей жены! Что мнів вел'яль отець, то мною утвержденно, И вниду въ храмъ съ тобой, хотя бы принужденно.

Синавъ.

Я всѣ твои слова пріемлю за уставъ И быть хочу во всемъ передъ тобою правъ; Въ тебѣ любовницу я чту и дщерь геройску. Скажи ты, Труворъ, то жрецамъ, вельможамъ, войску, Что радости свои уже отсрочилъ я, И повтори сіе родителю ея, Что я исполнилъ то.

явление иу.

Ильмена и Труворъ.

Труворъ.

Такъ ты ужъ предпріяла

Его супругой быть...

Ильмена.

Хотя и не желала.

Труворъ.

О коль, несчастный брать, ты нынъ счастливъ сталь!

Ильмена.

Ты счастіємъ его напасть мою назвалъ: По повельнію, ему супругой буду; Но въ одръ... чего хочу?.. пойдемъ скорьй отсюду: Исполнь его приказъ.

Труворъ.

Почто ему я—братъ! Увы! почто, когда плънилъ его твой взглядъ! О дружба! о родство! вы мнъ противны стали! Вы —мнъ источники смертельныя печали!

Ильмена.

Молчи, о князь, молчи! не изъясняй себя.

Труворъ.

Возможно ли молчать, лишаяся тебя! И ахъ! на что ты мнѣ молчать напоминаеть? Что я тебя люблю, уже давно ты знаешь.

Ильмена.

Какой еще ударъ мнѣ сердце уразилъ, Почто, дражайшій взоръ, ты грудь мою пронзилъ! О солнце! небеса! о праведные боги!

Труворъ.

О время! о судьбы! за что вы намъ толь строги! Удобно ли мий скорбь такую претерпить, Что буду я тебя чужой супругой зрить, Красу твою чужимъ желаніямъ врученну И сердца моего утиху похищенну?

Ильмена.

Я съ именемъ умру любовницы твоей И дъвой сниду въ гробъ; не чувствуй муки сей.

Труворъ.

Ты брату моему хотъла быть женою.

Ильмена.

Не обвиняй меня невольною виною И дай исполнити родительскій приказъ: Ахъ! есть ли въ свётё кто несчастливе насъ!

Труворъ.

Твой духъ не такъ, какъ мой, симъ бракомъ будетъ мученъ, А я пребуду въ вѣкъ на свѣтѣ злополученъ, Хотя мой вѣкъ напасть и скоро весь промчитъ, Когда она меня съ тобою разлучитъ. И какъ меня, увы! пожретъ земли утроба, Приди когда-нибудь ко миѣ на мѣсто гроба: И если буду жить я въ памяти твоей, Хоть малу жертву дай во тьмѣ душѣ моей: И тѣнь вообразя мою передъ глазами, Оплачь мою злу часть, омой мой гробъ слезами.

Ильмена.

Владычествуй собой и менће страдай, А жертвы отъ меня иныя ожидай.

Не слезы буду лить я, жертвуя любови: Когда тебя лишусь, польются токи крови.

Труворъ.

Поняти не могу я сихъ твоихъ рѣчей.

Ильмена.

Поймешь, когда монхъ померкнетъ свътъ очей.

Труворъ.

Мнъ мысль твоя темна, какъ я ни разсуждаю.

Ильмена.

Скончаемъ разговоръ: я паче имъ страдаю. О Труворъ! ты мнѣ милъ, но мнѣ твоей не быть: Ничто не можетъ насъ съ тобой совокупить. Умѣрь свою тоску, лишаяся Ильмены, — Уже не получишь страданіемъ премѣны. Сноси сію болѣзнь, надежду погубя, Для горькихъ слезъ моихъ, пролитыхъ для тебя.

ТРУВОРЪ.

Какою мучуся я лютою судьбою!

Ильмена.

Скрывай любовь! отецъ Ильмены—предъ тобою.

явление у.

Труворъ, Ильмена и Гостомыслъ.

Труворъ.

Мой братъ съ Ильменою о бракѣ говорилъ И сдѣлалъ, какъ о томъ его ты самъ просилъ, Покорствуя во всемъ твоей прекрасной дщери. Уже затворены отверсты въ храмѣ двери. А мнѣ онъ далъ приказъ, чтобъ я тебѣ сказалъ, что онъ исполнилъ то, на что онъ слово далъ.

Гостомыслъ.

Къ нему на всякой день растетъ мое почтенье: Скажи Синаву ты мое благодаренье... Но что ты, князь... и ты мятешься, вся стеня!

Ильмена.

Мятусь, остави ты въ смятении меня. Я горести своей даюся безразсудно, Какъ должность ни храню, принудить сердце трудно.

Гостомыслъ.

Не познаваю ль я желанья твоего?

Ильмена.

Мое желанье—смерть: нѣтъ больше ничего, Что въ скорби мнѣ бъ моей цѣленье обѣщало И утѣшеніе малѣйше предвѣщало.

Гостомыслъ.

Написано уже на вашихъ мн^в очахъ: Сокрыто таинство во обоихъ сердцахъ.

Ильмена.

Коль ты его позналъ изъ обстоятельствъ вредныхъ, Почувствуй нашу скорбь, — и сожалѣй о бѣдныхъ.

Труворъ.

Отколь ты взялся, соборъ толикихъ мукъ! Кто хочетъ изъ моихъ любезную взять рукъ! Мой братъ: и кто ее изъ рукъ моихъ вручаетъ? Отецъ ея: увы! мой духъ изнемогаетъ.

Гостомыслъ.

Колико ты, судьба, несчастныхъ собрала Въ сін въ семъ градѣ дни!...

> Ильмена Гостомыслу. Коль я теб'в мила...

Гостомыслъ Трувору.

Преодолъй себя и вознесися паче. Не оставляй свою возлюбленную въ плачъ. Она послъдуетъ примъру твоему.

Ильмена.

Иного нътъ конца днесь бъдствію сему...

Гостомыслъ.

Не множьте моего вы больше огорченья, Поди, поди—и ты не множь ея мученья.

Труворъ отходя.

Не буду сопряженъ во вѣки я съ тобой!

Ильмена отходя.

Бори свою любовь и овладъй собой!

являніе уі.

Гостомыслъ одинъ.

По окончаніи народныя печали, Такой ли радости вы, мысли, ожидали? Синавъ! о храбрый князь! я, къ току горькихъ слезъ Любезной дочери, тебя на тронъ вознесъ. О злополучіе! или ты мнѣ природно? Я зрю, что все мое стараніе безилодно. Бѣды родятъ бѣды, не вижу имъ конца, И сдѣлали меня тираномъ изъ отца.

дъйствіе второе.

явление І.

Синавъ и Труворъ.

Синавъ.

Я стражду въ мукѣ злой невѣстою своею: Скажи мнѣ, Труворъ,—ты остался тамо съ нею,— Не вняль ли ты изъ словъ ея любви какой,
Которая бъ ея разрушила покой.
Конечно, душу то Ильмены возмущаетъ
И отъ супружества толь знатна отвращаетъ.
Во градѣ, при дворѣ, или въ чертогахъ сихъ,
Конечно, нѣкто—ей причиной мукъ такихъ,
Конечно, кто при мнѣ, въ полкахъ или гражданствѣ,
Изъ подданныхъ моихъ имѣя ту въ подданствѣ,
Котора возмогла ихъ княземъ овладѣть,
Отъемлетъ сердце... ахъ! возможно ль то стерпѣть!

Труворъ.

А ежели то такъ, и если то познаешь, Что въ сей горячности ты суетно стонаешь?

Синавъ.

Кто тщится всё мои утёхи погубить, Тотъ дерзостью мой гиёвъ стремится возбудить.

Труворъ.

Такъ къ казни общество себъ тебя вънчало? Синавъ.

Тиранство отъ любви не разъ уже бывало. О небо! въ сердце мнѣ щедроту вкореня, Не сдѣлай наконецъ мучителемъ меня!

Труворъ.

Хто хочетъ помнить долгъ, не можетъ быти злобенъ: Не забывай его, и будь себѣ подобенъ. Коль будемъ таковы 1), что скажетъ градъ о насъ? Какой по сѣверу отсель раздастся гласъ? Что будутъ мыслити державы сей сосѣды? Умолкнетъ славы рогъ, померкнутъ всѣ побѣды, Которыми мы толь высоко вознеслись, И для того ль, когда граждане здѣсь спаслись, Мы бремя ихъ отъ нихъ толь славно отвратили,

¹⁾ Мучители.

Чтобъ бременемъ своимъ мы ихъ отяготили. Нашъ младшій братъ отсель отсутственъ; смѣю я Одинъ тебѣ сказать, что страждетъ честь твоя. Рабы твои, о князь! твои любезны дѣти: Не зачинай инымъ ты образомъ владѣти!

Синавъ.

Когда бы ты кого толико самъ любилъ, Такъ ты сію бы річь, конечно, позабылъ.

Труворъ.

Нътъ, истина бы мит была во основанье: Я бъ началъ умърять неправое желанье И, воспротивясь бы природъ, сколько могъ, Сей пламень бы смягчилъ, который бы мя жогъ.

Синавъ.

Я чувствую въ себѣ болѣзнь неутолиму; Что злѣй есть, какъ любить, и ахъ! не быть любиму!

Труворъ.

Еще стократно злѣй въ любви взаимной тлѣть И въ сладостяхъ ел надежды не имѣть.

Синавъ.

Я бъ горесть такову вкушаль, алкая въ сладость, Печали бы мои въ себъ имъли радость. Хотя бы я въ любви утъхи не имъль, Я бъ тъмъ доволенъ былъ, что бъ сердцемъ я владълъ, Которое бы мнъ вздыханіе давало, Вздыханіе бъ мое подобно воспримало: Я всю бъ мою напасть съ любезной раздълялъ И симъ страданіемъ себя увеселялъ.

Труворъ.

Ильмена ли одна красу очамъ являетъ? Красавицами все жилище здъсь сілетъ. Природа лучшихъ дъвъ въ сей градъ произвела. Любовь сіи брега столицей избрала; И, землю осудивъ сію на жертву хладу, Рождаетъ красоту на мѣсто винограду. Всмотрись когда-нибудь въ собраньи, въ торжествѣ, Что краше нашихъ дѣвъ ты сыщешь въ естествѣ! Всмотрись, и, отвративъ ты взоръ отъ сей суровой, Другую избери, и тай въ любови новой, Которая бъ тебѣ утѣху принесла.

Спнавъ.

Уже сія любовь высоко возрасла И твердо корень свой по сердцу пространила,— Ильменина краса на в'єкъ меня пл'єнила!

> ЯВЛЕНІЕ ІІ. Тъжь и Гостомысль. Гостомысль.

Благодаренье, князь, мое донесено...

Спнавъ.

Но сердце, ахъ! мое смертельно стѣснено. Я дочерью твоей смущенъ неизреченно,—
Весь умъ, все чувствіе Ильменой огорченно: Мнѣ жизнь безъ сихъ очей и счастье—суета. Отвергла мысли всѣ сей дѣвы красота, Усиѣхи славныхъ дѣлъ моихъ остановила И къ малодушію мой гордый духъ склонила. На что надъ Россами тобой принялъ я власть, Коль мещетъ мя, какъ валъ малѣйше судно, страсть! На что я въ сей странѣ народами владѣю, Коль больше надъ собой я власти не имѣю! Я вижу то, что я красавицѣ не милъ. Къ чему меня, къ чему мой рокъ опредѣлилъ!

Гостомыслъ.

Когда она твоей супругой назовется, Тогда и грусть твоя и мука разорвется;

Ильмену знаю я: мнѣ нравъ ел знакомъ, Хоть подлинно она вздыхаетъ днесь о комъ; Супругой ставъ твоей, она его забудетъ И върность наблюдать къ тебъ по гробъ свой будетъ.

Синавъ.

Но, можеть быть, какъ ядъ, въ умѣ ея—Синавъ! Хоть добродѣтеленъ сея дѣвицы нравъ, Хоть толь душа ея чиста, коль тѣло красно; Но если сердце въ ней ко мнѣ, увы! безстрастно, Къ какой утѣхѣ мнѣ Ильменою владѣть, Коль буду завсегда ее печальну зрѣть: Привѣтство должностью одной имѣти стану И буду зрѣть ее подвластною тирану.

Гостомыслъ.

Коль склонности не зришь ты, дочь мою любя, Ты—бѣденъ, а она еще бѣднѣй тебя.

Синавъ.

Что ты ни говоришь, мнѣ все предвозвѣщаетъ, Что мнѣ надежда все напрасно обѣщаетъ. Въ какую, небеса, низверженъ я напасть! О вредный жаръ любви! О безполезна страсть! Скажи, о Гостомыслъ! мое несносно бѣдство, И если льзя сыскать къ тому какое средство, Употребляй его, употребляй, мой другъ; Мнѣ радость та мала, что буду ей супругъ И буду зрѣть ее съ собою на престолѣ, На одръ и на престолъ восшедшу по неволѣ!

Гостомыслъ.

Къ склоненію любви нѣтъ больше ничего Для исполненія желанья твоего; Что могъ, я сдѣлалъ все, чтобъ дать тебѣ утѣху; Но, кромѣ должности, не вижу я успѣху.

Синавъ.

О должность, малое веселіе въ любви, Прохдала слабая горящія крови! Куда прибъгну я и что начну къ отрадъ! Я вижу смерть мою въ прельщающемъ мя взглядъ. Живуща въ разумъ Синавовомъ краса, Отъ пагубнаго дня и лютаго часа, -Какъ сердца моего свобода отлучалась, И мысль моя среди надежды огорчалась, Терзаючи меня, -- колеблетъ весь мой умъ, И нътъ пристанища моихъ блудящихъ думъ. Что сдёлалось, Синавъ, что сдёлалось съ тобою! Сія ль прилична жизнь владык ви герою? Какъ войско чтитъ тебя, народъ и Гостомыслъ! Гдв двлось мужество! гдв двлся ты, мой смысль! Когда меня глаза Ильменины прельстили, Все мужество мое вы, боги, отвратили! Повсюду я хожу, вздыхая и стеня. Ахъ, есть ли въ свътъ кто несчастиве меня?

Гостомыслъ.

Не ты, о государь! несчастнъй всёхъ во градъ, Не ты одинъ живешь въ любовной здёсь досадъ, Разсудокъ, здравіе и мужество губя: Есть люди, кои въ томъ несчастнъе тебя.

явленіе ІІІ.

Синавъ и Труворъ.

Синавъ.

Симъ онъ смятенія и грусти мні прибавиль И въ безънзвістін лютійшемъ мя оставиль. Сомнініе мое совсімъ разрішено; Но кто меня губить, того не внушено. Любезный Труворъ! зри, какъ брать твой днесь страдаеть,— Вся злаго счастія имъ ярость обладаетъ. Скажи, не знаешь ли, возлюбленный мой братъ, Кого полезно толь склонилъ Ильменинъ взглядъ? Ахъ! нѣтъ, когда бъ ты, князь, о семъ увѣдалъ дѣлѣ, Ты бъ, видя, какъ мой духъ страдаетъ въ томномъ тѣлѣ, Давно мнѣ знати далъ, чью кровь мнѣ должно лить, И грудь, въ котору мнѣ сей острый мечъ вонзить.

Труворъ.

Лишенный вольности, надежды и покою, Пролей, о государь! своей ту кровь рукою! Свирыпствуй, варварствуй и устремляйся въ месть, Коль можешь острый мечь на друга ты вознесть! Вонзай оружіе, сражай его безсловно,—Воть грудь, которая передъ тобой виновна!

Синавъ.

Мечту я зрю!... ахъ! ты отъемлешь жизнь мою!

Труворъ.

Я тайны своея ужъ больше не таю. Отмщай сіе ты мнѣ, что ею ты крушился! Рази, доколѣ я Ильмены не лишился! Когда отнимешь ты любезну у меня, Не жалобой одной воздамъ тебѣ стеня. Рази теперь! Тогда карать меня ужъ поздно.

Синавъ.

Бывало ль, время, ты кому толико грозно! Забуди дружество, или сей дѣвы взглядъ, Не будь любовникомъ, или не буди брать!

ТРУВОРЪ отходя.

Драгія имена сін священны оба.

Синавъ.

Ужасная любовь-ты мив страшиве гроба.

явление и.

Синавъ одинъ.

Се элое таниство открылося ужъ мив: Иль то, что слышаль я, услышаль я во снъ! Вздымаются власы, и сердце, ахъ! томится: Трясется поло мной земля, и небо тьмится! Ильмена!... Труворъ!... ахъ!... въ которую страну Я съ большей жалостью, несчастливый, взгляну! Мой брать! любезный брать! я-другь тебв не ложно.... Ильмена! мнъ тебя покинуть невозможно! Лишь только мой языкъ то имя наречетъ, Великодушіе въ минуту утечетъ. Собраніе пріятствъ, прекраснъйшее тъло! Все счастіе мое отсел'є отлет'єло. Подвластну ¹) нын'є ставъ предестной красот'є, Прилично ли прервать, природа, узы тв, Которыми меня преславна кровь сковала, Гдв дружба многихъ лвтъ пріятно пребывала? О дружба! о родство! о хвальныя дёла! Судьба!-котора насъ ко граду привела,-Для сихъ ли следствій вы пути сюда открыли, Чтобъ мы другь другу рвы къ паденію изрыли,-И чтобы въ брать зрълъ я лютаго врага? О бъдоносный градъ! противные брега! Какъ мы, пришедъ сюда, осталися со славой,-Кто чаяль то, что вы наполнены отравой! Не знаю, Труворъ, я, губимый страстью сей, Еще ли ты-мив брать, иль-лютый мив злодви! Злодви!... о небеса! какую мысль имвю! Но братомъ я тебя назвати не умѣю; Отъемлешь у меня, что мий милий всего: Огъемлешь... отняль ужь!... что злее мне сего! О если дружбу онъ мою еще вспомянетъ И мив прелестную любити перестанеть,

¹⁾ Вм. подвластенъ (ставъ).

Великодушіе такое чімъ воздамъ!
Но привлеченнаго къ Ильменинымъ очамъ
Ничто не возвратитъ ужъ боліве къ свободії:
Нітъ краше ничего ея во всей природів.
О боги! о судьба! скончайте тяжкій стонъ
И превратите мніз въ мечту сей день и сонъ,
И привидінія такія къ сердцу люты!
А я зрю въ явіз 1) васъ, о злобнізйши минуты!

явлёніе у.

Синавъ и Ильмена.

Синавъ.

Позналася уже твоя ко мнъ любовь.

Ильмена.

Что Труворъ объявилъ, я то въщаю вновь. Зловредная къ нему горячность мя склонила, И съ нимъ меня любовь на въкъ соединила...

Синавъ.

На вѣкъ?... но помнишь ли, что будешь миѣ жена, И что Синаву ты въ супружество дана?

Ильмена.

Когда, о государь! твоей супругой буду, По должности тогда я Трувора забуду.

Синавъ.

Сама сказала ты, что ты на въкъ его.

Ильмена.

Не долго стану ждать кончанья своего, И можеть быть, какъ жизнь моя съ твоей спряжется, Что въ самый тотъ злой часъ и духъ мой прочь возьмется.

Синавъ.

Какой за жаръ любви готовишь ты ударъ! Къ тому ли во крови моей родился жаръ!

¹) Въявь.

Часъ брака нашего ты лютымъ называешь И, пораженная, грустишь и унываешь, И, вмѣсто всей мнѣ мзды, мой тщишься духъ мутить! Изрядно мнѣ любовь стараешься платить. Иль страсть моя къ тебѣ еще мала быть мнится?

Ильмена.

Вспаленный мной, твой духъ неволею томится! Ты, сердце суетной надеждой возманя, Противъ желанія, ахъ! любишь, князь, меня, Влюбясь, не предузнавъ хотѣнью слѣдства злого: Противъ желанія и я люблю другого.

Синавъ.

Какіе съ страсти сей сбираю я плоды! Безмѣрная любовь, сея ль достойна мяды!

Ильмена.

Его къ Ильменъ страсть твоей сильнъе страсти, И больше много разъ напасть твоей напасти: Тебя ко мнъ любовь въ злу горесть привела,— Что ты упорну зришь ту, кто тебъ мила: А Труворъ ужъ ничъмъ тоски не умъряетъ,— Онъ върную свою любовницу теряетъ.

Синавъ.

Прилично ль такъ тебѣ себя именовать, Коль бракъ велитъ тебѣ съ нимъ узы разрывать?

Ильмена.

Колико житіе ни стало мнѣ превратно, Любовницы его, ахъ! имя мнѣ пріятно. Еще тебѣ, еще Ильмена—не жена; Доколь не буду я съ тобой сопряжена, Позволь симъ именемъ Ильменѣ нарицаться! Кого ты бѣдной мнѣ, судьба, велишь лишаться? Я слабости моей не крою предъ тобой:

Смотри на скорбь мою, и сжалься надо мной; Лай сердиу моему имъть, чего желаетъ, И чёмъ оно и грудь, и кровь моя пылаетъ, Колико ни храню родительскій приказъ! Пріятность можеть ли оть сихъ им'ти глазъ. Которые тобой на слезы осужденны? Иль чувсвія твои всі злобой побіжденны, И сердце варварско въ себѣ имѣешь ты? Какія въ томъ лиць ты ищешь красоты, Которо отъ тебя вседневно увядаетъ? И здравіе, и жизнь Ильмену покидаетъ. Не буди, государь! причиной смерти мив! Ты началъ царствовать съ щедротой въ сей странъ! Благополучіемъ явилъ себя народа, И что произвела на то тебя природа. Чтобъ ты во истинъ свой разумъ простиралъ И плачущихъ рабовъ ты слезы отпралъ. Съ престола бъдныхъ вопль и стонъ смиренно внемлешь; Мою ли только жизнь безвинно ты отъемлешь? И правосулья гль искати больше намъ. Когда разрушати его стремишься самъ? Оставь меня! —ты тымъ геройство усугубить, — И граду покажи, что, какъ меня ни любишь, Что, къ увънчанію своихъ прехвальныхъ дълъ, Любови пламенной ты славу предпочелъ: И какъ отъ страсти грудь Синавова дрожала, Душа надъ страстью сей побъду одержала.

Синавъ.

Какой, жестокая, совъть ты мнѣ даешь! Всей силою меня къ безславію влечешь: И кроя отъ меня дражайшія забавы, Въ несносной мнѣ тоскѣ велишь искати славы!

Ильмена отходя.

Коль ты не жалостливъ, отъемли мой животъ!

Синавъ.

Что скажешь ты о мнѣ, страны сея народъ, Когда ты слабости души моей познаешь? Ахъ! то ли царской долгъ, что рвешься и стонаешь.

ДЪЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ. ЯВЛЕНІЕ І.

Гостомыслъ и Ильмена.

Гостомыслъ.

Я вижу скорбь твою и слышу тяжкій стонь, И знаю самь, каковь великь тебѣ уронь Терять любовника, жарь сильный побѣждати, И въ женской слабости страсть нѣжну принуждати; Но ты—миѣ дочь: бори желанія любви И покажи, отъ чьей родилась ты крови! Яви, что духъ въ тебѣ родительскій хранится, И родъ его тобой преславно обновится! Великодушіемъ наполнивъ краткій вѣкъ, Уподобляется безсмертнымъ человѣкъ: Прекрасна и млада, и въ самомъ лучшемъ цвѣтѣ, Любима тѣмъ, кто милъ тебѣ всѣхъ паче въ свѣтѣ, Когда возможешь ты себя преодолѣть, Я буду образъ свой въ любезной дщери зрѣть!

Ильмена.

Я граду покажу, что я тебя достойна: Но льзя ли, чтобъ душа моя была спокойна, Когда того, увы! на въки я гублю, Кого я, отче мой, равно съ тобой люблю?

Гостомыслъ.

Гдѣ должность говоритъ, или любовь къ народу, Тамъ нѣтъ любовника, тамъ нѣтъ отца, ни роду: Синаву общества нарекъ тебя я мздой,

Ни мнв ужъ ни тебв нвтъ власти надъ тобой; Кто должности своей храненіе являеть, Храня ее въ бѣдахъ, свой духъ успокояетъ: Страдая за нее, когда онъ помнитъ то, За что онъ мучится, вся мука та ничто. Коль чистая душа не хочеть быть превратна, За добродътели и мука ей пріятна.

Ильмена.

Чтобъ я не тронута была моей судьбой. Когда поражена, родитель, я тобой, Я твиъ уже не льшусь; какое сердце твердо Возможетъ обвинить меня немилосердо? Довольно мужества я, отче мой, явлю, Что преслушаніемъ тебя не прогнівлю. Довольно должности я жертвую тоскою: Въ цвътущей младости иду на смерть...

Гостомыслъ.

Къ покою.

Ты тъмъ скончаеть скорбь и горесть пресъчеть; Но къ каковой меня ты скорби привлечешь? Мив жизнь твоя тяжка, конецъ тягчве 1) будетъ. Иль мнишь ты: Гостомыслъ любезну дочь забудеть, Въ котору всю свою надежду положилъ И для которыя на свыть онъ и жилъ, То мня, что родъ его прославится въ ней паче?

Ильмена.

Но во стенаніи и въ непрестанномъ плачь, Способна ль буду я веселье приключать, Которо отъ меня ты чаялъ получать?

Гостомыслъ.

А какъ закроешь ты глаза свои сномъ въчнымъ, Могу ли быть тогда я толь безчелов вчнымъ, Чтобъ не встревожилъ рокъ сей крипости моей,

¹⁾ У автора-тягчае.

И въ слабость бы не ввелъ того въ кончинѣ дней, Кто милости сея понынѣ жилъ не чая, И сына погребалъ, очей не омочая? Когда изъ глазъ монхъ токъ слезный потечетъ, Какую похвалу народъ о мнѣ речетъ? А слуху моему сей голосъ будетъ злобенъ: Намъ твердый Гостомыслъ во слабостяхъ подобенъ! Хотя жъ я слабости на сердце не пущу, Но духъ, тебя лишась, колико возмущу?

Ильмена.

Виню ли я тебя, что жизнь тобою трачу? Не обвиняй меня и ты, что горько плачу. Вступлю съ Синавомъ въ бракъ—я помню долгъ и честь: Но ахъ! возможно ли такое бремя снесть? Вы прямо видите тоску мою, о боги! Почто твои въ сей градъ вступили, Труворъ! ноги.

Гостомыслъ.

Коль лютую напасть случаи навели, Крѣпись и Трувора отъ мысли удали: Когда ты съ жалостью о немъ лице являешь, Ты, можетъ, пламень свой и горесть обновляешь.

Ильмена.

Желаніе свое—несчастнаго любить, Колико я могу, стараюся избыть. Стремительно отъ сей я мысли убѣгаю, Но убѣгающа совсѣмъ изнемогаю. Повсюду страсть моя гоняется за мной, Повсюду множить жаръ и рушитъ мой покой. Дражайшу зрака тѣнь повсюду обрѣтаю И, истребляя страсть, я страсть мою питаю. Разсѣянъ весь мой умъ, немилосердный рокъ Мятетъ лющійся во мнѣ кровавый токъ. Сама съ собою брань имѣю непрестанно,

Разима, рвусь, стеню и стражду несказанно. Не тако въ варварскихъ терзается степяхъ Невольникъ, мучимый въ темницѣ и цѣпяхъ, Какъ я, живущая въ странѣ своей природной, Въ дни счастья твоего, въ дни тихости народной. Прошла та жизнь, была которая вредна, И только мучуся я съ Труворомъ одна.

Гостомыслъ.

Которы паче всѣхъ о градѣ семъ трудились, Во счастіи своемъ подобно повредились; Подобно огорченъ и я, и князь Синавъ: Онъ, въ братѣ зря своихъ препятствіе забавъ, Ту мзду, которой ждалъ, бѣдою получаетъ, А Гостомыслу дочь боль вящшій приключаетъ.

Ильмена.

Конечно, всёхъ грустнёй Ильменё въ сей странё: Не тако горестно и Трувору, какъ мнё; Когда престанетъ быть любовникъ мой въ надеждё, Жить будетъ безъ жены противной, какъ и прежде. А я, лишась его, тому отдамся въ власть, Кёмъ вся моя, увы! произошла напасть.

Гостомыслъ.

Умолкии! Труворъ здёсь: сокройся ты отсель!

Ильмена.

Сдержись прискорбный духъ въ томящемся, ахъ! тълъ.

явление и.

Тѣ жъ и Труворъ.

Труворъ.

На что, дражайшая, ты прочь отсель бѣжишь? Иль больше ужъ во мнѣ ты Трувора не зришь?

Ильмена.

Должна повинну 1) быть родительской я власти.

¹⁾ Вм. повинна.

Гостомыслъ.

Для утоленія мучительныя страсти.

Труворъ.

Дай зрѣнью моему насытиться теперь!
Въ сей день пойдетъ во храмъ твоя прекрасна дщерь
И тамо присягнетъ на вѣкъ меня оставить....

Ильмена.

Въ сей день!

Гостомыслъ Ильменъ.

Ничто тебя не можетъ ужъ избавить Отъ крайности, куда тя должность привела.

Ильмена.

На что, судьбина, ты Ильменъ жизнь дала!

Труворъ.

Въ безмърной ярости Спнавъ меня злословитъ, Миъ ссылку, а себъ въ сей день онъ бракъ готовитъ: Уже во градъ всъмъ извъстенъ сей приказъ, А я ужъ навсегда твоихъ лишаюсь глазъ!

Гостомыслъ.

Не огорчай еще его ты части лютой!
Довольствуйся безъ слезъ послѣднею минутой!
Ты, женской крѣпостью примѣръ ему подавъ,
Какъ долгу слѣдовать, подашь ему уставъ.

(Трувору).

Коль дева несколько себя преодолееть, Такъ мужу более еще того довлеть.

ЯВЛЕНІЕ III. Труворъ и Ильмена. Труворъ.

Сіе ли нашея горячности плоды! Потщимся отвратить толь лютыя б'вды,

Докол'в время всей надежды не скончало, Которо наше все веселіе умчало.

Ильмена.

Въ сей крайности, мой князь! толь пламенно любя, Чего бъ не сдълала Ильмена для тебя! Но я спасенія ни въ чемъ себъ не вижу, И все, въ отчаяньи, на свъть ненавижу.

Труворъ.

Ты слышала, въ сей день назначенъ мой отъйздъ: Лишаюся на въкъ я сихъ прекрасныхъ мъстъ. Глаза покажуть мнв стези моей дороги, И буду жить я тамъ, гдв мив прикажутъ боги. Коль не гнушаешься быть странника женой, Коль любишь ты меня, разстанься съ сей страной, И изъ величества, куда восходить нынъ, Отважься ты со мной жить въ бъдности, въ пустынъ, Съ презрѣннымъ, съ выгнаннымъ, съ оставленнымъ отъ всѣхъ! Покинь съ желаніемъ надежду всёхъ утёхъ, Которы пышностью князей увеселяютъ И честолюбія ничімь не утоляють: Довольствуйся однимъ пустыннымъ житіемъ, Будь мив участница въ несчастін моемъ, Которо, коль ты мий вручишь красу и младость, Во несказанную преобратится радость.

Ильмена.

Мое прибъжище—стенанія одни.
О мой несносный рокъ! о горестные дни!
Неогорчаема любовною судьбою,
Въ уединеніи, въ убожествъ, съ тобою
Со всей охотою покойно бъ я жила
И младость бы свою въ весельи провела;
Но предъ родителемъ какъ буду я преслушна?
Каковъ родитель мой, такъ я великодушиа.

Я знаю, что мив бракъ противный приключитъ, Но съ должностью меня ничто не разлучитъ.

Труворъ.

Когда бы ты меня не такъ любила мало, Такъ сердце бъ не такой совътъ тебъ давало. Когда разсудокъ нашъ безстрастно говоритъ, Тамъ кровь, хотя жарка, однако не горитъ.

Ильмена.

Колико тщится днесь Ильмена лицемърить! Хотя бы я клялась, никто не будеть върить. Какъ я тебя люблю, не можно вообразить 1), Нельзя никакъ любви сильнъе заразить: Что скоро дъйствіе, мой князь, тебъ покажеть, И кто-нибудь когда о томъ тебъ разскажеть. Правители небесъ, которыхъ такъ мы чтимъ, Хотятъ того, чтобъ мы уподоблялись имъ. Явлюся дочерью геройскою въ народъ И, побъдивъ себя, дамъ дъйствовать природъ. Хоть мя въ порочну жизнь она не вовлечеть, Но злополучіе конечно пресъчетъ.

Труворъ.

Ты хочеть умереть: тебь ль умреть прилично, Во младости своей, прекрасной необычно? Живи и слабости любовной не вини, Живи и грубу мысль, драгая, отмъни!

Ильмена.

Ничто отъ мысли сей меня не отвращаетъ. Живи, гдъ рокъ тебъ жилище объщаетъ; Я знаю, что тебъ меня лишиться жаль, Но мнъ моя еще несноснъе печаль.

Труворъ.

Ты върностью меня, драгая, увъряешь, И ахъ! безъ жалости на въкъ меня теряешь.

¹⁾ У автора-вобразить,

Мучитель не губить того, къ кому онъ щедръ,
Ни льстецъ, изверженный во свыть изъ адскихъ нъдръ.
Въ мучительствъ, во льсти, въ лютъйшихъ сихъ двухъ ядахъ,
Нътъ казни таковой, въ твоихъ какая взглядахъ.
Глаза твои ко мнъ въ крови являютъ жаръ,
А ты готовиши смертельный мнъ ударъ!
Рази! и отдъляй печальный духъ отъ тъла,
И послъ говори, что жалость ты имъла.
Я зрю, что ты одно суровство только чтишь
И долгомъ то зовешь, что ты меня губишь;
То ложно, что себя ты онымъ обезславишь,
Когда любовника мученія избавишь:
Сію имъя мысль, родитель твой свиръпъ.

Ильмена.

Кто любитъ, тотъ всегда въ своемъ разсудкѣ слѣпъ; А мнѣ съ младенчества отцемъ моимъ вперенно, Чтобъ сердце было въ вѣкъ разсудку покоренно.

Труворъ.

Оставшіе часы не медля пролетять:
Съ какою жалостью покину я сей градъ,
Той градъ, гдв вся моя утва остается!...
Увы! изъ глазъ твоихъ источникъ слезъ ліется!...
Ты плачешь обо мнв!... жалвй меня! жалвй!
Скажи, Ильмена, мнв, скажи въ тоскв моей,
Могу ли я еще надвяться, пылая,
Что ты со мной отсель....

Ильмена.

О часть моя презлая!

Труворъ.

Моя сплетенна часть съ твоею навсегда: Не буду безъ тебя спокоенъ никогда.

(Становится на колфии).

Смягчись, дражайшая! отвергни права люты!

И помни, что сіи последнія минуты Ко отвращенью бедъ намъ дороги теперь....

Ильмена.

Я помню только то, что я герою дщерь.

Труворъ стоя на коленяхъ.

А то забыла ты, колико ни страдаешь, Что ты меня въ сей день на вѣки покидаешь? Возможно ли сіе любовнику снести? Спасай меня! еще ты можешь мя спасти.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Труворъ, Ильмена и Синавъ.

Синавъ.

Преступка нѣтъ нигдѣ подобна сей измѣнѣ! Меня нарекъ отецъ супругомъ быть Ильменѣ: Ты знаешь то? твое веселье претекло.

Труворъ.

Но сердце ей меня супругомъ нарекло.

Синавъ.

Преступникъ истины! рушитель дружбы, братства! И кровь не дълаетъ неправеднымъ препятства. Врагъ честности!...

Труворъ.

Постой, хоть власть тебѣ дана, Но Трувору ль терпѣть такія имена? Хотя и долженъ я тебѣ повиноваться, Но и не такъ рожденъ, чтобъ мнѣ тебя бояться. Скрѣпився, ярости толикой уступлю, А словъ ни отъ кого поносныхъ не стерплю.

.(примена.

Иль душу вы мою еще твсните мало?

Синавъ Трувору.

Названія сін теб' бездільство дало.

Труворъ.

Бездѣльство дало мнѣ?

Ильмена Трувору. Престани говорить.

Синавъ Трувору.

Противу ты меня что можети творить?

Труворъ вынимаетъ противъ него мечъ свой и бросается на него.

Я буду дѣлать то, что честь теперь вѣщаетъ. (Какъ только Труворъ за мечъ свой ухватился, въ то самое время и Синавъ то жъ дѣлаетъ).

Ильмена бросаясь между ихъ.

Кто болве изъ васъ свирвиства ощущаетъ? Коль въ злобу васъ могла любовью я привлечь, Вонзай мив въ грудь (Синаву) хоть ты, (Трувору) хоть ты, свой острый мечъ!

Труворъ.

Любовь, гнѣвъ, жалость рвутъ меня его виною: Играйте страсти всѣ, играйте страсти мною! (Кладетъ мечъ свой въ ножны).

Спнавъ кладетъ мечъ свой въ ножны и говоритъ Ильменъ.

Я ради лишь тебя не мщу сего ему; Но дерзостнаго ты привесть должна къ тому, Чтобъ прежней не затмилъ онъ всей моей пріязни, Когда не хочетъ пасть на мѣстѣ лютой казни.

Труворъ.

Ты казнью миж грозишь?

Ильмена Трувору. Дни жизни мнв храня,

Пойди отсель, князь, коль ты любиль меня!

Труворъ.

Гдѣ я ни буду жить, доколѣ не увяну, Тебя, дражайшая, любити не престану.

явление у

Синавъ и Ильмена.

Синавъ.

Ты Трувора къ своимъ пускаеть пасть ногамъ Въ тотъ день, въ который ты со мной идеть во храмъ?

Ильмена.

Прибавьте, небеса, къ теривнію мив мочи! Сдержитеся отъ слезъ, мои печальны очи! Не вспоминай мив его ты больше предо мной! Я буду безъ того Синавовой женой.

Синавъ.

Коль горестно тебѣ сіе воспоминанье, Такъ знать не кончилось еще твое желанье О полученіи отъемлемыхъ утѣхъ: Оно—погибель мнѣ, тебѣ—и стыдъ, и грѣхъ.

Ильмена.

Прискорбная душа не о забавахъ мыслитъ,— И только лишь однъ свои напасти числитъ.

Синавъ.

Благополученъ быть въ сей день тобой хощу, Жду радостей своихъ: въ надеждѣ сей грущу. Тъмы будущихъ пріятствъ въ умѣ изображаю, И, представляя то, болѣзни умножаю. Синавова любовь зоветъ тебя на тронъ... Скончай, дражайшая, скончай тоску и стонъ!

Ильмена.

Не возмущай еще души моей ты снова! А я съ тобой во храмъ итти уже готова. Синавъ.

Я тамо на тебя корону возложу И на престолъ тебя съ собою посажу. Правь городъ сей со мной, владъй страною сею, Подобно какъ душей и жизнію моею.

дъйствіе четвертое.

ЯВЛЕНІЕ І.

Ильмена одна.

Въ какую ты напасть мя, должность, привела! Вотъ ради я чего на свъть семъ жила! Я знаю, смерть мои напасти окончаетъ, Но смерть еще меня довольно огорчаетъ. Необходимо встыть, то должно претерпты; Равно бы было то, когда ни умереть: Но будучи млада и темъ прекрасна зрима, Къмъ распаленна я и къмъ сама любима, Могу ли безъ тоски я очи затворить И страхъ отважности геройской покорить! Но жизнь уже къ чему? напрасно устрашаюсь! Что мий прелестно въ ней, того всего лишаюсь! На что миз болже желати живота? Пусть гибнетъ молодость и мнима красота. Не для того ль хочу на свътъ я остаться, Дабы на всякой часъ слезами обливаться, Всегдашней жалобой свой рокъ изобличать И смертнымъ, и богамъ стенаніемъ скучать? Потребна бъднымъ смерть: дражайшій часъ покою, Приди и разлучи духъ съ теломъ и съ тоскою! Свътило дневное, съ небесной высоты Взирающе на всѣ земныя красоты, Представь предъ Трувора дівнцу саму красну И дай ему забыть любовницу несчастну!

А ты, сей горькій плачь на радость прем'вня, Хоть сыщешь и сто крать прекрасніве меня, Но въ пламени къ теб'в любовномъ дарагія ') Не сыщешь никогда, подобной ми'в, другія.

ABJEHIE II.

Гостомыслъ и Ильмена.

Гостомыслъ.

Старайся ты себя преодольть теперь: Минуты тъ пришли уже, любезна дщерь, Въ которыя тебъ кръпиться лишь полезно И гнать изъ памяти, что толь тебъ любезно. Лишайся Трувора и, вмёсто ты того, Вошедъ на тронъ, будь мать народа своего. Когда ты отстаешь любовныя забавы, Ищи утъхъ среди величества и славы: Не гордости теб' отецъ искать велить; Престолъ не тъмъ людей великихъ веселитъ: Но чтобъ ты свяла повсюду добродвтель, На то имъетъ власть напъ обществомъ владътель Онъ всв съ высокаго съдалния страны, Которы отъ боговъ ему поручены, Объемля взорами, брежетъ и учреждаетъ, Искореняетъ ложь и правду утверждаетъ. Въ супружество вступивъ, участницею ставъ И сердца княжеска, и силъ его, и правъ, Въ сей пышности, себя между боговъ не числи И смертна будучи, какъ смертная, и мысли. Отъ скверныхъ льстивыхъ устъ ты уши отвращай И въ утвенени невинныхъ защищай. Храни незлобіе, людей чти въ чести твердыхъ, Отъ трона удаляй людей немилосердныхъ И огради его людьми такихъ сердецъ, Какое показаль имъя твой отецъ.

¹) Род. и. ед. ч. ж. р.=дорогой.

Превозноси людей ко правдѣ прилѣпленныхъ,
Разумныхъ и честныхъ, искусствомъ укрѣпленныхъ;
Премудрости во всѣхъ послѣдуй ты дѣлахъ
И спутницей имѣй ее во всѣхъ путяхъ.
Покровомъ будь сиротъ, прибѣжищемъ вдовицы,
Яви ты истину подъ именемъ царицы,
И добродѣтель здѣсь, гнушаяся тщеты,
Яви во образѣ дѣвичей красоты.
Надеждой веселись, что ты себя прославишь
И подданнымъ своимъ златые дни возставишь.
Рождай властителей народу своему,
Подай безсмертіе ты корню моему;
Не сѣтуй о своемъ безъ пользы ты уронѣ
И, къ пользѣ всей страны, ликуй на пышномъ тронѣ.

Ильмена.

Коль мысль разсвяна, и разумъ огорченъ, Коль ввино человвиъ печалью омраченъ, Удобно ли ему быть обществу полезнымъ? Лишась пріятныхъ думъ, разставшихся съ любезнымъ, Низвергшись въ глубину неизреченныхъ бъдъ, — Когда отъ глазъ монхъ скрываетъ небо свътъ, Когда несчастіе мнъ сердце разрываетъ, — Къ свиръпости ръками проливаетъ, — Къ чему потребна я? Кто сътуетъ всегда, Тотъ дъйствовать умомъ не можетъ никогда.

Гостомыслъ.

Ты въ случав такомъ прославишься и паче: Во дни стенанія, въ тоскв и горькомъ плачв, Разставшись съ твмъ на ввкъ, кто толь былъ сердцу милъ, Преодольть себя есть выше женскихъ силъ. Я знаю то, но сколь сильный супротивленье, Толико хвальные надъ нимъ преодольные. Превозмогай себя, чтобъ городъ сей сказалъ: Кто дввы сей отецъ, рокъ ясно показалъ—

Съ какимъ къ ней бременемъ зла часть ни приступала, Ильменина душа подъ бременемъ не пала.

Ильмена.

Все то, что льстило мнв на свыть, погубя, Еще ли мало я превозмогла себя? Противилася ли родительской я воль? Не требуй отъ меня ты крыпости днесь боль. Великодушія того ищи въ богахъ, Какого ищешь ты въ двическихъ сердцахъ.

Гостомыслъ.

Нашъ вѣкъ есть нѣкій путь, къ покою насъ ведущій, И зло и благо намъ мѣстами подающій; Хоть что худо въ немъ, все должны мы сносить,— И сладкіе плоды и горькіе вкусить.

Ильмена.

Влекущій днесь меня къ великольпну сапу Мой случай бурному подобенъ океану: Свергаюсь въ ярости воюющихъ валовъ, Въ пучину страшную съ высокихъ береговъ.

Гостомыслъ.

Я жалость, какъ другой, Ильмена, ощущаю, Но помощи тебв уже не предвъщаю, Коль сердцемъ тотъ совътъ не можетъ обладать, Который я тебв стараюся подать. Ищи, любезна дочь, въ терпъніи успъха, Ищи: ты вся моя при старости утъха.

Ильмена.

Я думала сама, дражайшій отче мой, Что будеть завсегда теб'я веселье мной. И было такъ, но ахъ! то все перем'янилось: Веселье то теб'я въ бол'язни превратилось. О лютый день! о бракъ! несносный бракъ! о храмъ! Ахъ! Труворъ шествуетъ къ Ильменинымъ очамъ! явление ии.

Тѣ жъ и Труворъ.

Труворъ.

Жестоки времена! несносная премѣна! Я зрѣть тебя пришелъ въ послѣднія, Ильмена! И ахъ! въ послѣдній разъ прости тебѣ сказать.

Ильмена.

Увы!

Гостомыслъ Ильменъ.

Престань себя надеждою терзать: Не можешь отвратить суровство лютой части.

Ильмена Гостомыслу.

Когда ты мнв велвлъ, иду во всв напасти.

Труворъ Ильменв.

Уже готово все къ отъѣзду моему: Кони запряжены....

Гостомыслъ.

О небо! дай ему, За безпорочну жизнь мою во награжденье, Терпѣніе и силъ душевныхъ утвержденье!

Труворъ.

Въ уныніи моемъ уже спокойныхъ дней Не будетъ для меня, когда разстанусь съ ней... Но часъ уже пришелъ теряти все, въ чемъ таю, И все то, что ни есть, что въ жизни почитаю! Вотъ строгость мя твоя во что теперь ввела!

(Указывая на плачущую Ильмену).

И вотъ какую скорбь Ильменв подала.

Ильмена плача.

Терзай, судьба, терзай! умножься рока злоба! Гони изъ тъла духъ! отверзи двери гроба! Я, долгу слёдуя, мой отче, въ храмъ илу: Но ахъ! подъ бременемъ страстей своихъ паду. Могуща побъждать крови моей волненье, Какъ мив ни тягостно такое исполненье. Страданіе души стерплю, иль не стерплю, Безъ разсужденія ко браку приступлю. Безъ прекословія вдаюсь уже на жертву. Но если отъ того меня увидишь мертву, Воспомни ты тогда, что ты меня сразилъ. А ты, любезный князь, мий сталь толико миль, Коль склонность наша намъ была, увы! безплодна, И стала я тебъ къ смятенію угодна. Услышавь о своей драгой противну въсть, Невозмогущей сей разлуки злыя снесть, Что ужъ увянула она, какъ роза въ лѣтѣ, И что ужъ горести не терпитъ больше въ свътъ, Взпохни! но послъ ты порадуйся тому: Едина смерть - конецъ несчастью моему!

Труворъ.

Словами сими ты бользнь мою сугубишь: Живи, прекрасная, когда меня ты любишь! О томъ тебя прошу, а больше ни о чемъ.

(Гостомыслу).

По разлученіи съ Ильменою моемъ, Надежды, Гостомыслъ, въ тебѣ единомъ чаю: Тебѣ несчастную любовницу вручаю. Ты—ей отецъ: храни ты дочь; въ ней кровь твоя; Ты—другъ мнѣ: въ ней душа останется моя. Увѣщевай ее, напоминай всечасно, Чтобъ младости своей не тратила напрасно.

(ИльменЪ).

Ну! время ужъ пришло Ильмену покидать...

Ильмена въ слезахъ.

Кого мить болье во въки не видать!

Гостомыслъ, взявъ Трувора за руку. Не злобствуй на меня; ты мучиться судьбою! И разстаюся днесь я въ дружествъ съ тобою.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Труворъ и Ильмена. Ильмена.

Помедли здёсь... Чего я нынё дожила!
Ахъ! лучше бъ никогда я въ свётё не была!
Тебя ль лишаются твоей любезной взоры!
Дремучіе лёса и превысоки горы,
Широки озера и пустота степей
Закрыти отъ моихъ хотятъ тебя очей:
Закрюютъ, ежели закрыть они успёютъ,
Доколё члены, ахъ! мои не охладёютъ;
А въ сердцё ты моемъ по люгый будешь часъ,
Котораго себё желала я сто разъ;
Который насъ отсель на тё мёста преводитъ,
Отколё къ намъ никто обратно не приходитъ.
Но столько мнё тоски тотъ часъ не приключитъ,
Какъ сей, который насъ съ тобою разлучитъ.

Труворъ.

О небо! укрѣпи ея ослабшу силу
И ободри ея умъ томный, мысль унылу!
Дай многи лѣта жить ей, здравіе храня,
И проливай свой гнѣвъ на одного меня!
Послѣдующему зловреднѣйшей судьбинѣ,
Подай утѣху мнѣ, живущему въ пустынѣ,
Той славой, какъ она слухъ свѣту разнесеть,
Что красота твоя не вянетъ, но цвѣтетъ,
И что Ильмена тамъ, гдѣ царствомъ обладаетъ,
Изъ памяти меня еще не выкидаетъ.

Ильмена.

Ахъ, князь! какую ты услышать хочешь въсть! Возмогъ ли бъ ты сей слухъ безъ озлобленья снесть, Что я, лишась тебя, еще себѣ подобна? Къ невърности такой Ильмена неспособна.

Труворъ.

Когда отчаянно тобою мив пылать, Того единаго осталося желать, Чтобъ ты свою печаль помалу умвряла И не рвалась о томъ, что ввчно потеряла.

Ильмена.

Противно будетъ все любовницѣ твоей, Противенъ безъ тебя и градъ мнѣ будетъ сей, И вся сія страна, и домъ, гдѣ я рожденна, И воздухъ, коимъ я дышати принужденна!

Труворъ.

Воззрите, жители небесны, къ сей странѣ!

Ильмена.

Пошлите, небеса, скорфе смерть ко мив!

явление у.

Труворъ, Ильмена и пажъ.

Пажъ.

Итти ко алтарю....

Ильмена.

О злѣйшія минуты!

Труворъ.

О нестерпимый часъ!

Ильмена пажу.

Иду въ напасти люты.

(Пажъ отходить).

(Трувору).

Прости... и памятуй, какъ ты Ильменѣ милъ!

Воспоминай и ты, какъ я тебя любилъ! Бывало ли кому такое огорченье!

Ильмена.

Неизреченное всёхъ выше силъ мученье!... Прости!... сдержись мой духъ!

Труворъ.

Побудь еще ты здъсь!

Ильмена отходя.

О мой дражайшій князь!

Труворъ.

О какъ я бъденъ днесь!

явление уг.

Труворъ одинъ.

Въ глазахъ монхъ, увы! свътъ солнечный темнъетъ, Хладветъ кровь моя, и сердце каменветъ, Трепещетъ духъ во мив, вздымаются власы. О рокъ! о грозный рокъ! о бъдственны часы! На что, природа, ты меня производила! Къ чему ты грудь сію, Ильмена, поб'єдила! Уже не буду я тебя, драгая, зръть... О время! о судьба! возможно ль то стерпъть! Не царствуеть, Синавъ, ты варварство здесь вводишь: Прежесточайшихъ ты тирановъ превосходишь! Войдемъ еще, войдемъ во храмину ея.... Къ чему отчаянна стремится мысль твоя? Еще ль любезную ты хочешь востревожить, Или свою тоску стараешься умножить? Къ Синаву ты поди и, что онъ братъ, забудь: Поди и мечъ вонзи въ мучителеву грудь.... Что жъ будутъ говорить страны сія народы!... Пренебрегай молву... но слышу гласъ природы: Постой, куда тебя отмщеніе влечеть! Не варварска въ тебъ, геройска кровь течетъ. Руки моей къ тому не допустите, боги!

О Труворъ! покидай несчастные чертоги! И, къ усмиренію бунтующей души, Спѣши изъ града вонъ, спѣши, скорѣй спѣши, Когда толикая разитъ твой духъ премѣна! А ты прости на вѣкъ, дражайшая Ильмена!

дъйствіе пятое.

явление 1.

Гостомыслъ одинъ.

Наполненъ нашъ животъ премножествомъ суетъ. Но что я въ свъть семъ? одушевленный цвътъ: Не долго время я въ сей жизни пребываю; Едва рождаюся, уже и истлъваю: Предъ всею въчностью льтъ осмьдесятъ иль сто-Одна минута, мигъ, или совсъмъ ничто. Докол'й существо въ насъ живность ощущаетъ, Къ познанію себя прійти не допущаетъ. Въ невъжествъ своемъ имъть премудрость минмъ И, въ самолюбін, безумство ею чтимъ. Не дологъ смертныхъ въкъ, печалей въ немъ премного: Благополучіе-мечта, несчастье строго; Прошедше время въ въкъ не возвратится къ намъ; Которо есть, то-лишь единый мигь очамъ; Котораго мы ждемъ, тъмъ мы не обладаемъ, И, можетъ быть, его напрасно ожидаемъ; НЪтъ счастья на земли-на небесахъ оно: Оставлено богамъ и смертнымъ не дано. Дано, но мы его страстями разрушаемъ, Другъ друга общаго спокойствія лишаемъ. Гдв только человвкъ печется о себв, Жилища тамо нътъ, о истина, тебъ!

явление и.

Гостомыслъ и Ильмена.

Ильмена.

Сраженная твоимъ родительскимъ уставомъ, Въ супружество уже вступила я съ Спнавомъ. Исполнила ли я, чѣмъ дочь отцу должна? Разстаться съ Труворомъ, Спнаву я жена.

явление ии.

Тѣ жъ и вѣстникъ. Ильмена.

Иль Трувора еще печальный градъ вмѣщаетъ?... Но что смущенный твой намъ образъ возвѣщаетъ?

Въстникъ Ильменъ.

Услышать въсть тебъ потребно много силъ.

Ильмена.

Вѣшай!... О бѣлная!...

Въстникъ.

Кто толь тебь быль миль...

Ильмена.

Увы!

Гостомыслъ.

Что сталось съ нимъ?

Въстникъ.

Съ мученіемъ сердечнымъ Князь Труворъ затворилъ глаза свои сномъ вѣчнымъ.

Ильмена.

Судьба! вошла тобой на самый верхъ я бѣдъ! Свершилась часть моя, и Трувора ужъ нѣтъ! Жаръ нѣжныя любви злой смертью увѣнчался!

(Вѣстнику).

Какимъ ударомъ мой любезный князь скончался? Скажи.

Гостомыслъ.

Къ чему о томъ ты хочешь вопрошать?

Ильмена.

Хочу мученіемъ я душу утішать.

Гостомыслъ.

Для имени боговъ...

Ильмена.

Противна имъ измѣна.

Страдай, плати любовь, о върная Ильмена! (Гостомыслу).

Довольно принуждаль ты сердце, ахъ! мое: Дай волю мнъ.

(Вфетнику).

Вѣщай плачевно бытіе.

Въстникъ.

Съ плачевной мыслію онъ городъ сей оставилъ И въ путь по Волховскимъ брегамъ стопы направилъ. Въ молчаніи его одинъ былъ слышенъ стонъ, Который испускаль безперестанно онъ. Какъ слезы онъ держать въ очахъ ни порывался, Но изъ очей его токъ слезный проливался. Не сей имъль онъ зракъ, который прежде цвълъ: Перемвнялся видь, и зракъ его бледнель. Тяжелыя въ груди дыханія спирались, Вздымалась грудь его, и губы запекались. Какъ съ версту мы пути отъбхали за градъ, Со колесницы сшедъ, онъ очи взвелъ назадъ, И жалостно взглянувъ на отдаленно зданье, Гдв суетно питаль онь страстно ожиданье: Уже по самый гробъ разстался я съ тобой, О градъ! онъ рекъ, о градъ! гдв духъ остался мой, Жилище, гдв моя любезная стонаетъ

И о любовникъ безъ пользы вспоминаетъ: Въ тебъ я мужеству хотълъ сыскать успъхъ,-Сыскаль: но что потомь? лишился всёхъ утёхъ, Которыя моей ты младости представилъ. Ахъ! что въ тебъ я, что, любезный градъ, оставилъ! А ты, гдф озеро ни будеть глашено, Которо именемъ драгимъ украшено, Повсюду возвѣщай мою несносну муку И именемъ своимъ тверди мою разлуку; Тверди и то, что я для той, кого любилъ, Близъ устья Волхова въ себя сей мечъ вонзилъ... Едва сін слова лишь только излетьли, Мечъ былъ въ груди его: мы токъ кровавый зръли. Онъ палъ къ намъ въ руки, мы жельзо извлекли. Багряныя струи стремительно текли. Я рану захватиль илаткомь своей рукою. Князь стражь говориль: теперь иду къ покою. Коль то, что зрите вы, мив ставите въ напасть, Синавова ее содълала миъ страсть. А ты, сказаль онъ мнв, меня зря въ части слезной, По возвращеніи, скажи моей любезной, Чтобъ плакала о томъ умъренно она, Что скрылась отъ меня послёдняя луна; Что день, день Труворовъ, тьмой въчной поразился, И солнца для меня лучъ въчно погрузился. Прости, Ильмена, рекъ, по смерть я въренъ былъ И, испуская духъ, тебя не позабылъ. Прости... при словъ семъ не стало больше мочи: Оставилъ тъло духъ, и затворились очи.

Ильмена.

Онъ чаялъ при концѣ, что я на тронъ всхожу, А я, кончаяся, на смерть его гляжу!...

Гостомыслъ.

Кончаяся?... на что ты смерть воображаешь?

Ильмена.

Ты самъ меня, ты самъ сей смертью поражаешь. Не льстися больше твмъ, чтобъ полго я жила: Преходить время то, въ которо я была. Отверста въчность мив: иду... куда?... не знаю... Страшусь... дрожу... на что дорогу препинаю! Пускай разрушится и жизнь, и существо: Мя въ нову изведетъ природу Божество. И преселюсь изъ мъстъ, которыхъ ненавижу, Туда, гдв либо я и Трувора увижу. Мив боги подадуть иное бытіе И человъчество возобновять мое. Они-всесильны, имъ въ природъ все возможно, И упованіе Ильменино не ложно. Но чемъ уверюсь я, что буду зреть того, Кто завсь съ родителемъ милве мив всего? Иль въ смерти смертные другъ друга не забудутъ, И страсти волновать, какъ здёсь, и тамо будуть? Того не можетъ быть, какъ тотъ настанетъ въкъ, Чтобъ быль съ собой во всемъ тамъ сходенъ человъкъ. Тамъ воля разуму престанетъ быть преслушна, Сердца тамъ твердыя, и мысль великодушна. А если болве не будеть тамъ страстей, Такъ я не буду, князь, любовницей твоей. О тайна! отъ ума ты скрыта намъ богами И въ непостижности оставлена судьбами.

Гостомыслъ.

Къ чему ты, дщерь моя, приводищь то на умъ? Освободи себя отъ тяжкихъ оныхъ думъ; Ты ими мучишься и растравляещь рану.

Ильмена.

Я скоро, отче мой, отъ нихъ свободна стану; Уже приближилась ко гробу я стеня; Когда скончаюся, воспоминай меня. Не знаешь, близко ль часъ съ тобой моей разлуки, И не въ послъднія ль твои цълую руки.

Гостомыслъ обнявъ Ильмену.

О дщерь моя! престань смущати духъ отцовъ!

Ильмена.

Смущение легко бываемо отъ словъ: Увидя действіе, смятется духъ твой боль. Не будеть дочери ты зръти на престолъ. Возлюбленна душа драгого моего! Коль свътъ присутствія лишился твоего, Въ очахъ моихъ онъ пустъ и взору непріятенъ. О Труворъ! если гласъ живущихъ мертвымъ внятенъ, И можетъ грусть моя проникнути твой сонъ, Внемли, хотя въ мечтъ, сей жалобный мой стонъ И утвеняемой немилосерднымъ рокомъ Оставь мою вину, —что въ случав жестокомъ Выла принуждена Ильмена изм'внить!... Льзя ль, боги, должностью свирипство извинить! Прежалостная твнь! о твнь окровавленна! Познай, какъ грудь моя тобою уязвленна! Познай, мой князь, тоску, въ которой стражду я, И жертву, кою дастъ тебъ любовь моя! Кого отъемлень ты, о строга добродътель! А ты, который быль конца его свидътель, И-какъ былъ въренъ онъ возлюбленной своей, Свидътелемъ теперь будь смерти и моей! (Закололась).

Гостомыслъ.

Я больше смертнаго себя превозмогаю: Къ великодушію лишь только прибъгаю!

явление послъднее.

Гостомысль, Синавь и воины.

Синавъ.

Мой другъ! извъстенъ ли о братъ ты моемъ? Гостомыслъ.

Извъстенъ, государь, извъстенъ я о всемъ.

Синавъ.

Я страсть любовную, но вредну мнѣ и люту, Конечно, получилъ въ несчастнѣйшу минуту. Я тщился Трувора на время удалить, Чтобъ только ихъ любовь кипящу утолить. Но вымыселъ судьба любови претворила, Которая меня безумству покорила. А то безумство мнѣ пріятно и теперь; Люблю, какъ душу, я твою прекрасну дщерь, И, въ сей тоскѣ, она въ умѣ моемъ летаетъ; Наполненъ ею умъ, и сердце ею таетъ: Прелестнѣе всего она на свѣтѣ мнѣ. Но какъ передъ нея предстану въ сей винѣ? О коль несчастливъ я!

Гостомыслъ.

Хоть горько ты стонаешь, Но всёхъ еще своихъ несчастій ты не знаешь.

Синавъ.

Скажи, какой еще Синавъ разимъ судьбой?

Гостомыслъ.

Ильмена навсегда разсталася съ тобой.

Синавъ.

Разсталась навсегда?

Гостомыслъ.

Взгляни на токъ сей кровной И сотвори конецъ ты мысли днесь любовной! . Се кровь Ильменина.

Синавъ.

Скончалась дочь твоя!

Тутъ вышелъ предо мной изъ тѣла духъ ел,— Кинжаломъ жизни здѣсь она себя лишила.

Синавъ.

Уже ты все теперь, судьбина, совершила, Ты всв свирвности явиль, о рокъ! на мив: Представиль ты меня тираномъ сей странъ И злѣйшей фуріей, изверженной изъ ада. Я брату недругъ сталъ, изгналъ его изъ града, Смутилъ его весь умъ, низвергъ его во гробъ, И, къ умноженію творимыхъ мною злобъ, Какихъ и дикіе въ лѣсахъ не знають звѣри, Лишилъ, при старости, отца любезной дщери, Героя, коимъ градъ сей бъдства окончалъ И кто Синава здъсь короною вънчалъ; Безъ пользы мучилъ духъ красавицы дражайшей, Горчайту сдёлаль жизнь изъ жизни ей сладчайтей И отъ пріятнъйшихъ Ильмениныхъ очей На въки отлучилъ свъть солнечныхъ лучей... Покоясь, учинивъ конецъ своей судьбинъ, О коль пресчастливы, любовники, вы нынъ! Васъ весь жалбетъ градъ, оплакивая васъ, А я сталь мерзостью народною въ сей часъ; Злодвиски жалобы съ раскаяньемъ безплоднымъ Безъ жалости уже текутъ къ сердиамъ народнымъ. О жесточайша часть! о солнце! небеса! Какого дождался, о боги, я часа!

Гостомыслъ.

Тираномъ, государь, назвать тебя не можно. А что несчастливъ ты, несчастливъ ты не ложно. Но ужъ не пользуетъ стенаніе тебѣ: Ищи ты крѣпости и мужества въ себѣ.

Синавъ.

Не ты кинжаломъ грудь прекрасную пронзила,—
Моя рука тебя, моя рука сразила!

Ильмена! отпусти ты мнё мою вину:

Кляну злодёйствіе, но поздно ужъ кляну!
О сердце варварско! ты паче мёры злобно!

Коль страсти истребить мнё было неудобно,
Не могъ ли своего я кончить живота?

Увяла молодость, увяла красота,
Закрылись очи тё, которы кровь палили,
Которы мучили меня и веселили.

Чего жъ я жду! пойдемъ въ тьму вёчную за ней!...

(Вынимаетъ шпагу, но Гостомыслъ съ воннами вырываютъ шпагу изъ рукъ его).

О продолжители злой горести моей! Вы отняли мой мечь, въ немъ вся моя отрада: Жить больше не хочу, отставъ любезна взгляда. (Падаетъ въ кресла).

Туманъ отъ глазъ монхъ скрываетъ солнца свѣтъ....
Ужъ нѣтъ ни Трувора, ни, ахъ! Ильмены нѣтъ....
Моя киняща кровь на сердцѣ замерзаетъ....
Или въ сей страшный день вселенна исчезаетъ!...
Проникли темноту лучи, сокрыта мгла,
Природа небесамъ цвѣтъ прежній отдала....
Но что вы, воины, вокругъ меня дрожите!
Куда отселѣ всѣ, куда вы прочь бѣжите?
Печальный Новградъ, ты разсѣянъ нынѣ весь.
О чемъ любезная Ильмена плачетъ днесь....
Но кто, поверженный, тамъ очи къ небу мещетъ?

Какой несчастливый въ крови своей трепещетъ?... Едва, едва дыша томится человѣкъ.... То—Труворъ, братъ мой—то... ахъ, онъ кончаетъ вѣкъ! Прости, любезный братъ!... сіе все мной творимо.

(Возстаетъ).

О солнце! для чего еще ты мною зримо! Разлей свои валы, о Волховъ! на брега, Гдѣ Труворъ пораженъ отъ брата и врага, И шумнымъ стономъ водъ вѣщай вину Синава, Которой навсегда его затмилась слава! Чертоги, гдѣ лила свою Ильмена кровь, Падите на меня, отмстите злу любовь! Карай мя, небо,—я погибель въ даръ пріемлю,— Рази, губи, греми, бросай огонь на землю!...

Ш. ОПЕКУНЪ').

комедія въ одномъ дъйствіи.

дъйствующія лица:

Чужехвать, дворянинь.

Сострата, дворянская дочь.

Валерій, любовникъ Состратинъ.

Ниса, дворянка и служанка Чужехватова.

Сокретарь.

Соллаты.

Пасквинъ, слуга Чужехватовъ.

Палемонъ, другъ покойнаго отца
Валеріева.

Секретаръ.

Дѣйствіе въ Санктпетербургь.

дъйствіе первое.

явление і.

Пасквинъ (одинъ). Нѣтъ, ради всѣхъ сокровищей свѣта не остануся я больше въ этомъ поганомъ домѣ. Подлинно

^{&#}x27;) Комедія "Опекунъ", по внутренней силѣ, по горечи, которая излилась въ нѣкоторыхъ сценахъ ея, значительнѣе всѣхъ остальныхъ комедій Сумарокова. Преслѣдуя порокъ въ обществѣ, авторъ имѣлъ несчастіе въ своемъ семействѣ найти чудовищный типъ зятя-вдовца, изображенный имъ въ лицѣ Чужехватова. Вотъ какъ рисуетъ авторъ черты его въ прошеніи, поданномъ имъ императрицѣ, вскорѣ послѣ смерти его отца: "Человѣкъ праздный, прибыткожадный, не просвѣщенный п, кромѣ часовника, съ роду ничего не читавшій, и, кромѣ сребролюбія, ни о Богѣ, ни о прямой дорогѣ не имущій понятія; ростовщикъ, онъ беретъ по десяти рублей со ста и еще по два рубля въ ящикъ собираетъ на жалованье своимъ людямъ, которыхъ онъ почти и не кормитъ, приказывая имъ пищу добивать самимъ; дрокь имъ не даетъ, приказывая, чтобы они дрова сами на Москвѣ-рѣкѣ добывали, слѣдственно приказываетъ онъ имъ дрова крастъ. Жалости и

это правда, что каковъ попъ, таковъ и приходъ. И можетъ ли это быти, чтобы господинъ былъ бездѣльникъ, а слуги бы у него были добрые люди? Всего меня обокрали, а напослѣдокъ украли съ меня и крестъ. Конечно, это кто-нибудь по обѣщанію подтяпалъ. Прости, Сострата! прости, моя возлюбленная Ниса! пришло васъ покидать, хотя и не хочется. Здѣшніе воры такъ хитры, что они и душу у человѣка украсть могутъ; надобно отселѣ выйти, доколѣ я живъ, а послѣ будетъ поздно; потому что у тѣла, въ которомъ нѣтъ души, ноги болѣе не ходятъ.

явленіе іі.

Сострата, Ниса и Пасквинъ.

Сострата. Что ты здёсь одинъ поговариваешь? Пасквинъ. А поговариваю я то, что я во здёшнемъ дом'в больше служить не намёренъ.

человеколюбія вы немы неть никакого; обыкновенное наименованіе людямь: "вы мон злоден". Брату моему, а своему шурину, даль онъ сто рублей взаймы, взявъ и крепость и закладъ втрое, и вычелъ напередъ проценты, имъл болъе ста тысячь денегь. У III. отняль онъ деревню только потому, что подъячій описался, и владёль ею тридцать лёть, о чемъ меня при покойной государынъ спрашивали. Науки онъ называетъ календаремъ, стихотворство лихою болъстью; воспитательный домъ-непристойнымъ именемъ, и особливо ради того, что оный домъ ствиа объ ствиу съ нимъ. Носить всегда четки, по которымъ онъ молится, считаетъ деньги и бьеть ими слугь, и у него только четыре наказанія: четками, подъ бока кулаками, кошками и въчныя кандалы. Качествъ его — ни телесныхъ, ни душевныхъ — описать нельзя; видь его есть верное зеркало души". Желая выставить такую личность въ смешномъ виде, авторъ доводить свое описаніе до карикатурности, что не противорічило тогдашнему понятію о комедін. Бичуя грубое ханжество своего героя, оскорбительное для истинно религіознаго человіка, авторъ часто касается различныхъ побочныхъ обстоятельствъ, раздражавшихъ его, и при случав высказываетъ свои многольтнія наблюденія надъ современной ему жизнью (ІІ-е явл., рфчь Пасквина). Мщеніе со стороны зятя, узнавшаго себя въ Чужехвать, причинило вноследствін немало горя поэту и побудило его обратиться непосредственно къ государынъ.

Нисл. А для чего?

Пасквинъ. А для того, что здёшніе люди, обокравъ меня всего, украли нынёшнею ночью съ меня и крестъ.

Сострата. Какой онъ былъ и великъ ли?

Пасквинъ. Маленькой и золотой.

Сострата. Такъ я тебъ дамъ золотой и большой.

Пасквинъ. На немъ же было вырѣзано мое имя и годъ, и день моего рожденія.

Сострата. И я это велю выразать и Пасквиново имя.

Пасквинъ. Это не прямое мое имя.

Сострата. Какъ же?

Пасквинъ. Прямое мнѣ имя—Валеріанъ, потому что такъ на крестѣ у меня вырѣзано.

Сострата. Слышишь ли, Ниса? Такъ это и очень походить на правду, а я этого и не разсмотръла.

Пасквинъ. Я съ роду не лгалъ, и что крестъ у меня украли, это правда, какъ и то правда, что я Валеріанъ, а не Пасквинъ. А тебѣ гдѣ было это видѣти? вѣдь ты моего креста не видала.

Сострата. Какъ же тебъ имя-то перемънили?

Пасквинъ. Нравъ перемѣнити у человѣка трудно, а имя легко. Я зналъ людей, которыхъ подъячими называли; послѣ дали имъ имена Регистраторовъ, послѣ Секретарями называти стали, а потомъ Судьями; имена имъ даваны новыя, а нравы у нихъ осталися прежнія. А что я и Валеріанъ, и Пасквинъ, такъ это можетъ быть ради того, что я двойнишникъ. Да пускай я отъ отца и не два имѣю имени, и дано мнѣ другое имя послѣ, однако я тотъ же, и нравъ у меня тотъ же—безъ бесѣды и понынѣ быть не могу, по пословицѣ: каковъ въ колыбельку, таковъ и въ могилку. Нравъ очень рѣдко перемѣняется: слуги здѣшняго дома воры были, воры и впредь будутъ.

Сострата. Слышишь ли, Ниса? Онъ и Валеріанъ, и двойнишникъ.

Пасквинъ. Да у него же и крестъ украли.

Сострата. Я тебѣ уже сказала, что я тебѣ, вмѣсто украденнаго креста, другой дамъй.

Пасквинъ. Отъ того креста зависѣло все мое благополучіе, а отъ этого оно зависѣть не будетъ.

Ниса. Какъ это?

Пасквинъ. Мнѣ сказалъ хиромантикъ то, что я по тому кресту счастливъ быть могу.

Сострата (Нисъ). Вотъ и это правдою пахнетъ. (Пасквину). Только это не хиромантикъ былъ.

Пасквинъ. Конечно, хиромантикъ; почему это знати другому? А ежели вы этому не върите, такъ я вамъ его укажу и еще засвидътельствую имъ самимъ: а я его иногда и во здъшнемъ видаю домъ. Онъ у батюшки твоего бываетъ, и онъ-то меня ему во услужение и препоручилъ, подговоривъменя у хозяина, у котораго я въ домъ выросъ.

Сострата. (Hucn). Я думаю, что все это д \dot{b} ло сегодня же развяжется.

Пасквинъ. Трудно развязаться; воры здёшняго дому очень хитры, и таковы же въ этомъ хитры, какъ имъ господинъ; у другихъ сыщутъ они и чужое все, а у нихъ ничего не сыщешь и своего собственнаго. Это они у ябедниковъ переняли. А я въ здёшнемъ домѣ жить больше не хочу.

Сострата. Я прошу тебя, чтобы ты еще здёсь побылъ.

Ниса. И я тебя прошу.

Пасквинъ. Да ежели бы я въдалъ то, что будешь ты за Валеріемъ, а ты за мной, такъ бы я на это согласился.

Сострата. Погоди только.

Нисл. Только погоди.

Пасквинъ. Какъ ни годи, только тебѣ не бывать за мною, а тебѣ за Валеріемъ.

Сострата. Погоди только.

Нисл. Только погоди.

Пасквинъ (Сострать). Дай же мнѣ во увѣреніе поцѣловать ручку. (Сострата даеть ему руку). (Нись). А ты во увѣреніе поцѣлуй меня. Ниса. Погоди немного.

Пасквинъ. Что это у тебя за пословица: погоди да погоди, да и госпожу-то этому же научила; конечно, ты подъяческая дочь?

Ниса. Вотъ тебъ во увъреніе рука моя: ее поцълуй.

Пасквинъ (ињијетъ руку и потомъ) Ну, я погожу; а что будетъ, увидимъ.

явленіе ІІІ.

Сострата и Ниса.

Сострата. Вотъ, Ниса, не выходитъ ли чаяние мое истиною?

Нисл. Да пожалуй растолкуй мив это все подробно.

Сострата. Выслушай. Этотъ безпъльникъ, у котораго мы нынь имвемъ несчастие жити въ помв, какъ былъ помоложе, казался побрымъ человъкомъ и хитростію своею всѣ свои плутни преобращаль въ добродътель, и вкрался въ сердца многихъ. Притворство у несовершенно проникающихъ людей и у тіхъ, которые о всемъ по своимъ сердцамъ разсуждають, болже нагой добродътели имъетъ успъха; потому что добродътель ръдко хитростію укрыпляется, хотя нагая добродьтель отъ того часто и вредна бываетъ, и следственно тогда и она нѣсколько, а иногда и гораздо порочна. Батюшка мой по смерти поручилъ меня этому злодъю, а я и при всемъ моемъ достаткъ претерпъваю нынъ нужду. Твой батюшка быль хотя и скудный человъкъ, однако дворянинъ; а ты поручена по смерти отъ него этому плуту нынъ служанкою въ домъ. Такимъ же образомъ, какъ мы, поручены ему Валерій и брать его. Валерій отдань быль по счастью на воспитаніе пріятелю отца своего, человіку разумному и богатому, послѣ котораго получилъ онъ и наслѣдство, а о Валеріан в слухъ носится, что онъ украденъ: намнясь какъ были мы въ день Валеріева рожденія у него, такъ онъ разсказываль то, что онъ двойнишникъ, и что выръзано на крестъ у него, когда онъ родился, въ доказательство, сколько ему лътъ, и что такая върная записка старымъ женшинамъ, которыя молодятся и кокетствують, убавляя себъ безстыднымъ образомъ лътъ по десятку, закрывая морщины бълилами и румянами, конечно, не была бъ угодна, и что такой же кресть надёть и на брата его, который съ нимъ родился. А я нынъ нечаянно увидала у Пасквина этакой крестъ и нарочно отръзала его у него ночью, отчасти подумавъ: не братъ ли уже онъ его, потому что отъ Чужехвата всякаго безпъльства надъяться можно; а теперь это пъло уже не на издівку походить. И хотя я и не посмотрівла. что на его крестѣ вырѣзано, не важнымъ еще почевъ это пъло, па только малое сомнъние имъвъ. Однако сказалъ уже Пасквинъ то, что на крестъ его выръзано; и ежели этотъ не ему крестъ надлежитъ, такъ конечно онъ получилъ его отъ того, кому онъ отъ Валеріана достался, будучи маленькой: а отъ этого о смерти Валеріановой великое полается сомниніе. Надобно это діло поразвідать. Я объ этомъ поговорю съ Валеріемъ, а между тімъ посмотрю, то ли выріззано на кресть, что и у Валерія, тотъ ли годъ и число, и не по наслышкъ ли о Валеріанъ Пасквинъ это наговорилъ.

Ниса. Что же бы за прибыль была въ этомъ нашему Чужехвату, чтобы брата Валеріева не было?

Сострата. Та прибыль ему, чтобы, потерявь его, овладѣть его наслѣдствомъ; а въ завѣщаніи написано, что ежели кто изъ братьевъ у нихъ умретъ, такъ наслѣдникъ—онъ по нихъ за воспитаніе и труды.

Ниса. Для чего же къ этому выбралъ онъ одного Валеріана?

Сострата. Валерія видно оставиль онъ ради того, что очень бы уже подозрительно было обоихъ потерять младенцевъ колыбельныхъ, а изъ двухъ ихъ палъ видно жребій на меньшого.

Нисл. Къ изрядному попалися мы душеприкащику!

явление і ..

Тѣ же и Чужехвать.

Чужехватъ. Мерзкія, негодныя, плюгавыя, скаредныя! долго ли мит васъ учить? Я думаю, что мит отъ васъ до гробовой доски покою не будетъ!

Сострата. Что такое сдёлалось?

Чужехватъ. У Пасквина крестъ украли, а онъ жалуется да изъ дому вонъ хочетъ.

Сострата. Кража та, сударь, обыкновенное здёсь ремесло, и, кажется, можно уже вамъ привыкнуть къ этому здёшнихъ людей бездёльству и поменьше гнёваться.

Чужехвать. Не о томъ дело, что они крадуть; пускай бы крали, не касаяся господскому и не у своихъ, такъ бы въ домѣ по-маленьку прибавлялось; а у своего украсти, такъ это изъ кармана въ карманъ перекладывать, да шумъ двлать, а мий безпокойство. Пускай бы крали: кто безъ гриха и кто бабъ не внукъ. А хотя бы по слабости что и у своихъ товарищей тихонько взять, да надобно концы хоронити, чтобы не подумали, что свой взяль. Тому-то я ихъ учу; да дурака хотя въкъ учи, такъ не научишь. А объ этомъ говорю ли я, чтобы не крали. Въдь они не на каторгъ; для чего у нихъ волю отнимать? Кража-не великая вина, потому что она страсть, общая слабости человвческой. Мошна-двло первое на свътъ; пуста мошна, пуста и голова. Давать ради Христа спасительное, нежели просить ради Христа. Честь да честь! какая честь, коли нечего фсть? До чести ли тогда, когда брюхо пусто? Пуста мошна, пусто и брюхо.

Сострата. Изрядное нравоученіе!

Чужехвать. Конечно, изрядное. Такъ лучше по твоему поступать нравоученію? Намнясь виділь я, какъ честныйто по-вашему и безчестный, а по-моему разумный и безумный, принималися. Безчестный-ать по-вашему прібхаль,—такъ ему стуль, да еще въ хорошенькомъ домі: все ли въ добромъ здоровью? Какова твоя хозяюшка? Дітки? Что такъ

запалъ? Ни къ намъ не жалуешь, ни къ себѣ не зовешь? А всѣ вѣдаютъ то, что онъ чужимъ и неправеднымъ разжился. А честнаго-то человѣка дѣтки пришли милостыни просить, которыхъ отецъ ѣздилъ до Китайчетава царства и былъ во Камчатномъ государствѣ, и объ этомъ государствѣ написалъ повѣсть; однако сказку-то его читаютъ, а дѣтки-то его ходятъ по міру; а у дочекъ-то его крашенинныя бостроки, да и тѣ въ заплатахъ; даромъ-то, что отецъ ихъ во Камчатномъ былъ государствѣ, и для того-то, что онѣ въ крашенинномъ таскаются платъѣ, называютъ ихъ крашенинкиными¹).

Сострата. А ежели бы это дошло до двора, такъ, можетъ быть, чтобъ такихъ людей дѣти по міру таскаться и перестали.

Чужехватъ. А когда у кого что свое есть, такъ ему нѣтъ нужды, знаетъ ли о немъ дворъ, или нѣтъ. Щей горшокъ, да самъ большой; а горшокъ-атъ равно варитъ, хотя купленый, хотя краденый. (Оборотясь къ Hucn) Такъ-то, Нисанька! да что ты задумалась!

Нисл. Я о тебъ, сударь, думаю.

Чужехвать. Что такое?

Ниса. Я, сударь, не см'бю этого выговорить.

Чужехватъ. Говори, нѣтъ ничего: брань на вороту не виснетъ.

Ниса. Мив думается, что ты разбойникъ, и что тебъ быть повъшену.

Чужехватъ. Туда и дорога; а что пожито сладко, такъ то мое, по присловицъ: что взято, то свято; а эта присловица

¹⁾ Намекъ на положеніе несчастныхъ дѣтей профессора Крашенинникова, который первый совершиль ученое путешествіе въ Камчатку и оставиль ея описаніе, вмѣстѣ съ другими сочиненіями и переводами. Истомивь въ трудахъ свои силы, онъ умеръ въ лучшую пору жизни, оставивъ дѣтей нищими. Благодаря этому намеку нашего драматурга, графъ А. С. Строгановъ доложилъ государынѣ о положеніи несчастныхъ спротъ, и участь ихъ была обезпечена.

законная и въ приказахъ наблюдалася ненарушимо, развѣ нынѣ по новому уложенью отставится.

Нисл. А душа та куда? Во адъ?

Чужехвать. На что заранве мучить себя; и тогда спастися можно, когда петлю накидывать стануть. Да въ томъ я полно и виненъ ли, что плутую? Потому что безъ воли Божіей ничего не дѣлается, и не спадеть со главы человѣческой волосъ безъ воли Божіей; такъ я плутую по волѣ Божіей, по пословицѣ: что ежели бы не Богъ, такъ бы кто мнѣ помогъ.

Сострата. Богъ плутамъ не помогаетъ и далъ человѣку волю избирати доброе и худое, за одно обѣщая воздаяніе, а за другое грозя наказаніемъ. А кто противу совѣсти своей святой не повинуется истинѣ, такъ тотъ суетно уповаетъ на милость Божескую.

Чужехватъ. Святая истина! что это у тебя за святая? Ее и во святцахъ нътъ, такъ мы ей не молимся. А покаяние всъ гръхи очищаетъ; покаюся часа за два до смерти, да въ тъ же войду въ царство небесное ворота, въ которыя и вы: а что пожито послаще и жито, какъ хотълося, такъ то въ барышахъ.

Сострата. Что вамъ это сделалося, что вы такъ безстыдны стали подъ старость? Ужъ и я знаю, что вы не таковы были: а прежде сего всё васъ почитали добрымъ человежомъ, какъ я слышала. Ради чего вы прежде притворялися и старалися добрымъ казаться человежомъ?

Чужехвать. Слыхала ли ты повёсть о нёкоемъ попё Римскомъ?

Сострата. Неть, сударь.

Чужехвать. Ты, Нисанька, слыхала ли?

Ниса. Я, сударь, эдакихъ повъстей не слушаю.

Чужехвать. Будешь же ты въ раю.

Нисл. А для чего же не быть? Развѣ мое спасеніе отъ того зависить?

Чужехватъ. Какъ же не отъ того; въдь Богъ гръш-

ника безъ попа простить не можетъ; а вѣдь и ты не безъ грѣха-то таки. Ты же дѣвушка молоденькая, такъ хотя не дѣломъ, инъ мыслію согрѣшишь; единъ Богъ безъ грѣха, а мы всѣ грѣшники.

Ниса. Всв грвшники, сударь, да не всв бездвльники.

Чужехватъ. Всѣ бездѣльники, отъ нихъ же первый есмь азъ.

Нисл. Конечно, ради того, чтобы тебѣ это слово чисто-сердечные выговаривать.

Чужехватъ. Такъ таки, Нисанька. А повъсти о попахъ читай; они гръхи прощаютъ.

Сострата. Они прощають именемъ Божіимъ, а не своимъ; а они только свидътели.

Чужехватъ. Такъ вотъ, Нисанька, не всё ли мы бездёльники? И самъ Богъ намъ безъ свидётелей не вёритъ.

Ниса. Я, сударь, богословію не училась.

Чужехватъ. Однако священниковъ-то не презирай.

Нисл. Я и такъ ихъ не презираю.

Сострата. Изъ чего вы это заключаете? Къ духовнымъ добрый человъкъ долженъ имъти почтеніе; потому что они научають насъ добродътели и собою примъры показываютъ. А презрънны изъ нихъ только тъ, которые этого недостойны имени.

Чужехвать. Что ты говоришь? Духовные презрѣнны?

Сострата. Да, сударь, и не только духовные, и государи тв презрвны, которые этого титла недостойны. Одни заключають намъ пути ко временному благополучію, а другіе—къ ввиному. Одни за мальйшія слабости людей казнять, а другіе проклинають и, разными образами отъемля свободу, отягощають естество человыческое. А это мое толкованіе ни правосуднымъ государямъ, ни добронравнымъ духовнымъ не можеть быть противно.

Чужехватъ. Вотъ, коли бы я тебя не велѣлъ учить, такъ бы ты эдакой наглости не имѣла и эдакого бы вздору не молола. Не о томъ дѣло, слыхала ли ты о поиѣ-то Римскомъ?

Сострата. Я вамъ уже сказывала, что не слыхала.

Чужехвать. Въ Римскомъ царствѣ, у соборной церкви, быль попъ, здоровый человѣкъ, а ходилъ завсегда скорчася, чтобы смиреннѣе казался, и чтобы за такое смиреніе сдѣлали его поскорѣе ключаремъ, потому что это мѣсто тамъ доходно, а молодыхъ людей туда не избираютъ, не вѣдаю ради чего; а какъ его только выбрали, такъ онъ тотчасъ и разогнулся и сталъ такъ бодръ, какъ ты, говоря причетникамъ церковнымъ, которые его спрашивали, что ему вдругъ за причина дала здоровье: я ради того ходилъ нагнувшися, что искалъ тогда ключа къ церкви, а теперь на что мнѣ корчиться и въ землю смотрѣть: ключъ этотъ я уже сыскалъ.

Сострата. Это разсказывають о Сикств пятомъ.

Чужехвать. Въ томъ нѣтъ нужды—о пятомъ или о десятомъ.

Сострата. Да къ чему вы эту исторію привязываете?

Чужехвать. Къ тому-то, что я ради того лицемфриль прежде, чтобы мнъ върили и не мъшали разживаться. А теперь я уже доволень, такъ на что мнъ честное имя?

явление у.

Тѣ же и Пасквинъ.

Пасквинъ. Валерій пришель, сударыня, къ тебъ.

Чужехвать. Напрасно онъ суетится; не видать его ей мужемъ, какъ ушей своихъ.

Сострата. Я хотя въ зеркалѣ увижу ихъ. (Отходить). Чужехватъ. А ты, Нисанька, куда?

Ниса. Куда люди, туда и я.

Чужехватъ. Нетъ, останься; я съ тобой о некоторой поговорю нужде.

явление уг.

Чужехвать и Ниса.

Ниса. Что это, сударь, за нужда?

Чужехватъ. Ты знаешь, Нисанька, съ какимъ я тебя возрастилъ попеченіемъ?

Нисл. Да, сударь, я въ вашемъ выросла домѣ. Да къ чему это предисловіе?

Чужехватъ. А къ тому-то оно, что я хочу жениться, а это счастіе сдѣлаю тебѣ и учиню тебя участницею моего имѣнія и моего сердца.

Нисл. Эдакой женитьбё и куры смёяться стануть; мнё семнадцать лёть, а вамъ семьдесять.

Чужехватъ. Да я такъ бодръ, какъ лучше быть нельзя, и молодого дътину заткну за поясъ.

Ниса. Ты, сударь, бѣлъ, какъ лунь: изволь посмотрѣться въ зеркало.

Чужкхватъ. То-то и хорошо: безъ пудры бѣлоголовъ; а ежели тебѣ надобенъ мужъ черноголовый или русый, такъ можно купить парикъ.

Ниса. A французовъ, которые снаружи убираютъ головы, навезено много.

Чужехватъ. Много за грѣхи наши: а такихъ не вывозятъ, которые бы намъ головы внутри убирали.

Ниса. Нынѣ, сударь, во всемъ только объ одной поверхности стараются, а о важности мало думаютъ,—такъ вотъ отчего у насъ пустоголовыхъ людей много.

Чужехватъ. А у меня не только голова, да и мошна не пуста, даромъ то, что она снаружи не нарядна и только изъ посконной холстины. Снаружи она убрана не пофранцузски, да въ ней хорошо, по присловицѣ, что не красна изба углами, красна пирогами. А этотъ пирогъ начиненъ не кашею, а золотомъ и серебромъ, а мѣдныя деньги мнѣ не по мысли: пускай ясно видятъ безумцы, что мѣдныя деньги — не то, что золотыя и серебряныя, и, платя при размѣнѣ по три процента, вѣрятъ тому, что и мѣдныя деньги такія жъ, какъ золотыя, серебряныя, и что по положенной цѣнѣ всякія деньги равны, изъ какого бы они металла и какой бы величины ни были.

Ниса. Однако я за тебя, сударь, не пойду, хотя бы ты быль богатье турецкаго султана.

Чужехватъ. Хотя ты ко мнв теперь и холодна, однако, когда о моихъ червончикахъ поболве подумаеть, конечно, поразгорячиться.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Ниса одна.

Достойны тѣ люди почтенія, которыхъ сердца къ любви деньги разгорячають, и благородны тѣ чувствія, которыя на сребролюбіи основаны!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Сострата одна.

Валерій ко мнѣ идетъ; оставь меня, Нисанька. (Ниса отходить). О любовь, любовь! ничего нѣтъ на свѣтѣ пріятнѣе тебя, когда ты согласна со желаніемъ сердецъ нашихъ, и ничего нѣтъ мучительнѣе, когда ты ихъ желанію сопротивляещься.

явленіе іх.

Сострата и Валерій.

Сострата. Я тебя, Валерій, цілые три дня не видала. Валерій. Мнів тів три дня тремя показалися неділями. Сострата. Я увіврена, что ты меня столько же любишь, какъ и я тебя, и измівряю твою къ себів любовь собственнымъ моимъ сердцемъ.

Валерій. Счастливъ тотъ любовникъ, котораго любовь равномірна съ любовью его любовницы.

Сострата. И несчастлива та любовница, къ которой любовь скоро простываетъ и вѣчно угасаетъ; а еще несчастнѣе та, которая, за искреннюю свою любовь, обманута притворнюю своего любовника любовью, послѣ мнимаго почтенія, въ дѣйствительное своему обманщику ввергается презрѣніе и тщетно жалуется на заслуженное неосторожностію своею несчастіе и праведное наказаніе.

Валерій. Ты истинное мое къ себѣ почтеніе видишь и о вѣрности моей не сомнѣваешься, —такъ на что это эдакія рѣчи?

Сострата. На то онѣ, чтобы я, напоминая такихъ скаредныхъ обманщиковъ, которые пріятнѣйшую и благороднѣйшую страсть портятъ и въ варварскую превращаютъ утѣху, еще больше чувствовала то веселье, которое отъ тебя я имѣю и въ которомъ я на высочайшую степень моего благополучія скоро взойти уповаю, сін пріятнѣйшія минуты себѣ ежеминутно воображая.

Валерій. О любовныя минуты! дражайшія минуты! вы и отъ самыхъ строгихъ философовъ суетою міра назваться не можете. Я люблю тебя, Сострата; я люблю тебя всёмъ сердцемъ монмъ, всёмъ монмъ помышленіемъ, всёмъ монмъ чувствіемъ: ты очамъ монмъ всего прекраснье въ природь, ты душв моей всего милве на свъть; разумъ мой тобою наполненъ; очи мои привязаны къ очамъ твоимъ, кровь моя тобою распаленна, чувствіе восхищенно, мысли тобою плівненны: тыдень и ночь въ умѣ моемъ, ты изъ памяти моей не выходишь никогда: засыпаю, - помышляю о тебъ; пробуждаюся, ты первая встръчаешься мысли моей; ты присутственна во всёхъ моихъ воображеніяхъ, ты присутственна и въ сонныхъ моихъ мечтаніяхъ. Пріятное и ежеминутное о тебф напоминаніе всі міста тобою наполняєть и мні и тропки ті украшаеть, по которымъ я ступаю; кажется мнв, что онв играють поль ногами моими и сочувствують то веселіе, которое мое сердце ощущаетъ. Когда я представлю нетеривливо мною ожидаемыя будущія тобою радости, тогда я въ восторгь своемъ предчувствую утвшеніе, кажущееся выше участія человъческаго.

Сострата. Все это я, Валерій, взаимно ощущаю, и только отъ того иногда трепещетъ духъ во мнѣ, чтобы это мое благоденствіе твердо и неколебимо пребывало, и чтобы скорѣе пришло къ увѣнчанію нашего пламени, а пришедъ бы никогда не измѣнилося.

явленіе х.

Чужехвать, Валерій и Сострата.

Чужехвать. Съ роду моего я себѣ не представляль этого, чтобы женщина могла сопротивляться любви такого человѣка, у котораго много денегь, и это мнѣ совсѣмъ неестественно кажется; деньги всего пренмущественнѣе въ мірѣ, и потому-то, что человѣкъ ихъ имѣть можеть, и созданъ онъ по образу и по подобію Божію. Естество двѣ имѣетъ души: солнце и деньги; солнце сотворилъ Богъ, а деньги сотворилъ человѣкъ,—и потому-то онъ уподобляется Создателю подсолнечныя, для того, что во всей подсолнечной ничего нѣтъ полезнѣе солнца и денегъ.

Сострата. Что это, сударь, такое?

Чужехватъ. Надобно скорте послать за лѣкаремъ: Ни-санкѣ надобно кровь пустить.

Сострата. Да она совсёмъ здорова, — я ее теперь видёла. Чужехватъ. Даромъ-то, что ты ее теперь видёла; однако она въ жестокой горячке—и бредитъ, и въ умесовсемъ повредилася.

Сострата. Изъ чего вы это заключаете?

Чужехватъ. Изъ того, что я хочу на ней жениться, она за меня нейдеть.

Валерій (особливо). Кровь-то пустить надобно ему, а не ей. Сострата. Это, сударь, удивительно, что она за васъ нейдеть.

Чужехватъ. Чудно и непонятно.

Валерій. Это мив чудно и непонятно, что она за васъ не выходить; однако и то мив чудно-жъ и непонятно, ради чего вы за меня Состраты выдать не хотите?

Сострата. И предпочитаете ему многихъ безумцевъ, которыхъ вы мив въ женихи избираете.

Чужехвать. Коли вы меня это сказать принуждаете, такъ я вамъ это на прямыя выговорю денежки: тѣ, которыхъ я избираю, люди или совершенно староманерные, или

совершенно новоманерные; а ты, другъ мой, ни то ни се, ни мясо ни рыба, и не слъдуешь никакой модъ, ни прародительской ни нынъшней.

Валерій. Я слѣдую, сударь, только чистосердечію, здравому разсудку, простотѣ природы и благопристойности вкуса; а эта мода никогда не перемѣняется, хотя и не всѣми, да только одними тѣми послѣдуема, которые достойны имени человѣческаго.

Чужехватъ. Однако кафтанъ-отъ на тебѣ не по простотѣ природы сдѣланъ; волосы-то у тебя не по простотѣ природы; а о маншетахъ-то природа и не думывала.

Валерій. Я, сударь, и въ этомъ не скоропостиженъ; а въ такихъ мелочахъ на что отъ людей отставать; выдумывать моды—мелочь, отставать отъ моды—такая жъ мелочь. На что платье выдумывать, когда такая выдумка ни малѣй-шія славы не приноситъ? а отставать отъ моды развѣ ради того, чтобы дураки имѣли причину пересмѣхать и досаждать.

Сострата. Не моды, сударь, у васъ въ умѣ, да для того вы меня хотите выдать за какого-нибудь дурака, чтобы вамъ можно было моего мужа обмануть и удержати мое имѣніе, мнѣ послѣ моего отца принадлежащее.

Чужехватъ. Да меня и ты, государь мой, не перетягаешь, и не впрямъ-то я такъ старъ, что не могу ни жениться ни кнута вытерпъть.

Валерій. Пойдемъ, сударыня, во твои комнаты, пускай онъ объ этомъ другому говоритъ, а не мнѣ; а я этого слышать не могу.

Чужехвать. А, а! эдакой молодець! еще не дошло до того, а онъ ужъ испугался; а я хотя и старикъ, однако ударовъ пятьдесять еще вытерилю.

явление хі.

Чужехвать одинъ.

Кнута я не боюсь, да боюсь я въчной муки, а мнъ ея, какъ видно, не миновать. О великій Боже! хорошо бы жить

было на свътъ, ежели бы Тебя въ немъ не было; не давали бы мы ни въ чемъ никому по сокровеннымъ дъламъ отчета; а нынв отъ Тебя никакимъ образомъ не можно укрыться. На что такая въ законъ строгость: не бери чужого, въдь я, и овладъвъ чужимъ, чужого изъ твоего міра не вынесу; такъ не все ли равно, что оно въ того хозянна или въ другого сундукахъ. Господня земля и все ея исполнение. (Становится на кольни). Великій Боже! не вниди въ судъ со рабомъ твоимъ! каюся предъ тобою отъ всего моего сердца и отъ искренности души моей. Отпусти мнв мое согрвшение, но не взыскивай отъ меня, чтобы я то, что я себъ присвоилъ беззаконно, отдалъ назадъ; ибо сіе выше человічества. Вімъ, Господи, яко плутъ и бездушникъ есмь, и не имъю ни къ Тебъ ни ко ближнему ни малъйшія любви; однако, уповая на твое человъколюбіе, вопію къ Тебъ: помяни мя, Господи, во царствін твоемъ. Спасти мя, Боже, аще хощу, или не хощу! Аше бо отъ дълъ спасеши, нъсть се благодать и даръ, но долгъ паче. Аще бо праведники спасеши, ни что же веліе, и аще чистаго помилуещи, ни что же дивно — достойни бо суть милости твоея; на мнъ, плутъ, удиви милость Твою!

явленіе хіі.

Чужехвать и Пасквинъ.

Пасквинъ. Конечно, скоро, сударь, преставление свъта будетъ.

Чужехватъ. Почему?

Пасквинъ. А потому, что вы каятесь.

Чужехвать. Какъ не каяться, Пасквинушка; вѣдь вѣчная-то мука—не шутка.

Пасквинъ. А когда она—не шутка, такъ и шутить ею не надобно.

Чужехватъ. Когда бы Богъ милосердъ былъ, такъ бы никакой муки не надобно было.

Пасквинъ. Послушай-ка, сударь: ежели бы былъ такой милосердный пастухъ, у котораго бы собаки грызли день

овець, и онь бы своихъ собакъ только гладилъ, такъ овцы его сказали ль бы, что этотъ пастухъ человѣкъ милосердный?

Чужехватъ. Ты всѣ дѣла къ наказанію пригибаеть.

Пасквинъ. Негодныя дёла сами къ наказанію пригибаются. Что бы ты сдёлалъ, ежели бы я сто рублевъ укралъ?

Чужехватъ. У кого?

Пасквинъ. У кого ни есть, это все равно.

Чужехватъ. Коли бы ты укралъ у меня, такъ бы я тебя отдалъ на висълицу; а ежели бы не у меня, такъ бы я тебъ и слова не сказалъ: какое мнъ до другихъ людей дъло; а я не Бога граблю, такъ на что Ему въ чужія мъшаться дъла? Есть ли тутъ хотя малое правосудіе?

Пасквинъ. Видно, сударь, то, что вы изрядно покаялись. Чужехватъ. И положилъ еще на себя эпитемію.

Пасквинъ. Какую?

Чужехвать. Чтобы понедельничать.

Пасквинъ. Милостивый государь! позвольте мив па эту минуту сдвлаться риомотворцемъ.

Чужехватъ. Да ты этому не учился.

Пасквинъ. На Руси такая мода, что тѣ-то около эгой науки и трутся, которые мало грамотѣ знаютъ.

Чужехвать. Ну, какая у тебя риема?

Пасквинъ. Нежели понедъльничать, лучше не бездъльничать.

Чужехватъ. Ты меня побраниваеть?

Пасквинъ. Милостивый государь, стихотворцы говорять не то, что хотять, да то, что имъ велитъ риема.

Чужехватъ. Дурацкая это наука, когда она заставляетъ говорити то, что велитъ риома, а не то, что должно. А сверхъ этой моей эпитеміи, хочется мнѣ и въ Кіевѣ побывать. О Кіеве, Кіеве, святый граде Кіеве, помилуй мя, недостойнаго раба твоего! Отъ самого Петербурга пойду пѣшкомъ туда, Пасквинъ.

Пасквинъ. Богу все это равно, пришелъ ли кто на молитву, или прівхалъ.

Чужехватъ. Однако итти-то потрудне.

Пасквинъ. А ежели ты туда поползешь, такъ то еще и того труднъе.

Чужехватъ. Да отселъ до Кіева-то не доползешь и въ три года.

Пасквинъ. Да за чемъ тебе туда?

Чужехвать. Я—человѣкъ самый грѣшный, и беззаконія превзыдоша главу мою; такъ я, не уповая больше на милосердіе Божіе, хотя и каюся, угодниковъ Божіихъ попрошу, чтобы они за меня слово замолвили.

Пасквинъ. Повѣрь, милостивый государь, тому, что ни одинъ угодникъ Божій за тебя не вступится ради того, что они недобрыхъ людей, слѣдуя примѣру Божіему, не любятъ.

Чужехвать. Я ихъ умилостивлю: сожгу воску пуда три. Пасквинъ. Поколь не очистится твое сердце, такъ ты не умилостивишь ничъмъ Бога, котя ты сожжешь триста ульевъ воску съ медомъ и со пчелами.

Чужехвать. Ты это бредишь, какъ басурмань, а я проповёдую, какъ сынъ церкви.

Пасквинъ. Зачемъ вамъ, сударь, на старости ехать въ Кіевъ? Останьтеся здёсь да молитеся: тотъ же Богъ и здёсь, который въ Кіевъ.

Чужехвать. Тамъ мѣсто освященное, а не такое, какое здѣсь: да здѣшнему же городу еще нѣмецкое имя. Скажи мнѣ, Пасквинъ, ради чего этотъ городъ называется по-нѣмецки?

Пасквинъ. Этого я право не знаю.

Чужехватъ. Такъ-то-ста, Пасквинъ: итти въ Кіевъ хотя и трудновато, жаль ногъ, а души еще больше.

Насквинъ. Виновата душа, а наказаны будутъ ноги.

ABJEHIE XIII.

Пасквинъ одинъ.

Несчастливы у того человъка ноги, у котораго душа дурна....

явление хіу.

Пасквинъ и Ниса.

Ниса. Я не знаю, какъ у Валерія съ Чужехватомъ дѣло окончится: теперь они оба у Состраты и выслали меня; хотятъ поговорить наединѣ; однако, какъ видно по началу ихъ рѣчей, такъ они не согласятся ради того, что Чужехвату Состратѣ отдать ея имѣнія и въ мысли не приходитъ, а она своего, ей принадлежащаго, уступить ему не намѣрена.

Пасквинъ. А тебя за меня выдать онъ, и не удеживая твоего имѣнія, не захочетъ, когда влюбился въ тебя онъ самъ. Я доволенъ тѣмъ, Нисанька, что ты презираешь его богатство, да не доволенъ тѣмъ я, что ты меня презираешь.

Нисл. Я—дворянская дочь, такъ выйти мив за тебя нельзя, покамъстъ ты не будешь дворянинъ.

Пасквинъ. Да я дворяниномъ и въ вѣкъ не буду: дворянство дается за особливыя отечеству услуги.

Нисл. На что отечеству услуги? поди въ подъячін, да добейся до регистраторскаго чину, такъ п будешь дворянинъ.

Пасквинъ. А они развъ дворяне?

Ниса. Какъ же не дворяне: имъ даются шпаги, офицерскіе чины.

Пасквинъ. Такъ поэтому и дворянскіе камердинеры имъютъ чины регистраторскіе, —и они шпаги носять?

Нисл. Конечно, а потому, я думаю, что и они имъютъ офицерское и дворянское достоинство.

Пасквинъ. Да кто ихъ въ офицеры-то и во дворяне жалуетъ?

Ниса. Тѣ, которые жалують имъ шпаги; кто шпагу дать можеть, тоть можеть пожаловать и въ офицеры, и во дво-гряне.

Пасквинъ. Да есть ли какой на это указъ?

Нисл. Конечно, есть; какъ бы кто смѣлъ безъ указу шиаги давать, или дозволяти ихъ носить?

Пасквинъ. Такъ я лучше пойду въ камердинеры, не-

жели въ подъячін; лучше вдругъ получити чинъ, нежели еще дослуживаться, а я скорве научуся подвивать волосы, нежели писать, потому что волосоподвивательная наука у насъ въ совершенствв, и учителей сыскать можно довольно, а хорошо писать научиться трудновато, потому что такіе учители гораздо рѣдки, а я и ни объ одномъ не слыхивалъ; а не научившись хорошо писать, безъ благодвтелей, регистраторскаго чина не получишь.

Ниса. Ежели бы только такихъ людей въ регистраторы посвящали, которые хорошо писать умѣютъ, такъ бы не было на Руси ни одного регистратора: ни одинъ регистраторъ писать не умѣетъ; я объ этомъ отъ Валерія слышала, а онъ почитается человѣкомъ весьма знающимъ. А въ камердинеры-то тебя хотя и возьмутъ, однако шпаги ты не получишь ради того, что ты—нашего закона, а по нашему закону носить господскому служителю шпагу—грѣхъ тяжкій и смертный; такъ только одни камердинеры—иновѣрцы шпаги въ Россіи носятъ.

Пасквинъ. Такъ видно, что мнѣ шпаги не нашивать, и тебѣ за мною не бывать, когда русскимъ волосоподвивателямъ шпагъ носить не дозволяется, а въ приказные служители я не пойду, хотя бы я и могъ добиться шпаги; лучше имѣть благородное сердце, нежели благородное желѣзо, подобно какъ лучше имѣть превосходительный умъ, нежели превосходительный чинъ, хотя люди и не по умамъ, да по чинамъ почитаются.

Ниса. Я и сама то благородство ненавижу, которое въ одномъ состоитъ имени, да что дѣлать? Выйти дворянской дочери не за дворянина нельзя: будетъ она презираема. Однако, какъ скоро твой сыщется крестъ, такъ ты дворянство получишь, я тебя увѣряю, а это я не безъ причины говорю.

Пасквинъ. Кресту моему не сыскиваться.

Нисл. Да какъ его съ тебя стащили? Развѣ ты пьянъ былъ и такъ заспался?

Пасквинъ. Я никогда не пьянствую, въдая то, что пья-

ница—челов'вкъ самый негодный и почти въ число добрыхъ людей не полагается.

Ниса. Отчего же на тебя такой крвикій нашель сонь? Пасквинь. Оттого, что я во всю не спаль ночь и заснуль уже почти на сввту; такь не спавь цвлую ночь, заснувь, конечно, крвико спать будешь.

Нисл. Развѣ ты книгу читалъ?

Пасквинъ. Будто въ здѣшнемъ городѣ книги читать можно!

Нисл. А для чего не можно?

Пасквинъ. Ради того, что здёсь цёлой день, отъ утра до ночи, пьяницы дерутъ горло и ревутъ по улицамъ, какъ медвёди въ лёсу, несмотря на то, что здёсь престольный городъ, и что этого, кромѣ Москвы и Петербу, га, ни въ одномъ Россійскомъ городѣ не терпятъ, да и здёсь, и въ Москвѣ, лѣтъ двадцать тому назадъ, не важивалося; а другая причина, отчего слуху, а слѣдовательно и душѣ, цѣлый день пѣтъ покою, что многіе хозяева въ корабельное ударилися мастерство, и разрубливаютъ мерзлыя барки, хотя ихъ пилить можно, избавляя чувство сосѣдняго слуха отъ незаслуженнаго наказанія 1).

Ниса. Ну, а ночью-то какое безпокойство,—вѣдь и тѣ школы, въ которыхъ чернь обучается пьянствовать, по ночамъ запираются; а и дровъ также по ночамъ не рубять?

Пасквинъ. А по ночамъ во всемъ городѣ, и на улицахъ, и на дворахъ, лаютъ собаки, хотя и этого лѣтъ двадцать тому назадъ не много было. А у нашего сосѣда на дворѣ прикованъ басистъ, который безъ отдыха увеселяетъ нѣжный его слухъ и слухъ его сосѣдей, неохотниковъ до его

¹⁾ На ряду съ серьезными общественными недостатками и пороками, раздраженный поэть влагаеть въ уста своихъ дъйствующихъ лицъ жалобы и на различнаго рода случайныя мелочи, безпоконвшія его: крики рабочихъ и стукъ топоровъ о мерздыя барки подъ окнами, пъсни на улицъ подгулявшихъ мастеровыхъ, лай собаки на дворъ у сосъда и т. п.—все это бъсило нервнаго человъка и неумъстно высказывается въ его комедіи.

музыки, мучитъ. Этотъ-то басистъ въ эту ночь паче всёхъ ночей меня тревожилъ. А потомъ насталъ колокольный звонъ.

Ниса. Колокольный звонъ Божіей слав'в служить.

Пасквинъ. А я думалъ то, что онъ человѣческому служитъ безпокойству и увеселенію звонарей. Этого я истинно не зналъ до этого времени. Вотъ то-то, Нисанька: вѣкъ житъ, вѣкъ учиться. Ну а когда это ко славѣ Божіей, такъ можно бы днемъ только звонить, а ночью-то ради чего звонятъ? Ежели для того, чтобы Богъ во всѣ часы прославляемъ былъ, такъ бы во всѣ часы и звонить надлежало? А ночь, я думаю, на то отъ Бога установлена, чтобы человѣку имѣть отдохновеніе; такъ воля Божія опредѣлила къ отдохновенію тишину, а не стукъ.

Нисл. Этого, право, и я не знаю; объ этомъ я спрошу у своего отца духовнаго, а онъ и по-латыни знаетъ.

Пасквинъ. Да развѣ на колокольняхъ-то звонятъ по-

явленій ху.

Балерій, Сострата, Ниса и Пасквинъ.

Валерій. Открылося твое участіє: ты брать Валерієвь, ты брать мой. Возв'ящаю теб'я твою породу, возв'ящаю теб'я твою радость и сорадуюся съ тобою.

Пасквинъ. Не сонъ ли я вижу! Что это такое? Растолкуй мив.

Сострата. Все это растолкуется тебь сегодня, а крестъ твой сняла съ тебя я: у Валерія такой же крестъ—это, что ты двойнишникъ, истина; и не одинъ насъ твой крестъ о томъ увъряетъ: развязалося все твое дъло, почему ты Валеріанъ и братъ Валеріевъ, а не Пасквинъ и не холопъ.

Пасквинъ. Да что такое сделалось?

Нисл. Видно, что все то сделалось, чего я съ крайнимъ ожидала желаніемъ, и что все то разрешилося, что союзу сердецъ нашихъ препятствовало.

Пасквинъ. Я вижу, что восхожу на самый верхъ моего благополучія; благородство сердца моего со благороднымъ сопрягается именемъ: Валерій, почитаемый мною паче всѣхъ тѣхъ дворянъ, которыхъ я въ жизии моей видѣлъ, и отъ котораго я, никакой не зная науки, ежедневно изощрялъ разумъ мой и очищалъ мое сердце, братъ мой: прекрасная Сострата будетъ моя невѣстка, а ты, дорогая Ниса, обладай мною вѣчно, ежели я обладанія твоего достоинъ! О Ниса! Ниса! ты мнѣ милѣе свѣта очей моихъ! не промѣняю тебя я на всѣ сокровища земныя и на все счастіе человѣческое.

Ниса. Новое твое состояніе умножаєть мою надежду, а любви моей къ теб'є уже ничто умножить не можеть. Сострата—свидітельница тайныхъ моихъ о теб'є воздыханій, темныя ночи—свидітельницы тяжкихъ моихъ о теб'є стенаній, а постеля моя—свидітельница горькихъ о теб'є слезъ моихъ, неоднократно ими орошаема. Оканчиваются, Сострата, оканчиваются вс'є т'є препятствія, которыя терзали сердце мое.

Валерій. Я спѣту теперь, Сострата: ты имъ разскажи, что дѣлается.

ЯВЛЕНІЕ XVI.

Сострата, Ниса и Пасквинъ.

Сострата. Палемонъ, другъ покойнаго отца Валеріева, пишетъ то, что дѣло въ Коллегіи Юстиціи разобрано, по его доношенію, которымъ онъ доказалъ ясно, какъ Чужехватъ, выпавъ изъ колыбели Валеріева двойнишнова брата, отдали чужимъ людямъ нѣкакою старухою, которая такъ же допрашивона, какъ и тѣ, которые младенца приняли, и знали о немъ, чей онъ сынъ, и какъ они, пришедъ въ убожество, пріемыша своего изъ дома маленькаго отдали другимъ, которые его не пріемышемъ, да только изъ одного человѣколюбія возростили, и, возростивъ, отпустили его на его собственное пропитаніе, и которые такъ же допрашиваны, какъ и та кормилица, которая его кормила, и что положено объявить о томъ Валеріану и Чужехвату, для премѣненія ихъ состоянія — первому для обрѣтенія, а другому для потерянія благороднаго имени.

Пасквинъ. О пріятные часы!

Ниса. О радостныя минуты!

Сострата. О преблаженный день! день общаго нашего благополучія! день возмездія беззаконію и доброд'ьтели! Оставайтеся одни: я не хочу вамъ м'вшати предощущати будущее ваше веселіе.

ЯВЛЕНІЕ XVII. Ниса и Пасквинъ.

Ниса. Я тебѣ, Валеріанъ, даю мою руку, а съ сею рукою даю тебѣ и сердце мое. Говорю, что тебѣ до смерти вѣрна буду и не клянуся; бездѣльника и клятва къ добродѣтели не пригвождаетъ, а добраго человѣка къ ней и едино слово пригвождаетъ; этотъ не раздражаетъ и человѣчества, а тотъ и Божество раздражаетъ; этотъ и человѣка ко утвержденію добраго своего намѣренія въ поруки не призываетъ, вѣдая, что ему и безъ порукъ вѣрятъ, а та морская гадина и ко прикрытію своего обмана съ небеси Всемогущаго Бога въ поруки призывати дерзаетъ.

Пасквинъ. И я, слѣдуя примѣру твоему, не клянуся тебѣ, Ниса; однако, и безъ клятвы вѣрность мою къ тебѣ сохраню до гроба. Нѣтъ ничего болѣе Бога на небеси и болѣе правосудія на земли, а злодѣи ничѣмъ не поражаютъ толико добродѣтели, какъ именемъ Божіимъ и видомъ правосудія; хотя всѣ законы, и Божескіе, и человѣческіе, противъ единыхъ бездѣльниковъ уставлены. О человѣки, человѣки! какое вы въ добродѣтели предъ скотами имѣете преимущество? Я лучше буду жити съ лютыми звѣрями въ темныхъ и непроходныхъ лѣсахъ, нежели съ лютыми человѣками въ великолѣинѣйшихъ чертогахъ. А съ тобою, любезная моя Ниса, готовъ я жить на всякомъ мѣстѣ: вездѣ мнѣ рай, глѣ ты со мною.

Ниса. Мив и хижина та, гдв ты со мною будеть, царскимъ домомъ казаться станетъ.

ЯВЛЕНІЕ XVIII.

Чужехвать, Ниса и Пасквинь.

Чужехватъ. Что, Нисанька, одумалася ли ты? Ниса. Въ чемъ, сударь?

Чужехватъ. А въ томъ-то, сударыня, чтобы тебѣ выйти за меня замужъ.

Нисл. Я, сударь, вамъ это уже сказала, что я за васъ нейду.

Чужехватъ. Такъ ты червонцевъ-то себѣ не воображала: какой у нихъ видъ, какое сіяніе и какая въ нихъ притягательная сила?

Нисл. Нътъ, сударь.

Чужехватъ. Ни имперіаловъ?

Ниса. Я, сударь, и въ бъдности моей, этой подлости не имъю, чтобы мнъ утъшаться воображениемъ денегъ.

Чужехватъ. О Великій и Всемогущій Боже! какъ Ты слышишь такія душенагубныя рѣчи и терпишь такое беззаконіе? удивляюся Твоему долготерпѣнію.

Пасквинъ. И я, сударь, удивляюся, что Богъ ей такое великое терпитъ беззаконіе.

Чужехватъ. Какъ ее громъ не поразитъ, или земля не пожретъ! И иконы святыя, прославленныя многими чудесами, золота и серебра не уничтожаютъ.

Нисл. Я, сударь, — не икона, и чудесами не прославлена, и золота и серебра вашего мив не надобно, а кажется мив, что хотя и хорошо, кто отъ усердія святыя и по справедливости нами почитаемыя иконы золотомъ и серебромъ украшаетъ, а особливо тв, которыя показываютъ Божіей премудрости знаменія, сотворшаго премудростію Своею небо и землю, однако еще лучше пригвоздить сердце свое къ Богу, нежели кусокъ золота или серебра къ иконв Его.

Чужехватъ. Серебро-то и золото, Нисанька, къ иконъ приложить можно, хотя и не то на умъ, а сердце-то къ Богу, когда не то въ мысли, не приложишь; а я, за келью,

между нами молвить, къ Богу-то никакого усердія не имізо, и въ этомъ вамъ, какъ добрый человізкъ и православный христіанинь, чистосердечно признаваюсь. А тебя, рублевичекъ мой, червончикъ мой, имперіальчикъ мой, возьму я за себя и силою: лучше отнять волю у человізка и спасти его, нежели оставить ему ее на его погибель; а молодымъ людямъ воли давать никогда не надобно, потому что они не знають еще, что имъ полезно, и что вредно.

Нисл. Нетъ, сударь, силою вы на мит жениться не можете.

Пасквинъ. Этого, сударь, не водится.

Чужехватъ. А тебъ, дружокъ, до этого дъла иътъ; я уже давно примътилъ то, что ты за нею волочишься,—такъ ступай съ двора долой, ступай, ступай! и чтобы духа твоего здъсь не было! вонъ, вонъ изъ двора, вонъ, негодной!

ЯВЛЕНІЕ ХІХ.

Чужехвать, Валерій, Палемонь, Ниса и Пасквинь.

Пасквинъ. Вотъ, Ниса, это тотъ хиромантикъ, который мнѣ предсказывалъ то, что я по кресту счастливъ буду, и который мнѣ пріятіе службы въ здѣшнемъ домѣ препоручилъ, а меня гонятъ вонъ за то только, что ты старика любить не хочешь. Безъ слугъ бы были старики, ежели бы они людей своихъ изъ домовъ выгоняли за то, что ихъ молодия не любятъ женщины.

Валегій. Это не хиромантикъ, да другъ нашего съ тобою, Валеріанъ, отца, возвращающій мнѣ моего брата, а тебѣ твою породу.

Чужехвать. Что ты такое бредишь? еще страшный судь не пришель и воскресенія мертвыхь ніть; а младенець этоть, о которомь ты мелешь, тому уже двадцать два года, какъ умерь. А ежели бы онъ воскресь, такъ бы онъ воскресь такъ, какъ онъ умерь: двухлітнимъ младенцемъ, а не эдакимъ пестомъ; відь люди на томъ світь не выростають.

Палемонъ. Тебъ страшный судъ, а ему воскресеніе мертвыхъ уже пришли.

Чужехватъ. Помнишь ли ты, что Христосъ воскресъ въ день недъльный; такъ и наше изъ мертвыхъ возстаніе въ такой же день будетъ, а сегодня пятница. Конечно, ты нажрался мяса, когда ты позабылъ то, что сегодня пятница.

Палемонъ. Какой сегодня день, въ этомъ нужды нѣтъ. Чужехватъ. А ежели я силутовалъ, такъ ты, то вѣдая, для чего такъ долго медлилъ и молчалъ? и коли я плутъ, такъ и ты такой же плутъ.

Палемонъ. Я въ то же время объявляль объ этомъ графу Откупщикову; однако ты помнишь это, что ты, свѣдавъ о томъ, отнесъ къ господину графу изъ Валеріановыхъ денегъ десять тысячъ; такъ сказано мнѣ было подъ рукою, что ежели я хотя намекну о томъ когда, такъ мѣста я себѣ и въ Камчаткѣ не сыщу.

Чужехвать. Такъ бы ты биль челомъ на него!

Пасквинъ. Великій бы я получилъ усивхъ, ежели бы я ему же и на него же бить челомъ началъ. Нынъ его нътъ на свътъ, и правосудіе возобновилося, такъ я это дъло въ дъйство и произвелъ.

Чужехватъ. Хвали сонъ, когда сбудется.

Палемонъ. Этотъ сонъ уже сбылся.

Чужехвать. Чёмь ты это дёло доказать можешь?

Палемонъ. Многимъ. А первое доказательство вотъ — войди сюда старушка.

явление хх.

Тъ же и старуха.

Палемонъ. Знаешь ли ты этого человъка?

Старуха. Я худо, родимой, вижу; мнѣ ужъ въ исходѣ осьмой десятокъ. (Надпваетъ очки и смотритъ на Чуже-хвата) Ахъ, честной господинъ! какъ ты посѣдѣлъ, вѣдь бы я тебя не узнала, хотя бы ты мнѣ въ глаза наплевалъ, когда бы я тебя не въ твоемъ увидѣла домѣ!

Чужехватъ. Я тебя, старуха, отъ роду не видывалъ, и кто ты такова, я не въдаю.

Старуха. А помнишь ли ты, господинъ добрый, какъ ты мив двтище то отдаль?

Чужехватъ. Ты выжила изъ ума, старуха; этого никогда не бывало.

Старуха. И, родимый! какъ не бывало! Еще объ этомъ дѣтищѣ послѣ сказывала мнѣ молодка, будто она его грудью кормила, и будто онъ господскій сынъ, и подлинно походилъ онъ на господскаго сына—какъ наливное былъ яблочко. Она объ этомъ и тому, кому я его отдала, сказывала; да полно, откудова взяться господскому сыну? А своего сынка ты бы не отдалъ: и змѣя своихъ черевъ не поѣдаетъ; и чтобы это господскій сынъ былъ, мы этому не повѣрили, хоша она въ томъ домѣ, куда я младенца-то отнесла, и все о немъ подноготно разсказывала.

Чужехватъ. Рехнулась ты, старуха! Старуха. Я худо слышу, бояринъ.

Чужехвать (кричить ей). Сь ума ты спятила!

Старуха. Отецъ мой! мив ввдь не два ввка жить; такъ надо смерть помнить, и говорю я самую сущую, истинную правду; а ввдь и вы, бояре, такъ же, какъ и мы, умираете, такъ и вамъ надо смерть помнить.

Валегій. Довольно, старушка: поди съ Богомъ.

явление ххі.

Тѣ же, кромѣ старухи.

Чужкхвать. Вы всё трое плуты, и всёхъ васъ должно перевёшать.

Валерій. Нётъ, сударь, плутъ-атъ ты, а не мы, и пов'єсить-то должно тебя, а не насъ; добрыхъ людей не в'є-шаютъ нигд'є, а воровъ, разбойниковъ и грабителей, по вс'ємъ законамъ, и Божескимъ, и челов'єческимъ, во вс'єхъ просв'єщенныхъ и челов'єколюбивыхъ народахъ в'єшаютъ; ежели бы это инако было, такъ бы не было добрымъ людямъ до-

вольныя безопасности на свътъ: и чъмъ меньше беззаконники погибаютъ отъ правосудія, тъмъ больше погибаютъ невинные отъ беззаконниковъ.

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛЪДНЕЕ.

Чужехвать, Валерій, Валеріань, Сострата, Ниса, Палемонь, секретарь и два солдата.

Секретарь. По рѣшенію Государственной Коллегіи Правосудія, по утвержденію Правительствующаго Сената и по Высочайшему повелѣнію, учреждено ваше имѣніе описать, и то, которое вамъ собственно принадлежитъ, отдать Валеріану, учинивъ расчетъ по опекунству, также и тѣ деньги, которыя вами подарены покойному графу Откупщикову, взыскати съ его наслѣдниковъ, со всѣми по указамъ интересами, а васъ отселѣ взяти подъ караулъ, ради учиненія надлежащія вамъ по законамъ казни, для отміценія истинѣ и для отвращенія страхомъ отъ нетерпимаго въ честномъ и благоденственномъ обществѣ злодѣянія.

Чужехватъ. Да это дѣло еще не совсѣмъ окончено? Секретарь. Совсѣмъ окончено.

Чужехватъ. Я ни однажды не пытанъ, а надлежало меня трижды пытать, и ежели бы я трехъ пытокъ не вытерийлъ, тогда бы должно было обвинить меня.

Секретарь. Изволь итти.

Чужехватъ. Морозъ меня по кожѣ подираетъ: пришло преставленіе свѣта: гибну! гибну! горю! тону! помогите! умираю! ввергаюся во адъ! мучуся! стражду! стражду!

Секретрарь (солдатамь). Возымите его.

Чужехватъ. Будьте вы, злодви мои, прокляты и въ семъ въкъ, и въ будущемъ!

(Секретарь отходить, и Чужехвата выводять).

Валерій. Исчезни беззаконіе и процвѣтай добродѣтель! А ты, любовь, дражайшая утѣха въ жизни человѣческой, вкоренившаяся въ сердца наши и увеселяющая насъ прекрасными своими цвѣтами, дай намъ вкусити сладкіе плоды свои!

Матеріалы для изученія Сумарокова.

І. Разсужденіе о трагедін.

II. Корнеля 1).

Трагедія посредствомъ состраданія и страха очищаєть страсти. Положеніе это принадлежить Аристотелю, и мы узнаемъ изъ него, во-первыхъ, что трагедія возбуждаетъ сострадание и страхъ, и, во-вторыхъ, что посредствомъ состраданія и страха она очищаеть страсти. Первое онь объясняетъ довольно подробно, но ни слова не говорить о последнемъ, такъ что изъ всёхъ составныхъ частей, которыя онъ употребляетъ въ своемъ опредъленіи, это единственная, остающаяся безъ разъясненія. Въ послёдней главе "Политики" онъ высказываетъ намфреніе говорить о ней въ этомъ трактатъ очень подробно, и это дало поводъ большинству его толкователей думать, что трактать не дошель до насъ въ целости, такъ какъ мы не видимъ въ немъ ровно ничего, относящагося къ этому предмету. Какъ бы тамъ ни было, я считаю болже умъстнымъ разбирать то, что онъ сказаль, чемь усиливаться отгадать то, что онь хотель сказать. Правила, которыя онъ установилъ, могутъ повести насъ къ нъкоторымъ соображеніямъ относительно техъ, которыя онъ хотвлъ установить, и на несомивнности того, что намъ осталось, мы можемъ основать вероятное мнене о томъ, что . не дошло до насъ.

"Мы чувствуемъ состраданіе", говоритъ Аристотель, "къ тъмъ, которыхъ видимъ подъ бременемъ незаслуженнаго ими несчастья, и страшимся, чтобы насъ не постигло подобное же несчастье, когда видимъ, что его испытываютъ намъ подобные". Слъдовательно, состраданіе относится къ лицу, которое мы видимъ въ несчастьи; слъдующій же за состраданіемъ страхъ относится къ намъ. И вотъ, одно уже это

¹⁾ Въ переводъ В. Покровскаго (Историч. христом., т. V).

м'всто даетъ широкое право для заключеній, какимъ способомъ трагедія достигаетъ очищенія страстей. Состраданіе къ несчастью, въ которомъ мы видимъ себъ подобныхъ, приводить нась къ страху такого же несчастья для насъ самихъ: страхъ-къ желанію избіжать этого несчастья; желаніе-къ очищенію, обузданію, исправленію и даже искорененію въ насъ страсти, повергающей, въ нашихъ глазахъ, въ это несчастье лицъ, возбуждающихъ наше сожальніе, и все это по тому простому, но естественному и несомнънному соображенію, что для изб'єжанія следствія нужно устранить причину. Такое объяснение не понравится тымь, которые строго придерживаются комментаторовъ этого философа; но последніе затрудняются этимъ мѣстомъ и такъ мало согласны другъ съ другомъ, что Павелъ Бени приводитъ двѣнадцать или пятнадцать различныхъ мивній, которыя и опровергаетъ, выдвигая собственное свое толкованіе. По ходу разсужденія мивніе его согласно съ вышеприведеннымъ, но дъйствіе состраданія и страха онъ распространяетъ лишь на королей и принцевъ, въроятно, потому, что трагедія можеть поселить въ насъ страхъ только къ такому бъдствію, которое постигаетъ намъ подобныхъ, а такъ какъ она обрушиваетъ его только на королей и принцевъ, то и дъйствіе страха должно распространяться лишь на лицъ этого званія. Но, безъ сомнінія, Бени слишкомъ буквально понялъ выраженіе: "намъ подобныя" и упустиль изъ виду, что въ Аннахъ, гдѣ представлялись ньесы, изъ которыхъ Аристотель беретъ свои примъры и по которымъ онъ строитъ свои правила, не было королей. Аристотель никакъ не могъ имъть приписываемой ему комментаторомъ мысли и не помъстилъ бы въ опредълении трагедін обстоятельства, значеніе котораго можеть быть обнаружено лишь въ очень ръдкихъ случаяхъ, а полезность ограничена слишкомъ теснымъ кругомъ людей. Правда, главными дъйствующими лицами въ трагедіи обыкновенно выводятся короли, а у зрителей нътъ скипетровъ, и, повидимому, нътъ повода страшиться несчастій, грозящихъ лицамъ, находяпимся въ другихъ условіяхъ; но вѣдь эти короли — люди, какъ и зрители, и подвергаются бѣдствіямъ въ порывахъ страстей, отъ которыхъ не свободны и зрители. Они даютъ даже поводъ къ удобному умозаключенію отъ большаго къ меньшему, и зрителю легко сообразить, что если король, предаваясь безъ мѣры честолюбію, любви, ненависти, мщенію, впадаетъ въ такое великое несчастье, что возбуждаетъ въ насъ состраданіе, тѣмъ болѣе самъ онъ, человѣкъ простой, долженъ держать въ уздѣ подобныя страсти, изъ страха, чтобы онѣ не повергли его въ такое же несчастье. Да, сверхъ того, нѣтъ и необходимости выставлять на театрѣ бѣдствія однихъ только королей. Бѣдствія другихъ людей могутъ также найти свое мѣсто на сценѣ, если они довольно для того знамениты и довольно необыкновенны, и если они сохранены и переданы намъ исторією.

Чтобы облегчить способы къ возбужденію состраданія и страха, Аристотель дёлаеть намъ нёкоторыя указанія на то, какія лица и какія событія попреимуществу способны вызывать и то, и другое. По этому поводу я дёлаю предположеніе,—на самомъ же дёлё, оно и дёйствительно такъ — что публика въ театрё состоить не изъ злыхъ и не изъ святыхъ, а изъ людей обыденной честности, и не въ такой степени стоящихъ подъ защитою строгой добродётели, чтобы къ нимъ не было доступа страстямъ, а вмёстё съ тёмъ и бёдствіямъ, въ которыя увлекають эти страсти людей, слишкомъ имъ поддающихся. Сдёлавъ такое предположеніе, разсмотримъ, какого рода людей исключаеть этотъ философъ изъ трагедіи, а потомъ перейдемъ вмёстё съ нимъ къ тёмъ, которые, по его миёнію, обладають всёми необходимыми для дёйствія трагедіи условіями.

Во-первыхъ, онъ не хочетъ, "чтобы человъкъ вполнъ добродътельный изъ благополучія впадалъ въ несчастье", и утверждаетъ, что "это не вызываетъ ни состраданія, ни страха, потому что такое событіе совершенно несправедливо". Къ этому я прибавлю, что подобный исходъ вызываетъ ско-

рѣе негодованіе и ненависть къ тому, кто заставляетъ страдать, чѣмъ состраданіе къ несчастному, и что чувство это,— если и свойственное трагедіи, то развѣ въ крайне умѣренной степени,—скорѣе можетъ заглушить то, которое она должна возбуждать.

Онъ не хочетъ также, "чтобы злой человѣкъ отъ несчастья переходилъ къ благополучію, потому что такой исходъ не только не можетъ породить ни состраданія, ни страха, но не можетъ даже тронутъ тѣмъ естественнымъ чувствомъ радости, которымъ наполняетъ насъ благополучіе главнаго дѣйствующаго лица, привлекающаго къ себѣ нашу благосклонность". Паденіе злодѣя въ несчастьи удовлетворяетъ насъ вслѣдствіе отвращенія, которое мы къ нему питаемъ; но такъ какъ это только справедливое наказаніе, оно нисколько не возбуждаетъ въ насъ состраданія и не поселяетъ въ насъ никакого страха; тѣмъ болѣе, что мы не такіе злодѣи, какъ онъ, не способны къ подобнымъ преступленіямъ и не можемъ страшиться такого пагубнаго исхода.

Остается, такимъ образомъ, найти средину между этими двумя крайностями, избравъ человъка, который не былъ бы ни вполнъ добродътеленъ, ни вполнъ золъ и который, по винъ своей, или по человъческой слабости, впадаетъ въ несчастье, котораго не заслуживаетъ. Для примъра Аристотель указываетъ на Эдипа и Өіеста; но тутъ я ръшительно не понимаю его мысли. На первомъ, по моему мненію, не лежить вины въ отцеубійствь, потому что онъ не знаеть своего отца, -- онъ только съ горячностью оспариваетъ путь у незнакомца, готоваго одольть его. Но такъ какъ греческое слово анартина можеть означать простую ошибку, происходящую отъ невъдінія, какова была ошибка Эдипа, то допустимъ, что онъ былъ виновенъ; и всетаки я не вижу, какую страсть даетъ онъ намъ для очищенія, и въ чемъ мы можемъ исправиться по его примъру. Что же касается Өіеста, то я не могу открыть въ немъ ни обыденной честности, ни той вины безъ преступленья, которая повергаеть его въ несчастье. Если мы станемъ разсматривать его до начала трагедін, носящей его имя, - это злодый въ самой трагедін - это человыкъ прямодушный, примирившійся съ братомъ и положившійся на его слово. Въ первомъ положени онъ очень преступенъ; въ послёднемъ — очень хорошій человікъ. Если мы принишемъ его несчастье совершенному имъ злодъянію, то послъднее такъ велико, что зрители къ нему неспособны, и состраданіе не вызоветь у нихъ очищающаго страха, такъ какъ въ Өіесть они не будуть видьть себь подобнаго. Если же мы отнесемъ причину его бъдствія къ прямодушію, — извъстный страхъ можетъ последовать за нашимъ состраданіемъ, но онъ очистить разв' только прямодушную дов' рчивость къ слову примирившагося врага, составляющую скорбе качество честнаго человъка, чъмъ порочную привычку; но такое очищеніе способно изгнать искренность изъ всякаго примиренія. Итакъ, говоря откровенно, я вовсе не понимаю приложимости этого примъра.

Скажу болве. Если трагедія способствуеть очищенію страстей, то оно должно происходить только твиъ путемъ, на который я указываю; но я сомнъваюсь, чтобы оно совершилось даже при посредствъ такой трагедін, которая удовлетворяетъ всёмъ выставленнымъ Аристотелемъ условіямъ. Послёднія выполнены въ Сид'є и были причиною большого успъха пьесы. Родригъ и Химена обладаютъ требуемой честностью, доступны страстямъ, и именно эти страсти составляють причину ихъ несчастій, такъ какъ несчастливы они въ той мъръ, въ какой питають страсть другь къ другу. Ихъ вовлекаетъ въ бъдствіе такая человіческая слабость, которой мы можемъ быть подвержены такъ же, какъ и они. Несчастье ихъ безспорно возбуждаетъ состраданіе; оно вызвало довольно слезъ у зрителей, чтобы не оставить въ томъ никакого сомнвнія. Это состраданіе должно бы было вызвать въ насъ страхъ возможности подобнаго же бъдствія и очистить въ насъ тотъ избытокъ любви, который причиняетъ имъ несчастье и заставляетъ насъ сожалъть ихъ; по я не знаю, вызываетъ ли оно этотъ страхъ и очищаетъ ли оно нашу страсть; боюсь даже, не представляетъ ли разсужденіе Аристотеля по этому предмету лишь прекрасную идею, которая на самомъ дѣлѣ никогда не осуществляется. Ссылаюсь на тѣхъ, которые видѣли представленія Сида; пусть они заглянутъ въ тайники сердца, провѣрятъ, что ихъ растрогало въ театрѣ, и скажутъ, ощутили ли они этотъ сознательный страхъ, и исправилъ ли онъ въ нихъ страсть, причинившую оѣдствіе, которому они сострадали.

Впрочемъ, какъ ни трудно признать пъйствительность и значение этого очищения страстей при посредствъ сострадания и страха, намъ всетаки можно помириться съ Аристотелемъ. Есть поводъ думать, что, говоря о состраданіи и страхів, онъ не имълъ въ виду требовать отъ трагедіи этихъ двухъ средствъ всегда въ совокупности, и что, по его мивнію, довольно одного изъ нихъ для желаемаго очищенія, съ тою разницею однакоже, что сострадание не можетъ его произвести безъ страха, страхъ не можетъ этого достигнуть безъ состраданія. Смерть графа въ Сид'в не вызываеть никакого состраданія, но во всякомъ случай можеть очистить въ насъ того рода горделивую зависть къ славъ ближняго, которую мы видимъ въ графъ; тогда какъ все сострадание наше къ Родригу и Хименъ не предохранитъ насъ отъ порывовъ пылкой любви, дёлающей ихъ предметомъ нашей жалости. Зритель можетъ имъть сострадание къ Антіоху, къ Никомеду, къ Гераклію, но пока онъ остается при одномъ состраданіи и не можеть бояться впасть въ подобное же несчастье, онъ не изличится ни отъ какой страсти. Напротивъ, Клеопатра, Пруссій, Оока не вызывають состраданія; но страхъ несчастія, подобнаго или близкаго тому, какое ихъ постигло, можеть очистить въ матери упорное желаніе владёть тёмъ, что принадлежить ея дътямъ, въ мужъ-слишкомъ большую уступчивость второй жень, въ ущербъ дътямъ отъ перваго брака, во всёхъ-жадное стремленіе насильно завладёть достояніемъ или саномъ другого; и все это-въ соотвътствін съ положеніемъ каждаго и съ тъмъ, что онъ въ состояніи предпринять. Огорченіе, испытываемое Августомъ въ Циннъ, и его неръшительность могутъ произвести то же дъйствіе при посредствъ состраданія и страха, взятыхъ вмъстъ; но, какъ я уже сказалъ, не всегда бываетъ, что тъ, которымъ мы сострадаемъ, несчастны по своей винъ. Когда они невинны, наше состраданіе не вызываетъ никакого страха; и если мы иногда чувствуемъ въ такомъ случаъ страхъ, очищающій наши страсти, то онъ обыкновенно является при посредствъ другого дъйствующаго лица, а не того, которому мы сострадаемъ.

Такое объяснение можетъ быть подтверждено самимъ Аристотелемъ, если мы хорошенько взвъсимъ причины, по которымъ онъ исключаетъ событія, не допускаемыя въ трагедін. Онъ не говоритъ: "такое-то событіе не свойственно трагедіи, потому что возбуждаеть только сострадание и вовсе не порождаетъ страха; другое-потому, что вызываетъ только страхъ и не возбуждаетъ никакого состраданія"; но онъ отвергаетъ ихъ потому, какъ онъ выражается, "что они не возбуждаютъ ни состраданія, ни страха", чімь даеть намь понять, что они не нравятся ему вследствіе отсутствія и того, и другого, и что если бы они порождали одно изъ этихъ чувствъ, онъ не отказалъ бы имъ въ своемъ одобрении. Ссылки его на Эдина утверждаютъ меня въ этой мысли. Онъ говоритъ, что въ этой трагедіи соединены всв необходимыя условія; однако же бъдствіе Эдипа возбуждаетъ только состраданіе; такъ какъ я не думаю, чтобы у кого-нибудь изъ зрителей вмъстъ съ сожальніемъ могь зародиться страхъ убить своего отца и жениться на матери. Если представление этой трагедіи можеть поселить въ насъ некоторый страхъ, и если этотъ страхъ способенъ очистить въ насъ какую-нибудь порочную или достойную порицанія наклонность, то онъ очистить стремленіе предугадывать будущее, воспрепятствуеть прибъгать къ предсказаніямъ, которыя обыкновенно повергаютъ только насъ въ предсказанное несчастье, благодаря тымъ стараніямъ, которыя мы прилагаемъ, чтобы избѣжать его. Въ самомъ дѣлѣ, несомивно, что Эдипъ никогда не убилъ бы отца своего и не женился бы на матери, если бы его отецъ и мать, которымъ оракулъ предсказалъ, что это случится, не навлекли на него этого несчастья изъ опасенія, чтобы оно не совершилось. Такимъ образомъ, не только Лаій и Іокаста будутъ виновниками ощущаемаго зрителемъ страха, но страхъ этотъ можетъ родиться лишь отъ мысли о преступленіи, совершенномъ ими за сорокъ лѣтъ до начала представляемаго дѣйствія, и запечатлѣвается въ насъ не главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, а другими и дѣйствіемъ, стоящимъ внѣ трагедіи.

Въ заключеніе, установимъ правиломъ, что совершенство трагедіи состоитъ въ возбужденіи состраданія и страха припосредствѣ одного главнаго дѣйствующаго лица, какимъ является Родрикъ въ Сидѣ и Плацитъ въ Теодорѣ, но что это не представляетъ такой безусловной необходимости, чтобы нельзя было пользоваться различными личностями для возбужденія этихъ двухъ чувствъ, какъ это мы видимъ въ Родогюнѣ, или дѣйствовать на зрителя только однимъ изъ этихъ чувствъ, какъ въ Поліевктѣ, представленіе котораго возбуждаетъ только состраданіе безъ всякой примѣси страха.

11.

Я держусь того мивнія, что единство двйствія состоить— въ комедіи—въ единствв интриги или препятствіи намвреніямъ главныхъ двйствующихъ лицъ, а въ трагедіи — въ единствв объдствія, падаетъ ли подъ нимъ герой ея, или выходитъ изъ него невредимымъ. Я не отрицаю этимъ возможности вводить ивсколько объдствій въ трагедію и ивсколько интригъ или препятствій въ комедію, лишь бы только одно изъ нихъ необходимо влекло за собой другое. Тогда освобожденіе отъ перваго объдствія не завершитъ собою двйствія, потому что самое это освобожденіе повергаетъ героя въ новое объдствіе;

такъ же точно развязка первой интриги не успокоитъ дѣйствующихъ лицъ, потому что самая эта развязка запутываетъ ихъ въ новую интригу. У древнихъ я не припоминаю такого примѣра множественности связанныхъ одно съ другимъ бѣдствій, гдѣ бы не было нарушено единство дѣйствія; изъ моихъ же пьесъ укажу на Горація и на Теодору, въ которыхъ двойственность бѣдствія является также недостаткомъ, такъ какъ вовсе не было надобности, чтобы Горацій, выйдя побѣдителемъ, убилъ свою сестру, ни чтобы Теодора, избѣжавъ насилія, предала себя мученической смерти; я думаю, что не сдѣлаю крупной ошибки, если скажу, что смерть Поликсены и смерть Астинакса въ Троадѣ Сенеки представляютъ такого же рода неправильность.

Съ другой стороны, выражение: "единство дъйствія" не слёдуеть понимать въ томъ смысле, что трагедія должна дать зрителямъ одно обособленное дъйствіе. Избранное поэтомъ дъйствіе должно имъть начало, средину и конець; и эти три части не только представляють собою каждая отдельное дъйствіе, входящее въ составъ главнаго, но, кромъ того, каждая изъ нихъ можетъ заключать въ себъ новыя дъйствія съ такою же степенью подчиненія. Такимъ образомь, дівствіе полное, завершонное, удовлетворяющее уму зрителя, должно быть одно; но полнымъ оно можетъ сдълаться не иначе, какъ при посредствъ нъсколькихъ другихъ, его слагающихъ и возбуждающихъ въ зрителѣ пріятное ожиданіе дальнъйшаго хода пьесы. Это послъднее особенно необходимо въ концъ каждаго акта для непрерывности дъйствія. Нътъ надобности, чтобъ зритель въ точности зналъ все, что дълають лица пьесы въ промежутокъ между актами, ни даже о томъ, дъйствують ли они, когда отсутствують на сцень; но необходимо, чтобы каждый актъ оставляль ожидание чего-то, что должно произойти въ следующемъ за нимъ акте.

Если бы вы спросили меня, что дёлаетъ Клеопатра въ Родогюнъ послъ сцены съ сыновьями во второмъ актъ, до свиданія съ Антіохомъ въ четвертомъ, я очень затруднился бы отвѣтомъ, да и не считаю себя обязаннымъ отдавать въ томъ отчетъ; но конецъ второго акта этой трагедіи подготовляетъ зрителя къ дружнымъ усиліямъ двухъ братьевъ достигнуть власти и укрыть Родогону отъ ядовитой ненависти своей матери; все это дѣйствительно и развивается въ третьемъ актѣ, конецъ котораго вновь подготовляетъ къ поныткѣ Антіоха повліять сначала на одну, потомъ на другую изъ враждующихъ женщинъ, и къ поступкамъ Селевка, вызывающимъ послѣднюю рѣшимость жестокой матери, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ожиданіе того, что предприметъ она въ пятомъ актѣ.

Говоря, что нётъ надобности отдавать отчетъ въ томъ, что дёлають дёйствующія лица въ то время, когда они не находятся на сцень, я нисколько не отрицаю, что это можетъ быть иногда вполнъ умъстнымъ; полагаю только, что этого нельзя поставить автору въ обязанность; онъ долженъ прибъгать къ разъясненію въ такомъ только случав, когда проистедшее за сценой можетъ способствовать пониманію того, что происходить передъ зрителемъ. Такъ, я ничего не говорю о томъ, что делаетъ Клеопатра со второго до четвертаго акта, потому что во все это время она могла не дълать ничего такого, что имъло бы значение для подготовляемаго мною главнаго действія; но съ первыхъ же стиховъ иятаго акта я разъясняю, что въ промежутокъ между двумя последними актами она совершила убійство Селевка, и разъясняю потому, что ділніе это составляеть часть дійствія. Последнее обстоятельство даеть мнё поводъ замётить, что нътъ никакой надобности, чтобы всъ частныя дъйствія, приводящія къ п'ытствію главному, происходили на глазахъ у зрителя: поэтъ долженъ избирать изъ нихъ только такія, которыя ему особенно выгодно развернуть на сценъ, по красотв представляемаго имъ зрвлища, по силв и движенію страстей, по какимъ-либо другимъ, свойственнымъ имъ, красивымъ особенностямъ, и скрывать другія за сценой, излагая ихъ для зрителя въ разсказъ, или давая ему знать о происшедшемъ какимъ-нибудь другимъ, искуснымъ способомъ; въ особенности же обязанъ онъ всегда помнить, что тв и другія должны им'єть между собою такую связь, чтобы посліднія вытекали изъ предшествовавшихъ имъ, и чтобы всі они имъли своимъ источникомъ протазисъ1), заканчивающійся первымъ актомъ. Правило это хотя и ново и несогласно съ обычаемъ древнихъ, можетъ быть однакожъ подтверждено двумя ссылками на Аристотеля. Вотъ первая: "большая разница, " говорить онъ, "между событіями, которыя совершаются одни послѣ другихъ, и такими, изъ которыхъ одни совершаются по причинъ другихъ". Въ Сидъ лавры приходятъ послѣ смерти графа, а не по причинѣ его смерти; это - недостатокъ трагедін. Второе м'ясто еще рушительнуе, въ немъ прямо говорится, что "все, происходящее въ трагедін, должно вытекать по необходимости или по вероятію изъ того, что ему предшествовало".

Связь между сценами, соединяющая одно съ другимъ всъ частныя дъйствія каждато акта, составляетъ большое украшеніе поэмы и много способствуетъ образованію непрерывности дъйствія вслъдствіе непрерывности представленія; но во всякомъ случать это только украшеніе и не можетъ быть возведено въ правило. Древніе не всегда употребляли этотъ пріємъ, хотя у нихъ акты состоятъ большею частью только изъ двухъ или трехъ сценъ, и имъ гораздо легче было наблюсти связь между сценами, чтмъ намъ, помѣщающимъ въ одномъ актъ отъ девяти до десяти сценъ. У Софокла, напримъръ, предсмертный монологъ Аякса не имъетъ никакой связи ни съ предшествующей, ни съ послъдующей сценой. Ученые нашего въка, взявшіе себъ за образецъ трагедіи древнихъ, еще болье пренебрегали этой связью; довольно бросить взглядъ на трагедію Буханана, Гроціуса и Гейнзіуса,

⁴⁾ На основанія древне-классической теоріи въ драматическихъ произведеніяхъ должны быть три части: протазист — изложеніе, вступленіе, эпитазист—завязка и катастазист—развязка. Ред.

чтобъ убѣдиться въ этомъ. Мы же въ такой степени пріучили къ ней нашихъ зрителей, что они не пропустятъ ни одной отрывочной сцены, не отмѣтивъ ее въ числѣ недостатковъ; глазъ и ухо непріятно поражаются такой отрывочностью даже раньше, чѣмъ разумъ успѣетъ сдѣлать заключеніе. Четвертый актъ Цинны стоитъ ниже другихъ именно потому, что не удовлетворяетъ этому требованію; и вотъ—то, что прежде пикогда не составляло непремѣннаго требованія, возводится теперь въ правило, вслѣдствіе постояннаго и настойчиваго примѣненія на практикѣ.

Хотя действіе драматической поэмы и должно быть едино, но въ немъ следуетъ различать две части: завязку и развязку. "Завязка составляется", говоритъ Аристотель, "частью изъ того, что произошло не на театръ, до начала изображаемаго действія, частью же изъ того, что на немъ происходить; остальное принадлежить развязкв. Перемвна счастья дъйствующихъ лицъ составляетъ переломъ между этими двумя частями. Все, что ему предшествуеть, относится къ первой, самый же переломъ съ тъмъ, что за нимъ слъдуетъ, -- ко второй". Завязка зависить вполнъ отъ выбора и богатства воображенія поэта, а потому для нея нельзя дать правиль, кромѣ развѣ того, что все въ ней должно быть соображено на основаніи в'троятности или необходимости. Прибавлю къ этому совътъ — какъ можно менъе впутываться въ событія, случившіяся до представляемаго д'вйствія. Подобные разсказы вызывають обыкновенно нетерпиніе, такъ какъ ихъ не ожидають; кром'в того, они обременяють умъ слушателя, принуждая его нагружать свою память тъмъ, что происходило за десять или за двънадцать лътъ, чтобы понять представленіе; но разсказы о событіяхъ, наступающихъ и происходящихъ за сценой со времени начала дъйствія, всегда производять лучшее впечатленіе, потому что ожидаются съ некоторымъ любопытствомъ и составляютъ часть представляемаго дъйствія. Одна изъ причинъ, доставившихъ Циннъ такъ много почетныхъ отзывовъ, ставящихъ эту трагедію выше всёхъ

другихъ моихъ произведеній, заключается въ томъ, что въ ней нъть разсказовъ о прошедшемъ, такъ какъ разсказъ, который Цинна дёлаеть Эмиліи о своемъ заговорів, представляетъ скорве украшеніе, ласкающее зрителей, чвмъ необходимый перечень подробностей, который они обязаны знать и запечатлёть въ памяти для пониманія того, что будеть следовать: Эмилія достаточно выясняеть имъ въ двухъ первыхъ сценахъ, что Цинна составляетъ заговоръ противъ Августа съ цълью отомстить за смерть ея отца; если бы Цинна сказала ей просто, что заговорщики готовы къ завтрашнему дню, онъ совершенно на столько же подвинулъ бы дъйствіе, какъ и тою сотнею стиховъ, въ которыхъ передаетъ и свою рвчь къ нимъ, и общее ихъ рвшеніе. Бываютъ интриги, ведущія свое начало отъ самаго рожденія героя, какъ это мы видимъ въ Гераклін; но такія сильныя напряженія поэтическаго ума требуютъ также необыкновеннаго напряженія вниманія у зрителя и часто мішають полному его наслажденію на первыхъ представленіяхъ, - до того они утомляютъ ero!

Въ развязкъ слъдуетъ избъгать двухъ вещей: простой перемъны намъреній и машины (deus ex machina ¹). Немного нужно искусства, чтобы кончить поэму, когда лицо, создавшее препятствія намъреніямъ главныхъ дъйствующихъ лицъ, отступаетъ въ пятомъ актъ, не будучи къ тому вынуждено никакимъ выдающимся событіемъ. Не болѣе того требуетъ отъ искусства и машина, когда она является для того только, чтобъ спустить бога, улаживающаго всѣ дѣла какъ разъ въ то время, когда дъйствующія лица не знаютъ, какъ въ нихъ разобраться. Таково появленіе Аполлона въ Орестѣ Эврипида. Оно не имъетъ никакого основанія въ ходѣ вещей, и потому портитъ развязку.

¹⁾ Такъ называется неожиданно благопріятная развязка въ древнеклассическихъ трагедіяхъ, состоящая въ томъ, что неизбъжная, казалось, катастрофа неожиданно разръшается появленіемъ бога, опущеннаго на сцену посредствомъ машинъ.

Правило единства времени основано на словахъ Аристотеля, что "трагедія должна заключать продолжительность своего д'виствія въ одномъ оборотів солнца или стараться лишь немного выходить изъ него". Эти слова даютъ поводъ къ знаменитому спору, следуетъ ли въ нихъ понимать естественный день въ двадцать четыре часа, или искусственный-въ двѣнадцать; каждое изъ этихъ мнѣній имѣетъ значительное число сторонниковъ; я же нахожу, что есть сюжеты, такъ трудно укладывающіеся въ столь короткое время, что для нихъ не только можно уступить полные двадцать четыре часа, но даже, воспользовавшись позволениемъ Аристотеля, выйти изъ этого предъла и смъло продлить его до тридцати часовъ. Авторы бываютъ иногда очень стъснены этимъ принудительнымъ правиломъ; оно заставило нѣкоторыхъ изъ древнихъ дойти до невозможнаго! Такъ, у Эвриинда, въ Просительницахъ, Тезей отправляется съ арміею изъ Авинъ, даетъ сражение передъ ствиами Өнвъ, то-есть въ разстояній двінадцати или пятнадцати миль, и возвращается побъдителемъ въ слъдующемъ актъ; со времени же его отбытія до появленія в'єстника, приносящаго изв'єстіе о его победе, Этра и хоръ успевають произнести всего лишь тридцать шесть стиховъ. Очевидно, не мало работы для такого короткаго промежутка времени. Сидъ и Помпей, въ которыхъ дъйствіе идетъ довольно иосившно, слишкомъ далеки отъ такой вольности; если они насколько и насилуютъ общепринятую въроятность, то во всякомъ случав не доходять до подобныхъ невозможностей.

Многіе называють это правило тираническимь, и съ ними слідовало бы согласиться, если бы оно было основано только на авторитет Аристотеля. Но оно имість за себя естественную необходимость, которая и заставляеть принять его. Драматическая поэма есть подражаніе человіческимь дійствіямь, или, лучше сказать, ихъ изображеніе, портреть. Портреты же, безъ сомнінія, тімь превосходнів, чімь боліве они похожи на оригиналь. Представленіе продолжается два

часа и можетъ имъть совершенное сходство въ томъ лишь случав, когда представляемое имъ дъйствіе не требуетъ большаго времени въ дъйствительности. Итакъ не будемъ останавливаться ни на двінадцати, ни на двадцати четырехъ часахъ, но постараемся ограничить дъйствіе поэмы наименьшею продолжительностію времени, какая только намъ булетъ возможна, для того, чтобы представление его имъло болъе сходства и было болбе совершенно. Дадимъ первому, если можно, только тв два часа, которые длится второе: я не думаю, чтобы действіе Родогюны требовало боле времени, и, въроятно, въ два часа могло бы совершиться дъйствіе Цинны. Если же мы не можемъ заключить его въ эти пва часа, возьмемъ четыре, шесть, девять, но постараемся не слишкомъ переходить за двадцать четыре часа, чтобы не впасть въ безпорядочность и не обезобразить портрета, лишивъ его соотвътственныхъ дъйствительности размъровъ.

Въ особенности хотълъ бы я, чтобы продолжительность дъйствія была предоставлена воображенію зрителей, и чтобы занимаемое дъйствіемъ время никогда не указывалось, если того не требують сюжеты, особенно же тогда, когда въроятность этого действія нёсколько натянута, какъ въ Сиде; иначе — это только обнаружить, что оно велется слишкомъ посившно. Даже если необходимость соблюдать единство времени и не отразилась вредно на поэмъ, - какая надобность отм'вчать при открытіи занав'вса, что солнце восходить, что въ третьемъ актъ наступаетъ полдень, а въ концъ последняго закать? Это будеть натянутость, которая можеть только надойсть; достаточно, чтобы была установлена возможность действія въ теченіе того времени, въ которое его заключають, и чтобы зрителю не трудно было сообразить продолжительность этого времени безъ всякаго умственнаго напряженія. Даже въ дійствіяхь, которыя иміноть такую же продолжительность, какъ и представленіе, было бы весьма не красиво, если бы изъ акта въ актъ стали отмвчать, что отъ одного изъ нихъ до другого прошло уже полчаса времени.

Когда избранное нами дъйствіе требуетъ болье продолжительнаго времени, напримъръ, десяти часовъ, я хотълъ бы, чтобы восемь изъ нихъ, которыхъ у насъ недостаетъ, протекали въ промежуткахъ между актами, и чтобы каждый актъ имълъ собственно для себя только такую продолжительность действія, которая равна продолжительности его представленія; это особенно важно, когда между сценами существуетъ непрерывная связь, потому что эта связь не можетъ допустить пустого промежутка между двумя сценами. Думаю, однакоже, что пятый актъ, по особенному преимуществу, имфетъ нфкоторое право на ускорение хода событий, такъ что та часть действія, которую онъ представляєть, можеть занимать въ дъйствительности болье времени, чъмъ сколько будеть употреблено на ея представление. Причина здёсь та, что въ зрителѣ возбуждается нетерпѣніе поскорѣе увидѣть конець, и если этотъ конецъ зависить отъ дъйствующихъ лицъ, ушедшихъ съ подмостковъ, то всякій разговоръ, какой вы вложите въ уста остающихся на подмосткахъ и ожидающихъ извъстій объ отсутствующихъ, будетъ только томить и казаться вялымъ. Такъ Сидъ не умвлъ бы въ дъйствительности сразиться съ Донъ-Санхо за то время, пока инфанта ведетъ разговоръ съ Леонорой и Химена съ Эльвирой. Я это видълъ, но не остановился передъ необходимой поспътностью, примъры которой, можетъ быть даже въ значительномъ числъ, мы можемъ найти и у древнихъ.

Когда конецъ дъйствія зависить отъ лицъ, не покидающихъ подмостковъ и не заставляющихъ ожидать о себь извъстій, какъ въ Циннъ и въ Родогонъ, то пятый актъ не имъетъ надобности въ этомъ преимуществъ, потому что тогда все дъйствіе происходитъ на глазахъ у зрителей. Другіе акты не допускаютъ подобныхъ смягченій. Если продолжительность событія не позволяетъ вновь ввести дъйствующее лицо, вышедшее въ томъ же актъ, или дать знать, что оно дълало со времени выхода, можно это отложить до слъдующаго акта; оркестръ, раздъляющій акты, можетъ поглотить

какъ разъ все необходимое для совершенія дѣйствія время; но для пятаго акта нѣтъ такого исхода; вниманіе истощено и—конецъ неизбѣженъ.

Не могу пройти молчаніемъ, что, хотя мы и обязаны сводить всякое трагическое действие къ одному дню, это не мѣшаетъ сообщить въ трагедін разсказомъ, или какимъ-нибудь другимъ, болве искуснымъ способомъ то, что двлалъ герой ен въ теченіе многихъ л'ьтъ. Не стану повторять здёсь, что чёмъ менёе авторъ углубляется въ прошедшія двиствія, твиъ благосклоннье будеть къ нему зритель, не ствсненный необходимостью обременять свою память разсказами и наблюдающій только происходящія передъ нимъ дійствія: но полженъ сказать, что выборъ знаменитаго и ожидаемаго съ нъкотораго времени дня составляетъ большое украшеніе поэмы. Не всегда можно найти къ тому случай; изъ всего, что я написалъ, вы найдете только четыре пьесы, удовлетворяющія этому условію: Горацій, въ которой споръ двухъ народовъ о первенствъ ръшается битвою, Родогона, Андромеда и Донъ-Санхо. Въ Родогюнъ избранъ день, назначенный двумя враждебными повелителями для выполненія условія заключеннаго ими мира, день, въ который должно последовать полное умиротворение двухъ соперницъ бракомъ одной изъ нихъ съ сыномъ другой, и должна быть разъяснена болъе чъмъ двадцатильтняя тайна о правъ первородства между двумя принцами-близнецами, тайна, отъ которой зависить ихъ право на престолъ и успъхъ ихъ въ любви. Въ Андромедъ и въ Донъ-Санхо дни не менъе значительны; но, какъ я уже сказалъ, случаи къ такому выбору представляются не часто; въ другихъ моихъ произведеніяхъ я могъ избрать дни, зам'вчательные только по случайному наплыву событій, а не по предназначенію.

Относительно единства мѣста я не нахожу никакого указанія ни у Аристотеля, ни у Горація; на этомъ основаніи нѣкоторые полагаютъ, что такое правило установилось только, какъ слѣдствіе единства времени, и что мѣсто можно

распространять на такое разстояніе, какое человъкъ можетъ пройти туда и обратно въ двадцать четыре часа. Мивніе это несколько своевольно, такъ какъ предположивъ, что двйствующія лица вздять на почтовыхь, пришлось бы на двухъ сторонахъ театра изобразить Парижъ и Руанъ. Я желаль бы для полнаго удовлетворенія зрителя, чтобы представляемое передъ нимъ въ продолжение двухъ часовъ могло дъйствительно произойти въ два часа, и чтобы то, что онъ видить на театръ, который во время представленія не измъняется, могло быть сосредоточено въ одной комнатъ или въ одной залъ, смотря по вибору; но часто это такъ неудобно, чтобы не сказать невозможно, что сама необходимость заставляетъ взыскивать некоторое расширение для места, какъ и для времени. Я въ точности выполнилъ правило единства мъста въ Гораціи, въ Полізвить и въ Помпев, но для этого нужно либо вводить одно только женское лицо, какъ въ Полізвктв, либо-чтобы двв женщины имвли такую дружбу другъ къ другу и такіе общіе интересы, которые бы дълали ихъ неразлучными, какъ въ Гораціи, либо — чтобы они имъли случай, какъ въ Помиев-Клеопатра во второмъ актъ и Корнелія въ пятомъ, — подъ вліяніемъ естественнаго любопытства, выходить каждая изъ своего покоя и появляться въ большой дворцовой залѣ въ тревожномъ ожиданіи извѣстій. Совсьмъ не то въ Родогюнь: интересы двухъ женщинъ, Клеопатры и Родогоны, слишкомъ различны, чтобы онъ могли изъяснять самыя тайныя свои мысли въ одномъ и томъ же мъстъ. Вотъ почему первый актъ этой трагедін долженъ бы быль происходить въ передней комнать Родогоны, второй въ комнатв Клеопатры, третій-въ комнатв Родогоны; четвертый могъ бы начаться тутъ же, но конецъ его, разговоръ Клеопатры съ сыновьями, непремънно долженъ бы быть отнесенъ въ другое мъсто. Для иятаго необходима большая аудіенцъ-зала, въ которой могла бы помъститься огромная толпа народа.

Древніе, избиравшіе містомъ дійствія городскія площади, не были такъ сильно стіснены правиломъ единства міста; однако же Софоклъ нарушиль его въ Аяксі, который, оставивъ сцену въ наміреніи лишить себя жизни въ уединенномъ місті, возвращается и убиваеть себя на глазахъ у всіхъ; не трудно заключить, что онъ убиваеть себя не на томъ місті, которое передъ этимъ покинулъ.

Мы не представляемъ себв такой свободы удалять въ другое мвсто королей и принцессъ изъ ихъ покоевъ; а такъ какъ часто различіе и противоположность интересовъ лицъ, живущихъ въ одномъ и томъ же дворцв, не допускаютъ, чтобы они поввряли свои тайны въ одной и той же комнатв, то намъ надо искать другого приспособленія къ правилу единства мвста, если мы хотимъ сохранить его во всвхъ нашихъ поэмахъ; иначе пришлось бы осудить многихъ авторовъ, имвющихъ огромный успвхъ.

Я держусь того мнвнія, что надо стараться достигать безусловнаго единства мъста, насколько это возможно; но такъ какъ оно не мирится со всякимъ сюжетомъ, я готовъ охотно согласиться, что действіе, происходящее въ одномъ и томъ же городъ, удовлетворяетъ единству мъста. Это не значить, что я хочу, чтобы театръ представляль весь этотъ городъ, — это было бы несколько общирно — но только два или три отдёльныя мёста, заключенныя въ стёнахъ его. Такъ, дъйствіе Цинны не выходить изъ предвловъ Рима и совершается частью въ покояхъ Августа, въ его дворцъ, частью въ дом'в Эмиліи. Въ Сид'в частныя м'вста д'вйствія гораздо многочисленнъе, но не выходятъ изъ предъловъ Севильи. Безъ сомевнія, эта многочисленность является уже до извъстной степени своеволіемъ. Чтобы нъсколько упорядочить двойственность міста, когда она неизбіжна, слідуеть соблюдать двв вещи: во-первыхъ, никогда не мвнять мвста двйствія въ одномъ и томъ же акті, но только изъ акта въ акть, какь это дёлается въ первыхъ трехъ дёйствіяхъ Цинны; во-вторыхъ, эти два мъста не должны имъть надобности въ различныхъ декораціяхъ, и ни одно изъ нихъ не должно быть называемо; обозначается только общее мѣсто, въ которомъ оба они находятся, какъ Парижъ, Римъ, Ліонъ, Константинополь и т. д. Это поможетъ ввести въ заблужденіе зрителя, который, не видя ничего, что могло би его навести на мысль о различіи мѣстъ, не замѣтитъ необходимости перемѣны, безъ особенно тонкаго критическаго размышленія, на которое немногіе изъ нихъ способны, такъ какъ большинство горячо приковывается къ представляемому дѣйствію.

Вотъ мои мивнія, или, если хотите, моя ересь относительно главныхъ положеній искусства: я не умівю лучше согласовать древнія правила съ новыми требованіями. Не сомнівнюсь, что не трудно найти лучшіе способы, и съ готовностью послівдую имъ, когда они будутъ испытаны на практиків съ такимъ же успівхомъ, какого удостоились тів, которые я прилагаль въ монхъ произведеніяхъ.

2) Расинъ.

Э. Фаге 1).

Какъ понималъ Расинъ драматическое искусство?

Расинъ въ трагедіи представляєть возвращеніе къ естественнымъ чувствамъ и истиннымъ нравамъ, которыхъ представителемъ и начинателемъ явился Мольеръ въ комедіи. Не надо забывать, что прямое вліяніе Мольера на Расина вначалѣ должно было быть великимъ. "Общество четырехъ друзей" (Мольеръ, Лафонтенъ, Буало, Расинъ), о которыхъ говоритъ Лафонтенъ въ своей "Психев", продолжается отъ 1660 до 1665 года, то-есть въ то время, когда Расину было отъ 20 до 25 лѣтъ, а Мольеру отъ 38 до 43. Авторитетъ возраста могъ придать совѣтамъ Мольера вѣсъ настоящихъ правилъ хорошаго вкуса.

Примемъ въ расчетъ, кромѣ того, что въ это время Расинъ былъ еще ученикомъ, только начинающимъ литерато-

¹⁾ Emile Faguet, проф., лицея въ Парижѣ. Перев. В. Покровскаго.

ромъ, между тѣмъ какъ Мольеръ былъ уже директоромъ театра, уже извѣстнымъ авторомъ, и въ хорошихъ отношеніяхъ съ дворомъ, человѣкомъ важнымъ въ городѣ и всѣмъ извѣстнымъ; вспомнимъ, что онъ не признаетъ первыхъ опытовъ Расина, объясняетъ ему причины своего отказа, предлагаетъ ему сюжеты, работаетъ съ нимъ, играетъ наконецъ его первыя трагедіи въ то время, когда самъ даетъ своему театру "Школу женщинъ" и "Донъ-Жуана", а двору—первые акты "Тартюфа". Итакъ, между Мольеромъ и Расиномъ были отношенія учителя къ ученику и знаменитаго автора къ начинающему. Вліяніе одного на другого должно быть великимъ и продолжительнымъ.

Въ самомъ деле, кажется, что они понимали театръ одинаково, кром'й различій, необходимо связанныхъ съ различными родами сочиненій; но и различія эти очень смягчались съ объихъ сторонъ. Расинъ почти высокомърно и энергично провозглащаетъ необходимость во всемъ возвращаться къ естественному и удаляться сверхъестественнаго, необыкновеннаго. Въ предисловіи къ Британнику онъ объявляеть свой литературный манифесть. "Вмъсто дъйствія простого, съ небольшимъ числомъ происшествій, какимъ и должно быть дъйствіе, происходящее въ одинъ день, которое постепенно подвигается къ концу и поддерживается интересами и страстями действующихъ лицъ, следовало бы пополнить это действіе множествомъ инцидентовъ... множествомъ театральныхъ поразительныхъ и неправдоподобныхъ эффектовъ, безконечной декламаціей... Вотъ, безъ сомнінія, чімъ можно заставить возопить отъ удивленія этихъ господъ (его противниковъ)".

Вся теорія драмы Расина въ этой стать в. Сюжетъ несложный, мало событій, инчего поразительнаго, ничего неправдоподобнаго. Дъйствіе простое, послъдовательность, игра интересовъ и страстей лицъ, и больше ничего. Для Корнеля трагедія была представленіемъ и развитіемъ на сцент великаго историческаго событія. Онъ искалъ "великихъ сюжетовъ". Расинъ ищетъ только интересныхъ характеровъ.

Современники хорошо это видѣли съ самого начала. Сентъ Евремонъ, партизанъ Корнеля, смѣется надъ этимъ нововведеніемъ Расина: "Признаюсь, были времена, когда надо было выбирать прекрасные сюжеты и ихъ разработывать. Не нужно больше ничего, кромѣ характеровъ... Расина предпочитаютъ Корнелю, характеры одерживаютъ верхъ надъ сюжетами". А Сегрэ, усиливая, говоритъ:

"У Расина недостаетъ матеріала.... Въ одной сценъ Корнеля больше матеріала, чъмъ въ цълой пьесъ Расина".

Послѣдній самъ сознается, но не извиняется въ этомъ, напротивъ, ставитъ себѣ это въ заслугу. Можно сказать, что у него нѣтъ вкуса къ великимъ сюжетамъ. По поводу "Берениса" онъ пишетъ: "Давно хотѣлъ я испытать, буду ли въ состояніи написать трагедію съ тою простотою дѣйствія, какая такъ нравилась древнимъ. Есть люди, полагающіе, что эта простата есть признакъ недостаточнаго вымысла. Они не думаютъ, что вымыселъ состоитъ въ умѣньи сдѣлать что-нвбудь изъ ничего (то, что и было въ "Беренисѣ"), и что множество приключеній всегда было убѣжищемъ для поэтовъ, не находившихъ въ своемъ геніи ни достаточнаго изобилія мыслей, ни достаточно силы, чтобы въ продолженіе пяти актовъ умѣть привязать зрителей дѣйствіемъ простымъ, поддержаннымъ силою страстей, красотою чувства и изяществомъ выраженія".

Вотъ чѣмъ была трагедія для него; тѣмъ же комедія была для Мольера. Мало сюжета, мало интриги. Но основаніе не въ этомъ. Основаніе, и почти все въ драмѣ,—это изображеніе человѣческихъ страстей и развитіе ихъ послѣдствій. Но какихъ же страстей?—Страстей, общихъ всѣмъ людямъ, въ которыхъ люди того времени, когда онъ пишетъ, могли бы узнать себя.

Не слъдуетъ, чтобы люди были слишкомъ совершенными, или чтобы были извергами: они стали бы неправдоподобными, и публика не узнала бы себя въ нихъ. "Слъдуетъ придать нъсколько слабости Ипполиту и сдълать его немного виновнымъ передъ отцемъ". Слѣдуетъ, чтобы Федра "не была вполнѣ виновна, ни вполнѣ невинна". Слѣдуетъ, чтобы "добродѣтели дѣйствующихъ лицъ не были свободны отъ слабостей, и чтобы они впадали въ несчастье по какой-либо отибкѣ, которая заставила бы сожалѣть о нихъ, не возбуждая ненависти къ нимъ".

обыкновенный сюжеть, очень простое дъйствіе, характеры безъ необыкновеннаго величія и списанные съ окружающихъ насъ людей, это комедія. Въ основанін-да, конечно; и ученикъ Мольера задумалъ трагедію не иначе, какъ комедію, которая кончается дурно. Онъ первый во Францін сталь думать, что между трагедіей и комедіей есть разнипа только въ степени, но не по существу. Его трагедія скорве интимная, чвмъ историческая драма, потому что онъ скорве великій живописецъ страстей, чвмъ творецъ великихъ идей. Только изъ основы комедін можеть выйти трагедія, и даже ужасная, или скорбе, для Расина и для Мольера, обыкновенныя страсти человъчества составляють общій матеріаль, изъ котораго одинь выводить комическое, а другойжалобное и страшное. Для этого достаточно, чтобы одинъ показалъ страсти человъческія съ ихъ легкими послъдствіями, а другой тв же страсти съ великими следствіями, до какихъ онв могутъ дойти.

• Мольеръ беретъ обыкновенныхъ людей съ обыкновенными страстями и вводитъ ихъ въ такое дѣйствіе, которое выведетъ изъ ихъ страстей только неважное слѣдствіе. Расинъ беретъ тѣхъ же людей, ставитъ ихъ въ такое дѣйствіе, которое изъ этихъ страстей выводитъ великія послѣдствія, и мы получаемъ тотъ родъ трагедій, которая чаще всего начинается, какъ комедія, и кончается, какъ кровавая драма.

Это потому, что Мольеръ не выжимаетъ изъ этихъ страстей все то, что онъ въ себъ содержатъ; Расинъ доводитъ ихъ до крайности и показываетъ намъ весь заключавшійся въ нихъ ужасъ, откуда слъдуетъ, что Мольеръ часто даетъ подозръвать трагическое въ человъческихъ страстяхъ, между

твмъ какъ Расинъ выставляетъ это на показъ. Скрытое трагическое Мольера раскрывается у Расина и ярко освъщается.

Въ Митридатѣ есть все, чѣмъ могъ быть Гарпагонъ, доведенный до крайности. Андромаха и Баязетъ—это любовныя неудовольствія, доведенныя до преступленія. Федра—комедія алькова, которая оканчивается домашнею трагедіей. Неронъ есть Донъ-Жуанъ, болѣе пошлый, но и болѣе жестокій, чѣмъ въ комедіи.

Отсюда происходить то, что, когда Мольерь далеко идеть по этому склону къ трагическому, которое ему свойственно, и пока Расинъ только на полдорогъ по тому же пути, они соприкасаются даже въ тонъ. Сцены во второмъ актъ Андромахи и сцены въ Мизантропъ одного тона, и Вольтеръ замъчаетъ, что въ Андромахъ слишкомъ замътенъ слогъ комедіи.

Изъ трагедін, задуманной такимъ образомъ, Расинъ вывель эффекты ужаса и жалости, до него неизвѣстные. Отъ этихъ обыкновенныхъ и доведенныхъ до ихъ нагубныхъ слѣдствій страстей мы уже не получимъ возвышенныхъ и очищающихъ сильныхъ волненій, къ какимъ пріучилъ насъ Корнель. Но передъ нашими взорами будутъ выставлены бѣдствія человѣчества, возбуждающія въ сердцахъ нашихъ глубокую жалость. Мы получимъ то, что одинъ греческій авторъ сказалъ объ Эврипидѣ, которому Расинъ такъ часто подражалъ: страшное зрѣлище человѣческой души, раздираемой и искажаемой несчастіемъ.

Расинъ, что бы ни думала о немъ нѣкогда странно поверхностная критика, не нѣженъ, или бываетъ такимъ иногда въ выраженіи; онъ очень склоненъ итти до конца въ страшныхъ слѣдствіяхъ страсти, увлекающей человѣка и поражающей его, то-есть доводящей до преступленія, отчаянія, самоубійства, безумія. Андромаха оканчивается убійствомъ, самоубійствомъ и сценой безумія; Британикъ—братоубійствомъ и припадкомъ изступленія; Баязетъ— "великой рѣзней", которая удивляла г-жу де-Севинье; Митридатъ и Ифигенія — само-

убійствомъ, Федра — смертью сына, осужденнаго отцомъ, и самоубійствомъ, не считая сценъ пом'вшательства и галлюцинацій, содержащихся въ этой пьес'в; Гооолія оканчивается убійствомъ въ храмѣ. Только въ одной Беренис'в ність ни убійства, ни припадковъ безумія; только въ Эсопри развязка счастливая.

Корнель изобразилъ новое патетическое — патетическіе восторги. Расинъ почти изобрѣлъ новую роковую судьбу, — судьбу сильныхъ страстей, хотя общихъ и обыкновенныхъ въ основаніи, которыя, овладѣвая людьми, подобными намъ, въ подобномъ нашему положеніи, бросаютъ ихъ въ послѣднюю крайность, къ полной гибели, къ потерѣ ихъ добродѣтели, ихъ чести, ихъ разсудка... и наконецъ, по словамъ Шекспира, "смерть въ концѣ всего".

Въ этомъ тайна его великаго владычества на сценъ. Поколънія смъняются, и вст приходять плакать и содрогаться передъ собственными страстями, такъ спльно изображенными, и бъдствіями, которыя онт влекуть за собою, не вынося изъ этого театра большаго правственнаго поученія, но тронутыя до глубины души тъмъ, что въ простомъ приключеніи, въ какое можетъ впасть каждый изъ насъ, заключается столько горя, терзаній, томленія, несчастій и преступленій.

3) Французско-классическая трагедія.

(А. Д. Галахова).

Французско-классическая трагедія, образцы кототорой впервые даны намъ Сумароковымъ, возникла подъ двумя вліяніями: вопервыхъ, подъ вліяніемъ пінтической теоріи Аристотеля и греческихъ трагедій; вовторыхъ, подъ вліяніемъ національнаго характера французовъ и состоянія ихъ общественной жизни въ XVII и XVIII вѣкахъ. Понятно, что трагическая система, сложившаяся подъ дѣйствіемъ такихъ разнородныхъ элементовъ, должна была выйти не естественнымъ и оригинальнымъ явленіемъ искусства, а искусственнымъ и ложнымъ.

Въ основъ ел лежатъ двъ цивилизаціп: античная и новохристіанская, отдівленныя одна отъ другой многими віжами, различныя во всёхъ отношеніяхъ, не допускающія никакого соглашенія, или допускающія соглашеніе насильственное. Заимствуя миоологические и исторические сюжеты греческой трагедін, французскіе писатели изміняли ихъ по требованіямъ своего въка и тъмъ искажали какъ миоологію, такъ и исторію. Действующія лица, въ противоположность ихъ національному характеру, изображались по идеалу геропческаго величія, какъ онъ сложился въ представленіи французскаго общества, въ эпоху Людовика XIV, при дворѣ котораго ложно-классическая трагедія достигла своего цвітущаго состоянія. Являясь не въ своемъ настоящемъ видъ и духъ, греки и римляне не были однакожъ и чистокровными французами. Прим'вры отступленій французской трагедін отъ ея подлинниковъ весьма часты. Такъ, одна французская трагедія, имфющая сюжетомъ судьбу Эдипа, изм'внила своему подлиннику (Эдипу Колонейскому, Софокла) въ той сценъ, гдъ Полиникъ приходитъ вымаливать прощеніе у оскорбленнаго имъ отца. Софокловъ Эдипъ, согласно понятіямъ своего времени о родительскомъ авторитеть, не только не прощаеть сына, но даже отсылаеть его отъ себя съ проклятіемъ. Напротивъ, подражатель Софокла, какъ христіанинъ, заставилъ Эдипа изречь прощеніе, и такимъ отступленіемъ отъ подлинника исказилъ образъ страдальца: въ самомъ дѣлѣ, если главное лицо піесы-дѣйствительно Эдипъ, то оно не могло простить Полиника; если же это лице простило, то оно-не Эдипъ. Вотъ еще нъсколько прим'вровъ. Ахиллъ, въ Расиновой трагедін "Ифигенія въ въ Авлидъ", вовсе не похожъ на Гомерова Ахвилла: въ послъднемъ нётъ и тёни того рыцарскаго духа, той деликатности чувствъ и изящной въжливости, какою отличается первый. Да и трудно вообразить подобныя качества въ такую эпоху народной жизни, когда еще существовало принесеніе людей въ жертву. При изображении легендарныхъ сюжетовъ, французскіе трагики старались обходить чудесное, какъ суевъріе,

несогласное съ здравымъ смысломъ, и твмъ самымъ выступали изъ круга античныхъ религіозныхъ воззрѣній въ область разсудочности. Такъ, въ одной трагедін Тезей, на вопросъ придворнаго, - правда ли, что онъ сходилъ въ царство твней, - отвінаеть, что здравомыслящій человіть не должень върить такой нелъпости, и что этотъ слухъ быль имъ распущенъ изъ политическихъ видовъ. Тотъ вкусъ, тв нрави, обычан и свътскія приличія, которые образовались въ высшемъ французскомъ обществъ подъ вліяніемъ двора Людовика XIV и соблюдение которыхъ было обязательно въ литературь, вообще противоръчить сущности трагического. Трагизмъ состоитъ въ сильной душевной борьбъ, изъ которой нътъ исхода. Дъйствующія лица одушевлены или нравственной идеей, или страстью, - и въ такомъ положении открыто изливають свои мысли и чувства, забывая всв иныя отношенія, кром'в общечелов'вческихъ. Въ трагедіяхъ французскихъ, наоборотъ, господствуютъ строгій порядокъ, сдержанность, этикеть; сложность действія или быстрые переходы однихъ ощущеній къ другимъ воспрещается ими, какъ оскорбленіе міры; оні избігають патетическаго: павось заміняется у нихъ риторствомъ, ровное теченіе котораго только по временамъ, и то съ расчетомъ, возмущается страстными выходками. Главный законъ трагической системы французовъ заключается въ трехъ единствахъ (дъйствія, времени и мъста), "вив которыхъ ивтъ спасенія" (hors des trois unites il n'y a point de salut): единое дъйствіе, изображаемое въ піесъ, должно, отъ начала до конца, происходить въ одномъ и томъ же мъсть, въ теченіе 24-хъ часовъ. Онъ основанъ на невърно истолкованномъ ученіи Аристотелевой пінтики и на одностороннемъ знакомствѣ съ трагедіями грековъ. Другою основою служило ложное понятіе французской теоріи о такъ называемомъ очарованіи, подъ которымъ она разумівла не полноту и силу впечатленія, производимаго на зрителей представленіемъ піесы, а обманъ, т.-е. приведеніе зрителей въ такое состояніе, чтобы они вымысель автора приняли за дібиствительность и чувствовали бы себя не въ театръ, а въ жизни, на томъ самомъ мъсть, гдъ происходило событие. Но такое самозабвеніе невозможно: какого бы совершенства ни достигли механическая и декоративная части театра, какимъ бы искусствомъ ни отличалась игра актеровъ, піеса, при первомъ же поднятін занавѣса, представить зрителю многія неправдоподобныя вещи, и слёдовательно разочаруеть его: напримёръ, вритель услышить, что греки говорять не на своемъ языкъ, а на чужомъ, и говорятъ стихами, а не прозой, — чего не было и не бываеть. Между твмъ малая мвра времени, отведенная французскими теоретиками трагедін, стіснила объемъ дъйствія и сдълала невозможнымъ всестороннее раскрытіе характеровъ. Дъйствующія лица являются въ нихъ не какъ цъльныя личности съ многообразными качествами, а только одною своею стороною, съ однимъ чувствомъ или страстью (любовь, ненависть, честолюбіе, великодушіе...), которая и остается при нихъ во все продолжение дъйствия. Это и неестественно и утомительно. Чтобы познакомить зрителя съ тъмъ, что предшествовало событію, служащему сюжетомъ драмы, французы большею частію посвящали первый актъ экспозиців, т.-е. изложенію завязки. Такое изложеніе образуетъ эпическую часть піесы и своимъ характеромъ противоръчитъ сущности драмы, которая требуеть дійствія, а не разсказа о дъйствін, требуетъ овладьть воображеніемъ зрителя съ первой же сцены. При главныхъ дъйствующихъ лицахъ состоятъ очень часто ихъ наперсники и наперсницы: они, какъ довъренныя лица, выслушивають или повъствование о судьбъ героя или героини, или ихъ исповъдь чувствъ и мыслейтоже эпическій элементь, непригодный въ драмі, которая какъ о вившней исторіи, такъ и о внутреннемъ мірв всвхъ лицъ даетъ знать зрителю посредствомъ ихъ действій и соотвътственныхъ ръчей. Къ эпическому же элементу относятся донесенія въстниковъ о томъ, что происходило виъ сцены; въ этомъ случав французские трагики любили выказывать свое стихотворное искусство, и потому удлинияли разсказъ не

въ мъру: въ Федръ (Расина) Тезей вислушиваетъ долгій разсказъ объ ужасной смерти Ипполита, а въ Гораціяхъ (Корнеля) Камилла — столь же долгій разсказъ о смерти Куріацієвъ. Разсказчики какъ бы забыли, въ какомъ душевномъ положеніи должны были находиться и отецъ при въсти о гибели сына, и дочь Горація при въсти о гибели любимаго ею жениха. Разсудочность, преобладающая стихія въ духовномъ складъ французовъ, внесла въ трагедію элементъ резонерства: страсть не мъщаетъ героямъ и героинямъ разсчитывать и размъривать свое собственное положеніе, останавливаться съ запросами надъ своимъ чувствомъ.

Въ трагедіи д'вйствіе производится двумя д'вятелями: характерами лицъ и положеніями (ситуаціями), въ которыхъ лица находятся. Взаимное отношение этихъ дъятелей, внутренняго (характера) и вившняго (положенія), даетъ начало двумъ трагическимъ системамъ: въ одной положения обусловлены характеромъ, въ другой - характеръ опредъляется положеніями. Французско-классическая трагедія следовала второй системв. Трагики выбирали необычайныя положенія, ставили среди ихъ личность и завязывали борьбу между ел чувствами, - съ одной стороны, и данными обстоятельствами, съ другой. Въ ряду страстей, овладевающихъ душею человъка, они останавливали свое внимание чаще всего на любви. Она являлась у нихъ даже тамъ, гдв не была известна ни исторін ни преданіямъ: Расинъ надблилъ ею Ипполита (въ Федръ), тогда какъ у Еврипида (въ трагедін Ипполитъ), которому подражалъ Расинъ, оригинальность Тезеева сына п состоить именно въ свободъ сердца. Выше сказано, что герои и героини французскихъ трагедій выступали передъ зрителями не въ полнотъ своего характера, а только съ одною его стороною: поэтому авторы и употребляли все свое искусство на изображение этой стороны. Отъ достоинства изображения зависвло достоинство піесы. Этой-то французской трагической системѣ подражалъ Сумароковъ, слѣд. все, о ней сказанное примъняется и къ его піесамъ. Онъ самъ гордился тъмъ,

что "явилъ Расиновъ театръ Россамъ". Сущность подражательныхъ его трагедій-представленіе одной какой-либо страсти, а не цельнаго характера-была определена еще Карамзинымъ, сказавшимъ, что "Сумароковъ болве описывалъ чувства, нежели изображаль характеры въ ихъ естественной и нравственной истинъ". Главное мъсто между этими чувствами занимаетъ любовь. Изъ ея столкновеній съ долгомъ образуется борьба, на которую нередко указывають сами действующія лица, приведенныя въ необходимость выбрать одно изъ противоположныхъ влеченій и восклицающія въ припалкъ отчаянія: "о должность (долгь)! о любовь!" Крупные таланты, какъ, напримъръ, Расинъ, умъли съ успъхомъ бороться съ стъснительными условіями системы; у нихъ одна и та же страсть принимала, смотря по лицу, различный характеръ: любовь Герміоны (въ трагедін Андромаха) отлична отъ любви Роксаны (трагедія Баязеть), н- ревность Федры отлична отъ ревности Герміоны. И въ изображеніи одного лица они представляли полное развитие страсти со всеми ея перепетіями, отъ первой вспышки до катастрофы. Сумароковъ не владълъ такимъ искусствомъ: Оснельда въ Хоревъ, Семира въ трагедін того же имени, Ильмена въ Синавъ и Труворъ и любять, и выражають свою любовь одинаково. Всепоглощающее дъйствіе страсти доведено имъ до крайности въ Димитріи Самозванць. Этотъ чудовищный тиранъ и думаетъ, и говорить только о злодействахъ, хотя на самомъ дёлё онъ вовсе не такъ страшенъ, какъ бы следовало ожидать по его словамъ. Онъ злобствуетъ и на себя самого: онъ желалъ би "самъ съ собою раздёлиться", чтобы наслаждаться собственною мукой; умирая онъ восклицаетъ: "ахъ, если бы со мной погибла вся вселенна!" Такой "врагъ людей и естества", какъ называетъ себя Самозванецъ, стоитъ дъйствительно "внъ природы" и производить скорже комическое, чёмъ трагическое впечатлёніе. О вірности лицъ временнымъ и містнымъ отличіямъ и говорить нечего: ихъ ръчи, мысли, чувства и поступки несогласны ни съ характеромъ эпохи, въ которую они жили, ни съ характеромъ народа, къ которому принадлежали. Несмотря на свои варяжскія или славяно-русскія имена, они еще пальше отстоять отъ нашей исторіи, чёмъ истинные греки и римляне отъ грековъ и римлянъ французской трагедін. — Въ піесахъ Сумарокова можно указать многія заимствованія изъ Расина и Вольтера. Ильмена походить на Альзиру (въ трагедін Вольтера того же имени); разсказъ Въстника о смерти Трувора (3-е явленіе 5-го акта) напоминаеть разсказъ Терамена о смерти Ипполита, въ Федръ. Синавъ и Труворъ, Мстиславъ и Ярославъ, какъ братья-соперники по любви, имъли образцами Митридата, Британника, Никомеда и другія французскія прамы. Положение Ростислава, въ борьбъ между любовью къ Семирѣ и долгомъ къ отцу и отечеству, подобно положенію Брутова сына, Тита, который измёняетъ Риму изъ любви къ Туллін, дочери Тарквинія (въ трагедін Вольтера: Бруть). Сумарокову извёстень быль и Шексиирь въ исевдо-классическихъ передълкахъ, какъ видно по трагедіи Гамлетъ и по нъкоторымъ мъстамъ въ другихъ піесахъ: монологъ Самозванца-"Не твердо на главъ моей лежитъ вънецъ" (7-ое явленіе 2-го акта) — есть подражаніе монологу Ричарда III; слова Ильмены о загробной жизни: "Ты самъ меня, ты самъ сей смертью поражаешь" (3-е явленіе 5-го акта) сходны съ тревожными сомнѣніями Гамлета въ знаменитомъ монологь: "Быть или не быть?"

4) Трагедін Сумарокова.

Н. Н. Булича.

Трагедія Сумарокова возникла вполнѣ на почвѣ ложноклассической, размѣренной, чрезвычайно хитро придуманной и механической трагедіи французовъ. Эта французская трагедія имѣетъ такое же отношеніе къ древней греческой трагедіп, какое Буало, Баттё и Лагарпъ, теоретики ея, имѣли къ Аристотелю, исковерканному ими. Аристотелева теорія трагедіи, основанная на великихъ сценическихъ явленіяхъ древней трагедіи, стоитъ неизмѣримо выше ихъ бѣдной теоріи. Іревній театръ им'влъ такое полное значеніе для всей греческой жизни, съ которою тесно быль слить, что ни одинъ новый театръ не можетъ похвалиться подобнымъ. Разв'в только англійская драма Шекспира подходить къ нему нъкоторыми сторонами своими. Въ древней греческой жизни было такое глубокое всемірно-человіческое солержаніе, что греческое искусство, прекрасное воспроизведение этой жизни, сохранило въ въчныхъ типахъ своихъ обаятельные, но нелосягаемые образцы для насъ. Оттого на греческой сценъ могли быть представляемы мины целаго человечества, мины, которые и теперь заставляють сердце биться въ груди, какъ, напр., мноъ о Прометев, такъ исполински развитый въ титаническомъ созданіи Эсхила. Драма грековъ была изображеніемъ широкой исторической жизни. Родная дочь греческаго эпоса, въ которомъ сохранились всё народныя, всё племенныя преданія грековъ, она постоянно представляла ихъ живыми предъ народомъ. Она была всегда художественно-понятною исторією прошлаго и върною изобразительницею настоящаго. Тесно связанная съ религіозными учрежденіями, греческая драма была и государственнымъ учрежденіемъ, какъ это видимъ мы въ Аеннахъ. Она была такъ же необходима въ Греціи, какъ Ареопатъ. И что за великолбиная вибшняя обстановка была у этой греческой драмы!.. Археологи съ любовью говорять о роскоши древней сцены. Съ заднихъ мраморныхъ скамеекъ аеннскаго театра можно было видъть Эгейское море подъ яркимъ солнцемъ Эллады; на этомъ морѣ, въ голубомъ прозрачномъ воздухъ, передъ глазами аеинскихъ зрителей, плавали острова, полные историческихъ воспоминаній, и виднілся заливъ, на которомъ только что совершилась національная поб'йда надъ персами; надъ театромъ возвышался акрополь авинскій съ блестящими колоннами Партенона и другихъ храмовъ. На такой только театръ поэтъ могъ призвать цёлый хоръ пятидесяти нимоъ Океанидъ, дочерей съдого Океана, до которыхъ, въ подводную глубину ихъ жилишъ, долегалъ страшный стонъ Прометея и ужасный звукъ молота, кующаго цѣпи страдальца. И съ грустною пѣснью состраданія прилетѣли безсмертныя дѣвы на воздушныхъ коняхъ своихъ къ Прометею. Только на такомъ театрѣ могъ изобразить трагикъ цѣлый народъ греческій, какъ Эсхилъ въ "Персахъ", или исполинскіе образцы и трагическую судьбу Эдипа и бѣшенаго Аякса, въ которыхъ было много общаго, по художественной отдѣлкѣ, съ группою Лаокоона и другими великими созданіями греческой скульптуры.

Ничего этого, разумвется, не было въ трагедіи французовъ, и следовательно не могло быть и у Сумарокова. Французская сцена заимствовала отъ греческой героевъ, которые необходимо должны были действовать на ней, но греческие герон были люди, а герон новой трагедін были такъ далеки отъ жизни действительной, что страсти ихъ, слова, поступки, лвиженія казались совершенно условными и недібиствительными. Корнель, на основании своихъ трагедій, написалъ правила своей французской драмы, и имъ следовали все безъ противоръчія. Онъ старался смягчить въ нихъ все, что было естественно на греческомъ театръ и что казалось ему преувеличеннымъ, но отъ общаго тона греческой драмы отказаться не могь. Потому его трагическія лица становились на ходули, котурна была имъ необходима. Фантастическій элементь, вытекавшій изъ религіозныхъ вірованій грековъ, исчезъ во французской трагедіи. Она сділалась ровною, гладкою, върнымъ изображеніемъ чопорнаго общества маркизъ и дющессъ, но поэзіи и жизни въ ней не било. Французскіе трагики очень много хлопотали о правдоподобномъ (vraisemblable) и ему жертвовали истиной. Для этого мнимаго правдоподобія они утвердили правило знаменитыхъ трехъ единствъ, conditio sine qua non ложноклассической трагедін, - правило, неизв'єстное Аристотелю, потому что греческая сцена была свободна отъ этихъ ухищреній. Любоимтны хитрости французскихъ трагиковъ о распределении времени въ трагедін: какое событіе должно было совершиться во время антракта для того, чтобы действіе не заключало въ

себь ни минуты болье времени того, что происходить ил сценъ. Цъль трагедіи, согласно ученію Корнеля, была не изображение жизни и действительности, а героического действія, способнаго возбудить въ зрителяхъ ужасъ и состраланіе. Возбуждать ужасъ и состраданіе было необходимымъ правиломъ такой трагедін — règle qui est de rigueur. Она должна была заключать въ себъ и правственный урокъ; по здёсь трагики впадали въ довольно запутанную дилемму: или торжествуетъ порокъ, и страдаетъ добродътель, -- тогда зритель не видить морали въ пьесъ, а трагедія сохраняеть свой характеръ; или порокъ наказанъ, и доброд втель возвеличена: тогда зритель доволенъ, получивъ нравственный урокъ, но зато трагедія исчезаеть; она оканчивается счастливо, радостью, следовательно переходить въ комедію. Все это было опредвлено, вымврено и разсказано подробно французскими теоретиками, повторяя которыхъ, Сумароковъ, въ своей "Эпистоль о стихотворствь", говорить:

Трагедія намъ плачъ и горесть представляеть....

....Не тщись глаза и слухъ различіемъ прельстить И бытіе трехъ лѣтъ мнѣ въ три часа вмѣствть: Старайся мнѣ въ пррѣ часы часами мѣрить, Чтобъ я, забывшися, возмогъ себѣ повѣрить, Что будто не игра то дѣйствіе твое, Но самое, тогда случившись, бытіе.

Не сделай трудности и местомъ мий своимъ, Чтобъ мий, театръ твой зря, имеючи за Римъ, Не полететь въ Москву, а изъ Москвы къ Пекину: Всмотряся въ Римъ, я Римъ такъ скоро не покину.

Нельзя, следовательно, обвинять Сумарокова въ томъ, что его трагедія не иметть въ себе жизни и действія. Онъ не могь отбросить тогда отъ себя вліянія французской литературы, этого блестящаго выраженія блестящаго двора Людовика XIV, которому подражала и къ которому стремилась, какъ къ идеалу, вся просвещенная тогда Европа. Были и свои достоинства въ этой классической трагедіи французовъ.

Лучшіе трагики французскіе ум'вли во многих своихъ произведеніяхъ представить высокую идеализацію характеровъ и страстей. У многихъ изъ нихъ исихологическій анализъ сердца и страсти веденъ съ особеннымъ совершенствомъ. Все дъйствіе трагедін лежить на развитін страсти въ главномъ характеръ, и потому часто вся судьба пьесы падаеть на главнаго исполнителя. Простота действія, привлекающая съ перваго раза, и особенно прелесть стиха, достигшаго у Расина высокаго поэтическаго достоинства, выработаннаго до того, что онъ кажется роскошной игрушкой, принадлежать также къ достоинствамъ французской сцены. Этимъ обаяніямъ нельзя было не поддаться, когда Франція была законодательницею вкуса для всего образованнаго міра. По ту сторону пролива была болве богатая жизнь въ драмв, жизнь широкая, двйствительная, страстная, полная глубокаго юмора, гдв страшныя проклятія короля Лира смінялись ідкими насмішками шута, гдв дикія рвчи леди Макбеть прикрывались веселыми выходками привратника, но Шекспиръ на ареопатъ вкуса быль признань грубымь и непросвешеннымь дикаремь, хотя Сумароковъ чрезъ французскую реторту и перенесъ къ намъ "Гамлета". Но что это за Гамлетъ! Только въ 1767 году явилась умная критика Лессинга, и началась открытая борьба съ французскимъ вліяніемъ въ литературъ.

Мы не станемъ подробно указывать всё тё мёста, которыя взяты Сумароковымъ и переведены изъ Корнеля, Расина, Вольтера. Ограничимся болёе подробнымъ разборомъ первой трагедіи Сумарокова "Хоревъ" (1747), какъ образца для послёдующихъ, и скажемъ нёсколько словъ о другихъ.

Действіе "Хорева" происходить въ Кієве, въ княжескомъ доме, въ баснословныя времена Кія. Повидимому, сцена—на Руси, и действительно, въ то время, трагедію Сумарокова считали русскою, взятою изъ нашей исторіи. Тогда обращеніе къ такимъ отдаленнымъ и невернымъ древностямъ, какъ те, въ которыя развивается действіе трагедіи, было похвальнымъ. О русской исторіи были очень темныя понятія. Глав-

нымъ источникомъ ея былъ "Синопсисъ" Гизеля, а о памятникахъ нашей исторіи, лътописяхъ, и помину не было. Только настоящее время начало сознавать отдаленное прошлое нашего отечества, а тогда-чьмъ отдаленнъе была эпоха, чъмъ неопредъленные быть ел и нравы, тымъ, по предписаніямь условій теоріи, легче было поэту работать и создавать какіе угодно характеры. Объ исторической върности, о правильномъ изображении данной эпохи нечего было и думать. Поэтому мы мало имфемъ права упрекать Сумарокова за то, что лица его трагедін не принадлежать никакому времени и никакому народу. У Расина было то же. Переименуйте Тезея, Британника, Полиника, какъ угодно, перенесите сцену изъ Рима въ Египетъ, изъ Авинъ въ Индію, и вы нисколько не нарушите условій трагедін Расина. Тутъ діло шло только о внутреннемъ развитін человъка, о коллизіяхъ трагическихъ, особенно долга и чувства, - въ этомъ ржавомъ винтъ ложно-классической трагедіи. Требовать нравовъ эпохи изображаемой, чтобъ Неронъ былъ Нерономъ, Эдипъ-Эдипомъ, была неумъстная тогда роскошь.

Въ первомъ актъ требовалось, по правиламъ трагической теоріи, изложить положеніе дійствующихь лиць и обозначить будущую судьбу ихъ. Здёсь знакомимся мы съ Оснельдою, дочерью прежняго кіевскаго владітеля Завлоха, которая, послѣ пораженія отца своего и овладѣнія городомъ его Кієвомъ, осталась во власти победителя—Кія. Действіе открывается темъ, что Завлохъ подступилъ къ городу съ войскомъ, и Кій хочетъ освободить свою иленницу и выдать ее отцу. Оснельда и желаеть, и не желаеть этой свободы. Въ напыщенномъ діалогь она повъряеть мамкъ своей Астрадъ, им'вющей въ трагедіи значеніе наперсници, тайну своего сердца, любовь къ молодому брату врага своего рода-Хореву. Она разсказываетъ борьбу въ душъ своей, борьбу между долгомъ и любовью. Это-первая трагическая коллизія. Является Хоревъ, и она открываетъ ему свою преступную любовь. Въ груди Хорева та же борьба: онъ страстно любитъ

Оснельду, а брать и государь его посылаеть сражаться съ отцемъ ел. Во второмъ актъ, гдъ начинается собственно уже дъйствіе трагедін, Сталверхъ, бояринъ и наперсникъ Кія, вливаеть въ душу его подозрѣнія насчеть Хорева, разсказывая о любви его къ Оснельдъ. Хоревъ уговариваетъ брата на миръ и на прекращение войны, съ которой борется его сердце, но, наконецъ, убъжденный сознаніемъ долга, идетъ къ войску. Оснельдъ повъряетъ онъ внутреннюю борьбу свою, говорить ей, съ какимъ тяжелымъ чувствомъ идетъ противъ отца ея. Въ третьемъ актъ Оснельда получаетъ письмо отъ отца, которымъ онъ запрещаетъ ей любить Хорева, и въ отчаяніи хочеть лишить себя жизни, но Астрада удерживаетъ занесенный кинжалъ. Приходить Хоревъ и узнаетъ о содержаніи письма. Въ разговорѣ съ Оснельдою онъ опять разсказываеть борьбу свою, но долгь одолеваеть, и, когда наперсникъ его приходитъ съ въстью о начавшемся подъ ствнами Кіева сраженін, онъ спвшить, скрвия сердце, къ оружію. Четвертый актъ открывается побъдами Хорева надъ Завлохомъ, и Кій уже върить въ правоту своего брата, какъ вдругъ является Сталверхъ съ донесеніемъ о томъ, что Велькаръ, наперсникъ Хорева, освободилъ именемъ Кія изъ темницы пленнаго и послалъ его съ письмомъ Оснельды во вражескій станъ. Призванный плінникъ подтверждаеть это обстоятельство, говоря, что княжна велёла ему объявить отцу ея, что она надъется взойти на кіевскій тронъ. Кій ръшается отравить Оснельду и велить надъть на нее оковы. Напрасно призванная пленница, осыпая упреками Кія, старается оправдать и защитить передъ нимъ брата его. Кій не въритъ и отсылаеть ее въ темницу, велить Сталверху подать ей кубокъ съ ядомъ. Въ иятомъ актъ должна быть разръшена завязка трагедіи и рішена судьба всіхъ дійствующихъ лицъ. Действіе после монолога Кія открывается приходомъ наперсника Хорева, съ мечемъ илѣннаго Завлоха. Кій вѣритъ наконецъ невинности брата, спешитъ послать къ Оснельде п поздравить ее невъстою княжескою, но посланный застаетъ ее уже мертвою. Между тёмъ, является Хоревъ съ Завлохомъ, который соглашается на бракъ своей дочери съ Хоревомъ, но вдругъ приносится извёстіе о самоубійствё Сталверха. Кій долженъ разсказать о смерти Оснельды, и Хоревъ, после длинныхъ тирадъ, закалывается. Смертью его оканчивается трагедія, какъ можно было догадаться сначала.

Разсказывая это содержаніе "Хорева", мы старались показать действіе въ этой трагедін, но действія собственно въ ложно-классической трагедін не было. Поэты вывзжали на длинныхъ напыщенныхъ тирадахъ дъйствующихъ лицъ, на монологахъ, гдв герои откровенно разсказывали всвиъ, что совершилось внутри души ихъ, и, наконецъ, на длинныхъ разсказахъ наперсниковъ, объявлявшихъ зрителямъ о томъ, что совершилось за сценою, передававшихъ побудительныя причины действія въ присутствіи своихъ героевъ. Самую жизнь классическіе поэты какъ будто боялись вывести на сцену. Не говоря о неумъстности длинныхъ ръчей и тирадъ, когда герой и героиня въ самую трудную минуту жизни стараются выражаться какъ можно краснорвчивве, не говоря о томъ, что вездъ эти ръчи не соотвътствуютъ историческому смыслу, напр. Оснельда (действіе III, явл. 2), говоря о любви своей, противной долгу, выражается такъ:

А свёть, превратный свёть, того не разсуждаеть, Не праведнымъ судомъ, но злобой осуждаеть,

забывая, что такія різчи не свойственны женщинамъ візка Кія, Щека и Хорева; надобно замітить, что въ этихъ різчахъ выражались понятія XVIII візка. Потому трагедін этого візка имізотъ историческое значеніе для современнаго иміз общества. Въ нихъ выражается одна изъ любопытнізішихъ сторонъ жизни общества, потому что поэты свой взглядъ современный переносили въ трагедію, напр. странное понятіе о долгіз въ трагедіп Сумарокова "Вышеславъ". И вообще понятія о нравственности въ этихъ трагедіяхъ кажутся извращенными, потому что далеко не похожи на наши. Планъ

этихъ трагедій былъ довольно плохъ, потому что о дѣйствіи не заботились. Въ "Синавѣ и Труворѣ" Гостомыслъ, который борется съ любовью своей дочери къ Трувору, совершенно необдуманно два раза оставляетъ ее наединѣ съ нимъ, а это вовсе не входить въ расчетъ его и совершенно противорѣчитъ его планамъ. Любовь была главною пружиною дѣйствія въ трагедіи, а такъ какъ въ обществѣ эта любовь не могла быть развита до драматизма, то всѣ трагедіи, а особенно русскія подражанія, являются намъ бѣдными содержаніемъ, вялыми и скучными. Много зависѣло тогда отъ исполнителей, отъ актеровъ, которые поневолѣ должны были быть декламаторами; поэтому, вѣроятно, успѣху Сумароковскихъ трагедій помогалъ Дмитревскій, и поэтъ часто слушался его. Извѣстность Дмитревскаго началась съ "Хорева".

Гриммъ, другъ энциклопедистовъ, въ одномъ мѣстѣ своей остроумной переписки, говоритъ, что въ XVIII вѣкѣ, изъ всѣхъ произведеній человѣческаго разума, трагедія требовала меньше всего таланта и воображенія. И это совершенно справедливо. Образцы существовали. Содержаніе одно и то же, большею частью любовь; стоило только присѣсть поэту—и трагедія готова. Всѣ трагедіи поэтому похожи одна на другую, и изобиліе ихъ такъ велико, что очень порядочную библіотеку можно составить изъ однѣхъ трагедій. У насъ также было много трагедій въ прошломъ вѣкѣ и своихъ, и переводныхъ, и это неразработанное поле русской литературы, въ которомъ, безъ сомнѣнія, скрывается нѣсколько любопытныхъ фактовъ для исторіи ея, ждетъ своего воздѣлывателя.

Сумароковъ строго держался классическихъ образцовъ своихъ. Расинъ былъ его идеаломъ, дальше котораго онъ не шелъ, и которымъ хотѣлъ быть на русской сценѣ. Но сущность содержанія трагедій Расиновыхъ была недоступна для Сумарокова, а по недостатку таланта онъ не могъ создать тѣхъ прекрасныхъ женскихъ типовъ, которые составляютъ славу Расина. Эти типы завѣщаны были Расину древ-

ностью; тутъ была связь историческая, несмотря на поблёднёвшія нёсколько черты, а у Сумарокова этого не могло быть.

Вторая трагедія Сумарокова была "Гамлеть", появившаяся въ 1748 году, а игранная въ 1750 году. Это-темное, отлаленное и извращенное преданіе о датскомъ принцѣ Шекспира. Здёсь у каждаго действующаго лица есть наперсникъ или наперсинца, а у Офеліи даже мамка. Элементь фантастическій, который придаеть такую роскошную жизнь великому созданію англійскаго трагика, отброшенъ совершенно, согласно французской теоріи, по которой чудесное есть постояніе эпопен, а никакъ не трагедін. Третья трагедія- "Синавъ и Труворъ", -- одна изъ любимъйшихъ публикою трагедій Сумарокова и часто даваемая на сцень, по свидътельству "Праматическаго словаря", играна была въ 1750 году, а напечатана въ 1751 году. Она-изъ баснословныхъ временъ Новгорода, и весь интересъ заключается въ страсти двухъ братьевъ къ Ильменъ, дочери Гостомысла. Четвертая трагедія — "Артистона", — изъ временъ Кира, явилась въ одно время съ "Синавомъ и Труворомъ". Пятая — "Семира", — изъ временъ Олега, играна была въ концъ 1751 года. "Драматическій словарь" говоритъ о ней: "красота стиховъ и иройскіе характеры достойны уваженія и безсмертія автора" (стран. 124). Шестая-"Ярополкъ и Димиза"-играна была въ первый разъ въ 1758 году. Здёсь замёчательны имена любимца и намёстника Ярополка, составленныя Сумароковымъ, желавшимъ, можеть быть, русскихъ черть въ трагедін: Крипостать и Силотель, но въ характерахъ ихъ неть ничего особенно русскаго. Седьмая — "Вышеславъ", — представленная въ 1768 году, изъ языческихъ временъ Новгорода. Восьмая трагедія Сумарокова, изъ историческихъ временъ, уже насколько близкихъ къ намъ, — "Димитрій Самозванецъ". Она представлена была въ первый разъ въ 1771 году. Но, несмотря на историческое основаніе, она похожа на прежнія трагедін Сумарокова. Онъ ввелъ сюда эпизодъ, неизвъстный историкамъ: дикую любовь Самозванца къ Ксенін, дочери Шуйскаго, и выставиль его самымъ страшнымъ трагическимъ злодѣемъ, въ сущности довольно смѣшнымъ, потому что онъ всѣмъ и на каждомъ шагу твердитъ о своихъ злодѣяніяхъ:

Зла фурія во мит смятенно сердце гложеть, Злодтиская душа спокойна быть не можеть.

Очень спокойно и не скрываясь, объявляетъ онъ своему наперснику, что хочетъ отравить жену свою:

Я къ ужасу привыкъ, злодъйствомъ разъяренъ, Наполненъ варварствомъ и кровью обагренъ.

Въ монологъ, въ концъ второго дъйствія, когда Самозванецъ остается одинъ съ своею совъстью, эта совъсть подымается тяжелымъ укоромъ въ душѣ его. Сумароковъ умълъ передать драматическую истину положенія Самозванца лучше, нежели неестественный, мелодраматическій характеръ его. То же самое можно сказать и о монологѣ въ началѣ 5-го дъйствія. Самозванецъ представленъ грубымъ и дикимъ злодъемъ; въ немъ не замѣтно ни малѣйшей хитрости, которою отличался историческій самозванецъ. Какая разница между этимъ неестественнымъ героемъ Сумарокова и Ричардомъ III, напримѣръ!—Послъдняя трагедія Сумарокова, представленная въ 1774 году, была "Мстиславъ". Дъйствіе происходитъ въ Тмутаракани, и историческаго въ ней нѣтъ ничего.

Эти классическія трагедіи Сумарокова, въ свое время, считались образцами, и Херасковъ и Княжнинъ склонялись передъ авторитетомъ нашего поэта. Онъ былъ ихъ учителемъ въ дѣлѣ трагедіи. Онѣ имѣютъ историческое значеніе въ нашей литературѣ, и историку ея нельзя пройти ихъ молчаніемъ. Въ нихъ отразилось вліяніе вѣка, и стать выше существовавшей тогда теоріи онѣ не могли.

Что касается до трагедій Сумарокова по отношенію ихъ къ французскимъ образцамъ его, то, сравнивая тѣ и другія, мы легко увидимъ, какъ дѣтски-жалки, какъ ничтожны попытки Сумарокова создать лица, характеры, положенія, содер-

жаніе трагедін. Его ньесы представляють только вибшній виль трагедін, сохраняя на первый разь ея условія. Вы видите, что пьеса разделена на пять актовъ, что выхолять герои, говорять длинныя напыщенныя рачи, спорять и шумять, и убивають другь друга и самихь себя. Вся вившияя форма соблюдена удивительнымъ образомъ, но какое бълное содержание входить въ эту чужую, выработанную чужими усиліями, форму. Здісь содержаніе оказывается несостоятельнымъ передъ формою, что бываетъ довольно ръдко въ искусствъ. Лица трагедій Сумарокова похожи на маріонетокъ. водимыхъ за проволоку рукою ребенка. Мы не знаемъ, зачемъ они дъйствують, зачёмъ выходять на сцену, зачёмъ говорять и хлопочуть на сценв. Ни одного правильнаго повода къ дъйствію, ни одного исторически созданнаго характера. и, возникая подобно твиямъ волшебнаго фонаря, они исчезають въ глазахъ нашихъ, какъ тени безъ жизни, хотя съ яркими красками. Но виновать ли Сумароковь въ пустотъ драматическихъ лицъ своихъ, въ этомъ мишурномъ блескъ, прикрывающемъ страшную бъдность? Могла ли жизнь, окружавшая поэта, создать тины могучихъ характеровъ, полныхъ исторической правды и действительности? Нетъ, трагедія Сумарокова — раскрашенная яркими красками, но жалкая литографія съ болве достойнаго оригинала. Въ классической трагелін Корнеля и Расина вы видите, какъ въковая жизнь историческая подымается передъ вами въ рельефныхъ и полныхъ внутренняго содержанія лицахъ. Вы слышите заглушенныя рыданія страсти древней женщины, величавой, какъ античная статуя, и вы дълаетесь участникомъ древней жизни, понимаете ее. Передъ вами выходитъ римская девушка, брошенная въ коллизію между долгомъ къ вѣчному городу и страстью къ альбанскому юношъ, врагу ея отечества, и эта борьба, понятная и дійствительная, будить въ душі вашей историческія воспоминанія. Суровый рыцарь Сидъ мстить за отца своего и женится на дочери убитаго врага; и условія среднев вковаго быта воплощаются въ лица, созданныя французскимъ трагикомъ. Дъйствующія же лица трагедій Сумарокова не принадлежали никакой странъ, никакому народу. Ни историческаго ни жизненнаго содержанія въ нихъ не было никакого, и ко всьмъ трагедіямъ Сумарокова легко можно поставить эпиграфомъ извъщеніе, находящееся при его трагедіи "Мстиславъ": дъйствіе происходитъ въ Тмуторакани".

5) Комедін Сумарокова.

Н. Н. Булича.

Комедін Сумарокова были шагомъ впередъ. Онъ были оригинальны, то-есть не переведены и не заимствованы, а составлены по образцу чужому. И здёсь, какъ и въ другихъ родахъ литературы, Сумароковъ былъ нововводителемъ: онъ первый въ 1750 году написалъ комедію свою, не перевелъ ее и не заимствовалъ. Но искать въ комедіяхъ Сумарокова изображенія общества, яркой картины быта современнаго напрасно. Русское общество было тогда еще слишкомъ молодо для сознанія себя, и только болбе художественная и болве зрвлая комедія Фонъ-Визина соответствуеть некоторымъ образомъ, хотя и не вполнъ, тому понятію о комедін, по которому ее называють "зеркаломъ общества". Напрасно также было бы искать художественной отдёлки характеровъ въ комедін Сумарокова, высокаго драматизма, обдуманныхъ комическихъ положеній: всего этого и не было, и не могло быть. Здёсь главными героями являются лица, нарисованныя густыми, грубыми красками, какъ, напримфръ, Чужехватъ въ "Опекунв", грабитель въ полномъ смыслв, который наказывается судомъ, или Кощей въ "Лихоимцв", жалкій сколокъ съ Мольерова скупого, лишенный его глубокаго психологическаго смысла, обманутый племянницей и лакеемъ. Конечно, можетъ быть, судьба этихъ лицъ представляетъ намъ исторію и факты того времени, но отдільный случай, который можеть быть вездь, во всякое время и во всякомъ обществь, не есть изображение нравовъ эпохи. И въ этихъ двухъ комедіяхъ Сумарокова встрѣчаются еще случайно брошенныя на удачу черты времени, болѣе нежели въ другихъ. Наприиѣръ, въ слѣдующемъ разговорѣ:

Ниса. А французовъ, которые снаружи убираютъ головы, навезено много?

Чужехватъ. Много, за грѣхи наши; а такихъ не вывозятъ, которые бы намъ головы внутри убирали.

Ниса. Нынѣ, сударь, во всемъ только объ одной поверхности стараются, а о важности мало думають, такъ вотъ отчего у насъ пустоголовыхъ людей много.

Пасквинъ, слуга Чужехвата, разсуждаетъ такъ: "Волосоподвивательная наука у насъ въ совершенствѣ, и учителей
сыскать можно довольно: а хорошо писать научиться трудновато, потому что такіе учителя гораздо рѣдки; а я ни объ
одномъ ни слыхивалъ; а не научившись хорошо писать —безъ
благодѣтелей регистраторскаго чина не получишь". Нападки
на ябедниковъ и плохихъ стихотворцевъ разбросаны въ изобиліи по этимъ двумъ комедіямъ, и, по нашему мнѣнію, онѣ
придаютъ особенную жизнь, кладутъ особенную печать таланта Сумарокова и взгляда его на жизнь на многіе разговоры въ этихъ комедіяхъ. Чужехватъ—маленькій Тартюфъ
времени въ русскомъ смыслѣ, и слова его замѣчательны. Вообще "Опекунъ" и "Лихоимецъ"—лучшія комедіи Сумарокова.

Въ "Нарцисъ" выставленъ петиметръ, до глупости влюбленный въ себя, но лицо его неестественно. Въ "Чудовищахъ" выведены на сцену: петиметръ, ябедникъ и педантъ, и изъ нихъ педантъ всъхъ натянутъе, потому что прямо почти взятъ изъ Мольера и изъ міра, въ которомъ могли быть педанты, потому что была наука, а у насъ тогда не могло быть ни того, ни другого. Въ "Тресотиніусъ" Тредьяковскій узнаваль себя и бъсился. Здъсь изображены три педанта, но всъ они чужды нашимъ понятіямъ, и смъщитъ только одинъ Тресотиніусъ спорами о буквъ "твердо" и любовною пъсенкою своею, можетъ быт ь, потому, что, по преданію напоминаетъ Тредьяковскаго.

Въ "Пустой ссоръ осмънвается петиметръ и тотъ языкъ, на которомъ говорили тогда франты.

Прочія комедін Сумарокова: "Три брата совм'єстники", "Ядовитый", "Приданое обманомъ", "Мать совмъстница дочери" и "Вздорщица" суть фарсы, гдѣ все дѣйствіе развивается помощію хитрыхъ и ловкихъ слугъ. Пасквиновъ и Финеттъ, въ которыхъ не было ничего русскаго. Да и другія пьесы собственно не комедін въ высокомъ смыслів, какъ комедін нравовъ, а то, что французы называють pièces d'intrigues. Черты нравовъ встръчаются въ нихъ случайнымъ образомъ, ненарокомъ. Вфроятно, въ комедіяхъ Сумарокова были и личности, которыя попускались тогда, какъ въ древней авинской комедів, но для насъ онъ потеряны. Болье существеннымъ достоинствомъ комедій Сумарокова остается языкъ ихъдовольно живой и бойкій, который стоить выше языка комедій переводныхъ и передівлокъ съ французскаго. Сумарокову принадлежить честь перваго введенія у насъ комической прозы, и этимъ онъ уровнялъ дорогу Фонвизину, языкъ котораго долго считался классическимъ.

Что касается вообще до содержанія комедій Сумарокова и до отношенія ихъ къ французскимъ образцамъ, то и здѣсь мы можемъ повторить только то, что сказали уже объ отношеніяхъ Сумароковской трагедіи къ французской. Комедія его была блѣднымъ отраженіемъ чужой, но въ ней сохранились однакожъ всѣ внѣшнія условія, требуемыя теоріей отъ этого рода литературныхъ произведеній. Но, сохраняя этотъ внѣшній признакъ жизни, комедія Сумарокова не имѣетъ внутренней жизни. Лица и характеры не принадлежатъ дѣйствительности, а суть порожденіе фантазіи самого поэта. Въ комедіи они сталкиваются безъ смысла, а потому дѣйствія никакого не могло быть. Чтобъ показать понятіе Сумарокова о комедіи и чего хотѣлъ онъ въ ней, мы приводимъ слова его о комедіи изъ "Эпистолы о стихотворствь":

Свойство комедін—издівкой править правъ: Смішить и пользовать—прямой ея уставъ.

Представь бездушнаго подъячаго въ приказъ, Судью, что не пойметъ, что писано въ указъ, Представь мнъ щеголя, кто тъмъ вздымаетъ носъ, Что цфлый мыслитъ въкъ о красотъ волосъ, Который родился, какъ минтъ онъ, для амуру, Чтобъ гдъ-нибудь къ себъ склонить такую жъ дуру. Представь латынщика на диспутъ его, Который не совретъ безъ ерго ничего. Представь мнъ гордаго, раздута, какъ лягушку, Скупаго, что готовъ въ удавку за полушку. Представь картежника.... и пр.

Изъ этого перечисленія типовъ комедіи легко уже видѣть, что поэтъ, перенося къ намъ чужую теорію комедіи, требоваль и отъ лицъ ея не народной и дѣйствительной жизни, а подлинниковъ, принадлежащихъ чужому развитію, или такихъ типовъ, съ которыми молодое искусство не въ состояніи сладить.

6) Чувство трагизма. Характеристика его. Составъ трагическаго чувствованія. Дъйствіе трагизма на думу.

(М. И. Владиславлева).

Лярическая поэзія изображаеть чувство въ его отрывочности и какъ бы случайности; трагедія изображаетъ чувство, поскольку оно необходимо развивается изъ извѣстнаго стеченія и связи обстоятельствъ. Не тѣмъ только трагедія отличается отъ лирическаго произведенія, что предметь—ея исключительно страданія живого существа: и лирика съ усиѣхомъ можетъ изображать страданіе, горе, грусть, печаль; но въ самомъ отношеніи къ чувству трагика и лирика есть различіе. Первый беретъ то или другое чувство просто какъ фактъ и довольствуется описаніемъ обнаруженій и послѣдствій его, или изображаетъ вмѣстѣ съ чувствомъ и поводы къ нему въ окружающей человѣка обстановкѣ, но не входить въ подробности послѣдней, смотря на нее, только какъ на случайный поводъ къ извѣстному чувству. Трагикъ разсматриваетъ его въ необходимой связи съ причинами его, поскольку оно неизбѣжно

развивается изъ даннаго состава обстоятельствъ. Оттого лирикъ не обязанъ заниматься развитіемъ, исторіей чувства: его задача (если только можно говорить въ этомъ случав о намеренно поставленныхъ задачахъ) — изобразить чувство такъ, чтобъ оно повторилось въ душв читателя или слушателя; трагикъ, напротивъ, долженъ разсказать исторію развитія и усиленія чувства изъ фактовъ и обстоятельствъ: онъ изображаетъ чувство въ его неизобжности и фатальности, а не случайности.

Въ чемъ же состоптъ трагизмъ впечатлѣнія? изъ какихъ элементовъ онъ слагается?

Во-1-хъ, въ немъ несомненно есть чувство состраданія, вызываемое въ насъ видомъ страданій живого существа. Къ благороднымъ свойствамъ человъческого сердца относится, между прочимъ, его способность живо сочувствовать страданіямъ ближнихъ и вообще другихъ живыхъ существъ. Видъ истиннаго страданія невольно вызываеть въ человъкъ болъе или менъе живое сочувствіе и состраданіе. Трагедія выводить на сцену такихъ лицъ, которыя не могутъ не вызывать въ насъ упомянутаго чувства. Она изображаетъ существа, борющіяся съ дібіствительностію, угнетаемыя ею, и потому страдающія. Мы сочувствуемъ Прометею, прикованному къ скалъ за похищение огня съ неба и дарование его людямъ, Эдипу, которому велиніемъ судьбы предопредилено было совершить тяжкія преступленія. Мы сочувствуемъ благородному человъку, борющемуся съ коварствомъ, злобою, эгонзмомъ окружающей его среды и тяжко оттого страдающему. Чувствосостраданія, вызываемое трагедіей, увеличивается еще особенно потому, что страдающее существо есть нравственная сила, сама по себъ достойная лучшей участи, что страданія ея, въ сущности, не заслуженны, или составляютъ наказаніе, слишкомъ несоразмърное съ виною страдающаго. Трагедія возбуждаетъ въ насъ это чувство и во все продолжение своего развитія поддерживаеть его; мало того, съ развитіемъ дібствія это чувство идетъ crescendo. Представивъ своего героя

въ затруднительныхъ и стѣсненныхъ обстоятельствахъ, трагедія заставляетъ насъ слѣдить за дальнѣйшимъ развитіемъ ихъ въ такомъ притомъ направленіи, что грозныя обстоятельства, окружающія героя, все растутъ и растутъ, отраженіе ихъ въ сердцѣ становится все сильнѣе и тяжелѣе, бѣды и несчастія все увеличиваются и, наконецъ, достигаютъ maximum'a, за которымъ должна послѣдовать неминуемая катастрофа. Соотвѣтственно и чувство состраданія идетъ въ уровень съ напряженіемъ обстоятельствъ и усиленіемъ въ героѣ чувства несчастія.

Во-2-хъ, въ чувствъ трагическаго есть волнение ужаса. Несчастія, съ которыми въ трагедіи борются живыя существа, вызывають въ зритель чувство ужаса. Аристотель еще замьтиль, что трагедія возбуждаеть въ зритель чувство страха за себя, такъ какъ несчастіямъ трагическаго характера можетъ подвергнуться всякій. Можно съ нимъ согласиться, что въ трагическомъ впечатленіи есть вообще чувство страха, но едва ли онъ эгоистическаго характера, т.-е. что эритель боится подвергнуться подобнымъ личнымъ тяжкимъ несчастіямъ. Это — ужасъ предъ дъйствительностію, тяжкою для живого существа, предъ мученіями, кажущимися невыносимыми. Обстановка страданій, видимая или воображаемая, представляется грозною, подавляющею, и она возбуждаетъ страхъ за существо, которое она давитъ: съ содраганіемъ сердца мы помышляемъ о фатальной встрвчв обстоятельствъ, ведшей Эдипа отъ преступленія къ преступленію, о неблагодарности и жестокости людской, доведшей Лира до рубища и сумы, и т. д. Висчатленіе ужаса при этомъ бываеть темь сильней, чъмъ неожиданнъй представляются несчастія, постигшія живое существо, какъ для него самого, такъ и для сторонняго наблюдателя. Предвиденное горе и бедствіе встречаются менъе тягостно, потому что, если и невозможно принять мъры къ ихъ устраненію, по крайней мірь, есть возможность къ нимъ приготовиться. Въ трагедіи бъдствіе за бъдствіемъ, одно другого неожиданнъй, падаетъ на голову несчастнаго, поражая ужасомъ его и зрителя.

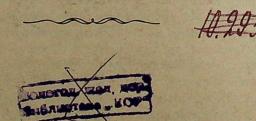
Наконецъ, трагическія впечатлінія будять въ душі и чувство высокаго. Трагическое положение существуетъ только для нравственной силы: ея непоколебимость среди обуревающихъ ее бъдъ, несокрушимость никакими несчастіями вызывають въ наблюдатель чувство удивленія. Поэтому, во-1-хъ, трагическое лицо, чтобъ быть таковымъ, должно непременно представлять собою нравственную силу. Преступникъ, попадающійся въ руки полиціи на м'єст'я преступленія и ссылаемый въ Сибирь, есть несчастное, но не трагическое лицо. Спекуляторъ, разорившійся на биржевой игрѣ, достоинъ сожалвнія, но не годится для трагедін. Во-2-хъ, эта моральная сила не должна уступать напору враждебныхъ силъ, полжна остаться целостною и не изменившею себе; стоя на извъстной нравственной высотъ, она не должна подаваться, сходить съ нея. Человъкъ, страждущій за свои убъжденія и остающійся непоколебимымъ въ нихъ, хотя бы они и не раздълялись нами, справедливо вызываетъ въ насъ удивленіе къ себъ и чувство высокаго. Оттого мученики-христіане, за свои христіанскія уб'вжденія шедшіе на всевозможныя мученія, растерзываемые звёрями, усёкаемые мечами, суть трагическія липа. даже въ язычникахъ возбуждавшія чувство высокаго: своею непоколебимостію среди мученій они многихъ увлекли ко Христу. Не выдержавшіе до конца, по невыносимости мученій, сділавшіеся отступниками ни малівішаго чувства высокаго не возбуждають, и ихъ судьба вовсе не представляется намъ трагическою.

Трагическое впечатлѣніе, какъ всякое другое, увеличивается еще отъ контрастовъ, которыми пользуется искусство, и которые встрѣчаются и въ жизни. Высокая нравственная сила является иногда среди самой недостойной обстановки,— она окружается коварствомъ, недоброжелательностію, грубымъ эгоизмомъ; сравнительно съ окружающею безнравственностію, безкорыстіе и самоотверженіе, върность своимъ убъжденіямъ

является какъ необыкновенная моральная мощь. Художественный контрасть въ трагедіяхъ встрѣчается и въ другомъ видѣ. Мы наблюдаемъ неравенство борьбы между слабымъ индивидуумомъ и мойрою, необходимостію, съ которою и боги не воюютъ, какъ это представляется въ классическихъ трагедіяхъ, или неравную борьбу съ средою, въ которой дѣйствуетъ благородная личность, борьбу съ обществомъ, его предразсудками, страстями, эгоизмомъ, фанатизмомъ и т. д. Съ одной стороны, предъ нами слабая личность, съ другой — громадная сила среды, ея огромная наступательная энергія, ея непобѣдимая косность, ея уничтожающее давленіе на все, ей противустоящее: катастрофа, гибель личности представляется при такихъ обстоятельствахъ ничѣмъ неотвратимою.

Если бы трагедія возбуждала лишь состраданіе и ужасъ, она была бы исторіей необыкновенныхъ страданій и только возмущала бы человъческое сердце, не доставляя ему ни мальйтаго успокоенія, не умиротворяя его. Тогда къ страданіямъ дійствительнымъ, которыхъ полна жизнь, трагическое искусство присоединяло бы еще воображаемыя, которыя не менве первыхъ тяготили бы зрителей. При такихъ условіяхъ едва ли нашлись бы охотники увеличивать свои страданія, и трагическія представленія были бы невозможны. И не за тъмъ публика идетъ въ театръ, чтобы любоваться чужими страданіями и эгоистически радоваться, что чаша бъдствій касается другихъ людей, а не ихъ — зрителей. Очевидно, последніе ищуть другого чего-то, что составляеть послёдній результать трагедін и что непріятнымь быть не можеть. Шекспировскія и классическія трагедін отпускають зрителей умиротворенными и нравственно лучше, чемъ какими они вступили въ театръ, - и эти-то последствія мирятъ насъ съ трагедіей и заставляють высоко ценить трагическое искусство. Умиротвореніе дается зрителю въ чувствѣ высокаго, возбуждаемомъ въ немъ трагическимъ зрѣлищемъ. Какъ созерцаніе величественныхъ явленій въ природѣ возвышаетъ духъ, какъ бы приподнимаетъ его надъ обыкновенною рути-

ною впечатлівній, такъ и созерцаніе великой нравственной силы возвышаеть душу. И такъ какъ моральная сила, при всемъ трагическомъ своемъ положении, не измъняетъ себъ, несеть кресть страданій, но не уничтожается и не преклоняется предъ вившними давленіями, то съ трагическаго зрівлища мы уносимъ съ собою мысль о моральномъ величіи и непобъдимости его матеріальными силами. Сознавая въ себъ моральную силу, мы успоконваемся на мысли, что есть у насъ достояніе, никъмъ не крадомое, ничъмъ не уничтожимое. Съ другой стороны, велико действіе и чувства состраданія, возбуждаемаго трагическимъ зрівлищемъ. По существу своему составляя отрицаніе этоизма, оно очищаетъ лушу. Сострадая чужимъ бъдствіямъ, мы забываемъ о самихъ себъ, мы сходимъ съ обыкновеннаго эгоистическаго пути дъятельности, вызываемъ въ себъ самыя благородныя волненія. Эта трехчасовая, или хотя бы минутная, жизнь внв сферы грубыхъ самолюбивыхъ интересовъ даетъ силу лучшимъ инстинктамъ человъческой природы и, какъ мы сказали, очищаеть духъ, делаеть его лучшимъ, чемъ какимъ онъ былъ по того.

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ

указанного здесь срока

остава постава по постава и тройни. Обсумия

ново-Вознесенси, І и собранки женски и троек выяснился т и только на мануф заева и Грязнова. б. Куваева трояка

enx rologiqes:

Oscidentes

Os

BORLEROS

ou LTGGEG TO ROW O TONGERY S BEO TONGE END B OKINCIAISKHEN FOTOSH OR KHO

DAGER

-HENDE RHESERGEOGRAPH SHADON AHRONON

отриухов неделя Ирасной назагам в Серпухове ла успешно. Произведены работы по улучшеныю герного состояня назармы. Вымыты морпуса та устроены база для нрасносраецев, вышыто элье, много почанся облыя и др. работ. Рабочю элье, много почанся промышлезностя востаговаля выпуска правать специальные «вечеринии» но пошные бель драсносраецев.

Серпу изасной изармы в

мотом на вестиром в ход известивный в ход известионы не пропоменского экономического общества выпустив не променения и 15 тысь и ит. импраницемуст местиму предени и предените вы преденит

3 л. VII. Данте Алигіери. (1265—1321). Божественная комедія. Часть І. Аль. переводахъ русскихъ писателей. Полный тексть ХХХІУ песенъ. — Объяснительныя

тьи, Изд. 2-е. Истроградь. 1913. И 55 к.
Вип. УІИ. Данте Алигіори (12 5—1321). Божественная комедія. Часть И.
стиліще. Въ переводахъ русских писатель». Полний тексть ХХХІІ пѣсенъ. Иримънія. Истроградь. 1897. Ц. 50 к.
Вып. ІХ. Данте лигіори. (1265—1321). В жественная комедія. Часть ІІІ. Рай.
переводахъ русскихъ писателей. Полный тексть ХХІІІ пѣсенъ.— Примъчанія. Истро-

адъ. 1897. Ц. 55 к.

Вын. Х. Людовико Аріосто. (1474—1533). Неистовый Роландъ. Поэма въ сока шести пъсняхъ въ переводахъ русскихъ писателей. Содержание поэмы Боярдо "Влюнный Родандь". - Тексть 17-ти ивсень Аріосто и изложеніе содержанія остальныхь, усь пведенјемъ лучшихъ отрывковъ. — Объяснительныя статьи. Петроградъ, 1898. И. 75 к.

Вып. XI. Франческо Петрарка. (1304—1374). Избранныя сонеты и канцоны въ Реподахъ русскихъ писателей. I—XXV сонетовъ. — I—III канцоны. — Объяснительныя

УТЬИ. Петроградъ. 1898. II. 25 к.

Вын. ХП. П. Бомарше. Избранныя сочин. Пер. Чудинова. Петроградъ. 1898. Ц. 55 к. Вын. ХПІ. Торквато Тассо. (1544—1595) Освобожденный Герусалимъ. Поэма въ адцати иссняхь вы переводахь русскихы писателей. Переводь I = IV, XII, XIII, XV, 71 и XX строфъ и изложение содержания остальныхъ, съ приведениемъ лучшихъ мъстъ.ъяснительныя статьи. Петроградъ. 1899. Ц. 40 к.

Вын. XIV. А. Шамиссо де-Бонкуръ. (1781—1838). Избранныя произведенія въ Реводахъ русскихъ писателей. Чудесная исторія Петра Шлемиля.—Избранныя стихо-

оренія. Петроградъ. 1899. Ц. 35 к.

Вын. ХУ. Г. Х. Андерсенъ. (1805—1875). Избранныя сочиненія въ переводахъ сскихъ писателей. Часть І-я. Сказка моей жизни. -Книга картинъ безъ картинъ.збранныя стихотворенія. Потроградъ. 1899. Ц. 75 к.

Вып. ХУІ. Г. Х. Андерсень. (1805 — 1875). Импровизаторы или молодость и

чты итальянского поэта. Романь. Петроградь. 1899. Ц. 75 к.

Вып. ХУП. Джьовании Бокаччьо. (1313 — 1375). Декамеронъ. Собраніе изанныхь новеляь въ переводахъ русскихъ писателей. Вступление. Текстъ XX повеляь. л. яснительныя статьи. Петроградъ. 1899. Ц. 40 к.

Вып. ХУПГ. Д. Дидро. (1712-1784). Избранныя сочиненія въ переводахъ русскихъ

сателен. Племянникъ Рамо. — Біографическій очеркъ. Петроградъ. 1900. Ц. 40 к.

Вчи. XIX. В. Гёте. (1749 — 1832). Фаусть. Драматическая поэма въ 2-хъ частяхъ. ереволь М. В. Вронченко. Тексть І-й части.—Изложеніе ІІ-й части. — Объястительныя атьи. Истроградъ. 1900. Ц. 55 к.

Вын. ХХ. А. Де-Мюссе. (1810—1857). Избранныя сочиненія, переводь Чег другихъ. Лярика, поэмы: Ива, Порція. Комедін: Луизонъ, Дъвичьи грезы, Как

бъяснительныя статьи. Петроградъ. 1901. Ц. 50 к.

Вып. ХХІ. Дж. Г. Байронъ. (1788—1824). Избранныя сочиненія въ переводах в р этовь. Лирическія стихотворенія.-Поэмы Шильонскій узникь. - Абидосская Не трывки изь Чайльдъ-Гарольда и Донх-Жуана. — Объяснит, статьи. Петроградъ. 1901.

Вып. ХХІІ. В. Шекспиръ. (1554 — 1616). Макбеть. Трагедія въ пяти тейс ереводъ М. В. Вронченко. Текстъ трагедін. Объяснит. статьи. Петроградъ. 1902. Ц Вын. ХХІІІ. І. Уландъ. (1787—1862). Избранныя стихотворенія въ переводахъ ру

этовъ. Итсни.—Валлады и романсы.—Объяснит. статьи. Петроградъ. 1902. П. 30 Вып. XXIV. Калевала. Финская народкая эпопея. Переводъ Л. П. митераторской Академіей Наукъ удостоенный Пушкинской премін. Руны: 1 — 8.

41 и 42. — Объяснительныя статьи. Петроградъ. 1902. Ц. 50 к.

Вын. ХХУ. Древне-свверныя саги и пъсни скальдовъ въ переводахъ русскихъ исателей. I--IV саги.—Пъсни скальдовь.—Скандинавскія народныя пъсни.—Объяснительыя статьи. Летроградъ. 1903. Ц. 60 к.

Вып. ХХVI. Ж. Расинъ. (1639 — 1699). Избранныя сочиненія въ переводахъ усских в писателей. Федра. - Гофолія. - Объяснительныя статыв. Петроградъ. 1903. Ц. 40 к.

Вып. ХХ ГП. Избранныя юнацкія пісни сербскаго народа въ переводахъ руск ихъ писателей. Ифсии о Коссовской битвъ.—Ифсии о Маркъ кородевичь.—Эпическія ифсии иаго содержанія.— Лирическія п'всни.— Объяснительныя статьи. Петрограда. 1904. Ц. 50 к.

LEHIP BENOBA (pg)